ozon.ru

Annotation

«Синдбад-наме», памятник персидско-таджикской литературы. Состоит из 34 обрамленных притч. Первоосновой «С.-н.» были индийские обрамленные рассказы, переведенные на средне-иранский язык пехлеви в 5–6 вв. В 8 в. эта версия была переведена на арабский язык. Наиболее известным является прозаический перевод перса Асбага Сиджистани, основанный на полной пехлевийской редакции, — т. н. «Большой Синдбад», примерно в то же время верифицированный поэтом Абаном Лахыки (умер около 815). Сокращенный перевод на арабский язык — «Малый Синдбад» — предположительно был выполнен персом Мусой Кисрави (умер около 850); с этого текста впоследствии сделаны переводы на ряд европейских языков. Новоарабский вариант под названием «Семь везиров» лег в основу турецкой версии «Семь мудрецов», почти полностью вошедшей в собрание сказок ***«Тысяча и одна ночь»***.

В 950–951 Амид-Абу-ль-Фаварис Фанарузи по приказу саманида Нуха I Ибн Насра перевёл «С.-н.» с пехлеви на дари (фарси). В 12 в. Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн аль-Хасан аз-Захири аль-Катиб ас-Самарканди стилистически обработал лишенный художественности перевод Фанарузи. Обрамляющий сюжет «С.-н.» заключается в том, что наложница царя клевещет ему на его сына. Царь готов казнить царевича, но семь везиров во главе с мудрым воспитателем, рассказывая назидательные притчи, доказывают царю несправедливость его намерения и невиновность сына.

- Мухаммад Аз-Захири Ас-Самарканди
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Во имя Аллаха милостивого, милосердного, к которому мы обращаемся за помощью
  - Синдбад-Наме
    - Начало повествования
    - Раздел об особенностях человека
  - Начало Синдбадовой Книги

        -
        - Рассказ об обезьяне, лисе и рыбе
        - Рассказ о волне, лисе и верблюде
        - Рассказ о кашмирском шахе и погонщике слона
        - Рассказ о женщине, баране, слонах и обезьянах
    - Первый везир приходит к шаху
        -
        - Рассказ о муже, его жене и попугае
        - Рассказ о воине, его любовнице и слуге
    - Невольница приходит к шаху на второй день
        -
        - Рассказ об отбельщике, его сыне, осле и пучине
    - Второй везир приходит к шаху
        -
        - Рассказ о куропатках, самце и самочке
        - Рассказ о красивой жене и бакалейщике
    - Невольница приходит к шаху на третий день
        -
        - Рассказ о царевиче, везире и гулях
    - Третий везир приходит к шаху
        -
        - Рассказ о воине, мальчике, кошке и змее
        - Рассказ о жене купца
    - Невольница приходит к шаху на четвертый день
        -
        - Рассказ о свинье, смоковнице и обезьяне
    - Четвертый везир приходит к шаху
        -
        - Рассказ о банщике, его жене и царевиче
        - Рассказ о влюбленном, старухе и плачущей собаке
    - Невольница приходит к шаху на пятый день
        -
        - Рассказ об охотнике, моде, собаке, ласке и бакалейщике
    - Пятый везир приходит я шаху
        -
        - Рассказ о купце-чревоугоднике
        - Рассказ о невестке, свекре и любовнике

- Невольница приходит к шаху на шестой день
  -
  - Рассказ о воре, льве и обезьяне
- Шестой везир приходит к шаху
  -
  - Рассказ об отшельнике, джинне и совете жены
  - Рассказ о старухе, юноше и жене торговца тканями
  - Рассказ о царевиче и везирах
- Седьмой везир приходит к падишаху
  -
  - Рассказ о государе-женолюбе
  - Рассказ о мужчине, собиравшем истории о коварстве женщин
- О том, как заговорил шахзаде на седьмой день
  -
  - Рассказ о хозяине и гостях
  - Рассказ о жене, ребенке, колодце и веревке
  - Рассказ о двухлетнем мальчике
  - Рассказ о пятилетием мальчике, старухе и ворах
  - Рассказ о слепом старце, купце и ворах
  - Рассказ о дочери Кашмирского шаха, пери и четырех братьях
  - Рассказ о лисе, сапожнике и жителях города
  - Рассказ о шахе Кашмира и сыне его везира
  - Рассказ об удоде и праведном муже
  - Рассказ об осе и муравье
- Изречения, высеченные на стене дворца Фаридуна
- Окончание книги
- ПРИМЕЧАНИЯ[7]
- Приложение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

Мухаммад Аз-Захири Ас-Самарканди Синдбад-Наме

Мухаммад
аз-Захири
ас-Самарканди

Синдбад-наме

Перевод
М. Н. ОСМАНОВА
под редакцией
А. А. СТАРИКОВА

Издательство
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва – 1960

Перевод стихов А. В. СТАРОСТИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая в первом русском переводе с персидского книга «Синдбад-наме», несомненно, привлечет внимание и специалистов-литературоведов, и широких кругов читателей.

Книга эта, точнее говоря, ее первооснова, — пехлевийский перевод с индийского оригинала, — важное звено литературных связей Востока и Запада. Ее история теснейшим образом переплетается с историей общеизвестных памятников мировой литературы — «Панчатантра», «Калила и Димна», «Сказки попугая», «Семь мудрецов», «1001 ночь». В том виде, в каком эта книга дошла до нас, она представляет собой ценный образец персидской среднеазиатской прозы XII в.; до сих пор она оставалась вне поля зрения исследователей. Наконец, «Синдбад-наме» — просто интересное для всякого читателя, занимательное и своеобразное произведение.

Два последних обстоятельства освещены в статье чл. — корр. АН СССР Е. Э. Бертельса «Образец таджикской художественной прозы XII в.», публикуемой в приложении к этой книге. Поэтому здесь мы коснемся лишь первого из трех перечисленных вопросов — основы и литературной истории книги как памятника, отраженного в ряде литератур.

«Синдбад-наме» означает «Книга о Синдбаде». Синд[и]бад— по-видимому, арабизованная форма индийского имени, издавна и широко известного в связи со сказками «1001 ночи». Рассказы о Синдбаде-мореходе — один из самых популярных разделов знаменитого сборника. Можно даже допустить, что герой морских приключений в рассказах Шахразады не случайно зовется так же, как и более древний герой «Книги». Но на самом деле они — разные герои не связанных друг с другом сказаний. Рассказы о Синдбаде-мореплавателе — это компиляция морских рассказов (большей частью индийского происхождения), распространенных в X в. в Басре, оживленной и многоязычной гавани арабского аббасидского халифата. Эти полуреалистические, полуфантастические рассказы к XV в. оформились в известный цикл, наиболее популярный в составе всего сборника сказок Шахразады. Синдбад нашей «Книги» — мудрец-

мыслитель, герой обрамляющего, основного сказа. Не во всех версиях «Книги» дается его имя, ио там, где оно приводится, Синдбад везде именно мудрец, а не авантюрный герой вставных рассказов.

Написанное на персидском языке сочинение Захири Самаркандского «Синдбад-наме» — не древнейший вариант книги, но эта версия ближе других к пехлевийскому оригиналу сасанидской эпохи, не дошедшему до нас. Собственно, пехлевийский оригинал также не первооснова, но он представляет собой фиксированную версию и существовал как книга, между тем как индийская первооснова еще не обнаружена. Мы только предполагаем, что в Индии была «Книга Сиддхапати» (Siddhapati — в санскрите «глава мудрых»), в пехлевийско-персидской форме, а также в арабской транскрипции звучащая как «Синдбад».

Истоки сказочного и басенного сборника всегда трудно определить: подобные книги, как правило, относятся к раннему средневековью. Наиболее известный сборник такого типа — «Панчатантра»— появился в Индии примерно в IV–V столетии н. э. Но если попытаться проследить развитие отдельных сюжетов, поиски увлекут нас далеко в глубь предшествующих столетий, окажутся связанными и с «джатаками» буддийской литературы, и с эпическими текстами «Махабхараты», и с гимнами «Ригведы».

Теперь выясняется, что народы Востока и Запада были теснее связаны друг с другом, чем это допускалось для глубокой древности. Фольклорные связи тех отдаленных времен бесспорны, но в то же время неуловимы. Исследователей долго поражала близость индийских басен и сказок к фольклору других народов, прежде всего их несомненная связь с баснями Эзопа; мнения ученых о первичном, основном источнике сказок были различны. Несомненно влияла Индия, думали одни (например, Т. Бенфей, Компаретти), ведь известны даже пути этого влияния — связи Индии и Эллады со времен походов Александра. Но засвидетельствовано, что так называемые басни Эзопа были распространены среди греков еще в VI в. до н. э., то есть до похода Александра на Восток.

Вероятно, вопрос о «приоритете сюжетов» следует решать, исходя из естественного параллелизма развития, допуская вместе с тем вероятность взаимопроникновения отдельных элементов, тем. Вот

почему мы так ценим возможность зафиксировать вполне ощутимые литературные связи.

Таким первостепенным по значению был факт общения Индии со средиземноморской культурой через литературу сасанидского Ирана на языке пехлеви. Расцвет этой литературы и вместе с тем интересующие нас литературные факты относятся к V и VI векам н. э., то есть ко времени правления Хосрова Ануширвана (531–579).

До нас дошли лишь фрагменты этой литературы на государственном языке того времени — пехлеви; среди них прежде всего — памятники оригинальной литературы, религиозной («Авеста» и примыкающие к ней произведения) и светской («Книга деяний Ардешира», «Памятка о Зарире» и др.). К этим памятникам можно добавить дошедшие до нас переводы с пехлевийского на арабский, сирийский и другие языки, свидетельствующие о существовании других литературных произведений, и, таким образом, представить себе в общих чертах объем, историческое значение и характерные черты большой литературы на пехлеви. Любопытно, что в этой литературе существовали переводы на пехлеви с греческого (главным образом философских трудов Плотина, Аристотеля, неоплатоников) и индийских языков (главным образом, беллетристических, дидактических памятников). Правда, сами эти переводы до нас не дошли, они известны лишь в последующих переводах-обработках— арабских, сирийских, грузинских, армянских и новоперсидских.

Перечислим основные произведения художественной литературы, переведенные в V–VI веках н. э. с индийских языков на пехлеви.

Это прежде всего «Панчатантра», возможно, еще буддийская редакция сборника, известного под этим названием.

Санскритский (или, может быть, пали) оригинал пехлевийского перевода неизвестен; утерян и сам перевод, но благодаря арабскому переводу с пехлеви середины VIII в. сборник получил мировую известность под названием «Калила и Димна»[1].

Не меньшую известность, чем «Калила и Димна», получило легендарное «житие» Будды — в арабском переводе «Повесть о Балхаваре и Будасафе»[2].

Наконец, исключительно интересен факт существования в литературе на пехлеви сказочного сборника, в основе своей, несомненно, переводного с индийского, но, по-видимому,

содержавшего и непереводные материалы, — возможно, композицию местных, иранских сказочных мотивов. Это «Хазар афсане» («Тысяча сказок»), не дошедший до нас персидский оригинал арабских переводов-обработок. Сюжеты, мотивы, имена этих сказок отразились в многочисленных сборниках, переплелись с другими сказочными и фольклорными элементами арабской, персидской и других литератур восточного средневековья. Несомненно, что именно «Хазар афсане», этот «неуловимый» сборник с индо-иранской основой, стал ядром «1001 ночи».

В этом ряду наиболее значительных памятников пехлевийской литературы — переводов с индийских языков — может быть назван и оригинал «Синдбад-наме».

Правда, нам ничего не известно о существовании в Индии предполагаемой «Книги Сиддхапати» как сборника, зато отдельные рассказы, вошедшие в пехлевийскую, а затем в персидскую редакцию «Синдбад-наме», широко известны в различных индийских вариантах, в частности, по сборникам «Сказки попугая».

Дальнейшая литературная судьба книги о Синдбаде связана с историей арабской, точнее арабоязычной, литературы халифата Аббасидов. Как известно, переводы с греческого и в особенности с пехлеви на арабский, ставший обще-литературным языком халифата, — основная черта этого периода в арабской литературе.

Еще около 750 г. первый и самый знаменитый из арабских переводчиков с пехлеви иранец Рузбех, принявший в исламе имя Ибн аль-Мукаффы (казнен ок. 757 г.), перевел на арабский язык прозой основные памятники пехлевийской литературы: «Хватай-намак» («Книга Владык» — арабск. «Сияр аль-мулук»), «Калилу и Димну», «Деяния Ардешира», «Деяния Ануширвана», «Книгу про Маздака».

Эти переводы не были единичными; за ними последовали другие прозаические и поэтические переводы и обработки (так, нам известны имена семи переводчиков «Хватай-намак»). Наличие стихотворных переводов показывает живой интерес к переводной литературе среди образованных людей того времени.

Годы правления халифа Мансура (754–775), а также его преемников Махди (775–785) и Харуна ар-Рашида (786–809) оказались особенно обильными такими переводами.

Именно к этому времени относятся и переводы «Книги Синдбада» на арабский язык, а также стихотворные версии-обработки этих переводов. С арабскими переводами «Синдбада» связаны три известных литературных имени. Это иранец Асбага Сиджистанский, переведший прозой так называемый «Большой Синдбад» (т. е. основную, полную, пехлевийскую редакцию), и его современник и друг поэт Абан Лахыки (ум. ок. 815 г.). Последний известен как неутомимый версификатор многих не дошедших до нас пехлевийских книг, в том числе и упомянутого «Большого Синдбада» Асбаги Сиджистанского.

Но наряду с «Большим» источники, в первую очередь ан-Надим в «Фихристе»[3], называют «Малый Синдбад». Видимо, «Малый Синдбад» был сокращенной арабской переделкой пехлевийского оригинала, выполненной, как предполагают, Мусой Кисрави, известным переводчиком-интерпретатором «Хватай-намак» (ум. ок. 850 г.) [4],

Ан-Надим в «Фихристе» не дал хронологии упоминаемых им «Большого» и «Малого Синдбада», что породило расхождения в оценке этих двух арабских редакций книги, их отношения друг к другу и связей с ними многочисленных переводов с арабского.

По-видимому, можно считать установленным, что версификация Абана Лахыки, о которой мы упоминали, основана на переводе Асбаги Сиджистанского («Большой Синдбад»), тогда как «Малый Синдбад» Мусы Кисрави лег в основу большинства известных переводов «Синдбада» — сирийского, древнееврейского, испанского и новоарабского. Сирийский перевод послужил основой греческого с упоминанием имени арабского переводчика «Малого Синдбада», «перса Мусы [Кисрави]», а греческий — в свою очередь стал основой румынской версии-перевода.

На новоарабской версии «Синдбада» с названием «Семь везиров» основаны всемирно известные «Семь мудрецов» («Семь везиров») — турецкая версия, получившая особенно широкую известность в Европе. Эта версия вошла почти целиком в сборник «1001 ночь».

К этим основным версиям-переводам «Малого Синдбада» восходят многочисленные переводы-обработки: латинский, французский, итальянский, немецкий, шведский, венгерский,

армянский, словацкий, делающие «Синдбада» одной из наиболее популярных книг-сюжетов в мировой литературе.

Таким образом, основные распространенные изводы-варианты Синдбада являются отражением «Малого Синдбада». Но действительно ли Муса Кисрави обработал с сокращением арабский же перевод Асбаги, то есть «Большой Синдбад»? Если Муса Кисрави и «Муса перс», о котором как о переводчике на арабский язык «Хватай-намак» говорится в греческом переводе, одно лицо (а это весьма вероятно), то можно предположить, что он обратился не к арабскому переводу Асбаги, а непосредственно к пехлевийскому оригиналу. Однако работа над переводом оригинального пехлевийского текста была безусловно трудна, а перевод Асбаги уже существовал. Очень возможно, что обращение к пехлевийскому оригиналу было вызвано особыми соображениями. Ведь нам, собственно, мало известно о нем. Вполне вероятно предположение о существовании двух пехлевийских редакций памятника, неодинаково полных и различно оформленных (скажем, отличающихся большей или меньшей простотой языка и стиля). Разумеется, доказать это трудно, но и категорически опровергнуть тоже нельзя.

Вернемся к арабскому «Большому Синдбаду», переводу Асбаги Сиджистанского, и к его единственному арабскому отражению в сборнике «100 ночей».

Еще академик С. Ф. Ольденбург[5] отметил разногласия авторитетных исследователей памятника Компаретти и Нёль-деке в вопросе о соотношении «Большого» и «Малого Синдбада» с различными версиями-переводами. С. Ф. Ольденбург высказал предположение, что к «Малому Синдбаду» восходят все известные изводы и переводы, кроме персидских, известных тогда только по рукописям Британского музея и библиотеки Королевского Азиатского общества, которые он считал связанными с «Большим Синдбадом». По существу, предположения С. Ф. Ольденбурга были правильны с одним только исключением: персидские изводы (речь идет, собственно говоря, только о новоперсидском переводе Абу-л-Фавариса Фанарузи, современника Саманида Нуха ибн Насра, жившего в середине X в.) восходят не к арабскому «Большому Синдбаду», а непосредственно к пехлевийскому оригиналу, к его «большой» версии. Больший по

объему вариант был, вероятно, и более изысканным, цветистым по стилю.

Вопрос о том, восходят ли обе пехлевийские редакции к одному общему индийскому оригиналу или можно допустить существование двух индийских сборников, также различающихся объемом и стилем изложения, остается открытым.

Нам кажется более вероятным предположить существование двух индийских редакций, чем допустить, что на пехлевийской почве были созданы две обработки одного индийского оригинала. По-видимому, именно это и предполагает новейший исследователь вопроса, издатель персидского текста аз-Захири Ахмед Атеш (см. его предисловие к стамбульскому изданию «Синдбад-наме»). Таким образом, персидская версия «Синдбада» X в. — не перевод арабского «Большого Синдбада» IX в., а параллельный извод, восходящий к их общему источнику — «большой» пехлевийской редакции сасанидского времени (V–VI вв.).

Здесь находит свое место и наша книга — «Синдбад-наме» Мухаммеда аз-Захири Самарканду как извод-обработка персидской же версии Абу-л-Фавариса, а также упоминаемые в источниках параллельные персидские изводы — Азраки (XIII в.), Казвини (XIII в.), Дакаики (XII в.) — и турецкие версии.

О месте обработки Захири в общей истории таджикско-персидской литературы, об основной сюжетной канве и особенностях стиля достаточно полно и наглядно сказано в публикуемой в приложении статье Е. Э. Бертельса.

Остается сказать несколько слов лишь о переводе «Синдбад-наме» и его оригинале.

О существовании списков книги Захири известно давно, но двух наличных рукописей (Британского музея и библиотеки Королевского Азиатского общества) было недостаточно, чтобы установить критический текст. К тому же эти рукописи заметно различались по стилю и плохо сохранились. Открытие и изучение ценных рукописей труда Захири в турецких собраниях, прежде всего в музеях Стамбула, позволило турецкому филологу Ахмеду Атешу издать в 1948 г. персидский текст «Синдбад-наме» Захири с разночтениями, примечаниями, указателями и введением в изучение памятника. С этого издания и был выполнен публикуемый сейчас русский перевод.

Книга аз-Захири написана чрезвычайно сложным, вычурным языком, насыщенным трудно переводимыми поэтическими и риторическими фигурами. Автор щедро украшает прозаическое изложение элементами рифмы и ритма. Полностью воспроизвести по-русски все ухищрения «изысканной прозы» того времени — дело почти немыслимое Переводчик М.-Н. Османов стремился передать, насколько это возможно, своеобразие оригинала в формах, доступных современному русскому читателю.

А. А. СТАРИКОВ

Во имя Аллаха милостивого, милосердного, к которому мы обращаемся за помощью

*Хвала и слава великодушному творцу, который создал укромный уголок для влюбленных в покоях темной ночи. Благодарность и признательность создателю, который из белизны дня сотворил стоянку для жаждущих, обитель бытия и тлена. Щит для лика луны раскрывается *каламом[6] его мощи, его воля извлекает из ножен утра лучи, подобные мечам. Он всемогущий — на его совершенную красу не садится пыль исчезновения, он — совершенный, за полу великолепия которого не ухватится рука ущербности. Мыслимые опасности ничтожны в пространстве его могущества, шаги помыслов не достигают горизонтов его владычества. Он воздвиг возвышенный дворец неба без орудий и инструментов, сшил зеленое платье небосвода без ниток и ножниц. Он превратил субстанцию воды посредством тепла в вещество огня, а вещество воздуха посредством холода отправил в центр влажности, материю огня в силу легкости и сухости поселил в океане, субстанцию земли по причине холода и сухости он *сделал соседом центра. Он заставил двигаться через *двенадцать переходов *семь отцов вышних, заставил двигаться и покоиться * четырех неземных матерей в середине вышнего мира. Смешав дым и пар, он создал в небесных просторах гром, молнию, облака, ветры и метеоры. Сочетав два тонких естества, он создал в сердце грубого камня драгоценные каменья и металлы. Вслед за отборной частью четырех стихий он сотворил три мира, создав роды и виды живых существ. Из родов и видов живых существ он выделил человека и сделал его венцом существ и заглавным листом творений, как он сам сказал: *«Мы уважили потомков Адама и поселили их на суше и море, одарили их приятными вещами и предпочли их всем другим созданиям». Он сделал человека полным хозяином и правителем всех низших соединений, одарил его способностью повелевать и запрещать и послал — для дел будущего мира, для упорядочения жизни, управления странами и*

распоряжения рабами божьими — пророков (да приветствует их Аллах и да благословит!).

*Он ниспослал веления в виде красноречивых посланий и ясных доводов, а устами пророков послал вести в виде откровения, установил людям законы и обычаи и приказал им быть справедливыми и строгими в наказаниях, быть покорными правителям и молиться ему, как он сам об этом сказал: *«Я создал людей и *джиннов только для того, чтобы они повиновались мне». Ради утверждения и упрочения законов мудрости, ради поддержания и подкрепления основы действий и поступков он научил людей знанию и мудрости, *илариату и *тарикату, как об этом сказал всевышний, всеславный и всемогущий Аллах: *«Нет ни зернышка в темных уголках земли, ни влажности, ни сухости, не предусмотренных в ясном Писании».*

*Для наказания и покорения грешников, для искоренения и обуздания насильников, на горе и скорбь невеждам, он даровал разум и усердие, а кроме разума и усердия — *священную войну. Он ниспослал Писание и меч, как об этом сказал сам всевышний, всеславный Аллах: *«Мы ниспослали наших посланников с откровениями, ниспослали вместе с ними Писание и весы, чтобы они держали людей в справедливости, мы ниспослали также железо, которое и вредно и полезно для людей».*

Писание — это разум, весы — усердие и железо— меч; они ниспосланы для того, чтобы мудрые постоянно видели чудеса Писания и чтобы посредством разума, мудрости, логики и рассуждений познавали доводы, свидетельствующие о всемогуществе, доводы о сотворении мира Аллахом и его мудрости, чтобы они воздерживались от совершения непохвальных поступков и недостойных деяний, чтобы невеждам, лишенным доли того мира, сначала доказывали словом Истину, а потом уже карали их мечом, ибо невежда, если он не будет наказан в этом мире, не устрашится муки того мира и не будет сторониться подстрекательства к смутам и возбуждения к пороку:

**Насилье — в сущности людей, насилием богат наш свет,*
И люди только от нужды не нанесут соседям вред.

Поскольку вечная мудрость и бессмертное вспомоществование гласят, что пророческий сан и царская власть, религиозное и светское руководство сопутствуют друг другу, так как люди земли находятся на различных путях, ступенях и переходах судьбы, поскольку «калам без меча и знание без применения его на деле — никчемны», —

Покой народам всем, рабам — отрады свет,
Спасение навек от горестей и бед
Несут суровый меч и кроткое перо —
Две вещи, вот и все, а третьей в мире нет,

— то творец укрепил религию светской властью и дал основание царской власти в религии. Он укрепил, усилил и утвердил одно другим. Вслед за этими своими велениями и запретами Аллах велел повиноваться власть имущим и уравнял повиновение им с покорностью себе и своим пророкам, которые являются полными наместниками на земле. Об этом он сам говорит:

**«Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику и власть имущим из вас».*

*Отсюда очевидно, что религия без власти погибнет, а власть без религии перестанет действовать, ведь сказал пророк — да приветствует его Аллах! — «Религия и власть — близнецы». А *Гуштасп — лучшая жемчужина в ожерелье царей *Аджама и великих мужей Ирана — говорит: «Религия усиливается благодаря власти, власть долговечна благодаря религии».*

Если твердость калама и страх перед мечом не будут сопутствовать друг другу, если за добрые дела не будет надежды на воздаяние, а за злодеяния — страха перед возмездием, то нарушится порядок в мире и среди людей, мир сойдет с дороги истины, и ни один человек не будет стремиться совершать добрые поступки и дела.

Если будут пренебрегать законами религии и установлениями власти, то исчезнут религиозность и общественный порядок, нарушатся и разрушатся законы воздержанности и сдержанности, правила ума отойдут на задний план, благополучие рабов божьих и благосостояние стран собьются с пути порядка и организованности, исчезнут благоустройство и покой стран и их жителей, будут

решать дела при помощи силы, мощи и насилия, и сбудется сказанное: «Победивший захватит»:

Власть у того, кто меч скорее обнажит,
И господин лишь тот, кто в битве победит.

*После этих ясных посылок и очевидных суждений бесспорно, что меч и *калам, религия и власть суть близнецы и друзья.*

**Коль эти два дара душа обретет,*
То в небе высокое место найдет.

Таким образом, покорность пророкам соответствует законам разума, повиновение власть имущим обязательно с точки зрения религиозного закона.

*Подобно тому как Аллах завещал пророкам и посланникам проповедь о пророческой миссии, обнародование религиозного руководства и совершение чудес, он приказал правителям и царям быть справедливыми и проявлять благородство, как он сам сказал: *«Воистину Аллах велит творить справедливость и добро».*

*Точно так же как пророки различаются по степеням, правители и цари различаются по иерархии. Повелитель правоверных *Омар ибн ал-Хаттаб — да будет доволен им Аллах! — который искоренил основы многобожия и утвердил законы ислама; заложил основы религии и власти, благодаря которому укрепились обычаи царства и религии, сказал: «Самый счастливый из пастырей тот, благодаря которому счастлива паства». Самый счастливый царь тот, чьи подданные пребывают под сенью покровительства его и заботы, в загоне, который сторожит и охраняет он; тот, чьи подвластные находятся за стеной, охраняемой им, на его пастбищах, или обитают в чертоге его снисходительности и благосклонности. Пророк — да будет мир ему! — сказал: «Государь — тень Аллаха на земле, к нему должен обращаться каждый угнетенный», т. е. падишах — тень солнца милостей творца на земной поверхности, поэтому пораженные желтухой насилия и пламенем тирании, изнывающие от жажды в месяце *таммуз пусть находят облегчение в тени его*

милосердия и чертоге его правосудия, а путники жарких пустынь разочарования пусть пьют прозрачную воду из источника его справедливости и родника его благородства и говорят при этом:

**Бедняк терпеть не будет злой нужды,*
ноль молния твоя над ним сверкнет,
И засухи не будет в той стране,
где вечно льется дождь твоих щедрот.

*** * ***

**Ты, правой руной утоляешь нужду,*
А левой — даришь нас надеждой великой;

Чудесный мудрец, красноречием ты Явил бы пример благородства, владыка.

*Поскольку посредством этих посылок доказано, что самый драгоценный из пророков тот, которому ниспослан и *шариат, то очевидно, что лучший из царей тот, который претворяет в действительность мудрость и справедливость, а также ясно, что преимущество и превосходство власть имущих над другими людьми состоит в том, что они утверждают справедливость и дарят покой и безопасность:*

**Только разум нас возвысил: без его даров*
Были б лучше человека худшие из львов.

Описать царей и изобразить их нравственные качества можно так:

Все счастливы от этой доброты,
Он в мире не оставит нищеты.

*** * ***

*Он мечет всем *дирхемы, потому*
Так внятны доводы его уму.

Отсюда следует, что самый счастливый подданный и искренний доброжелатель тот, кто по мере своих возможностей и сил покорен царям и повинуется им, украсив оказанные ему милости и благодеяния благодарностью, похвальными делами, добрыми и благородными поступками, насколько он способен, чтобы заслужить похвалу своего повелителя и украсить себя его растущим доверием, чтобы проявились благородство и величие души самого раба, чтобы он прославился и стал известен, как говорят об этом:

Есть у раба права. Блюсти их должен он,
Пусть господин велик, до неба вознесен.

*** * ***

*Хвала и благодарность всевышнему богу, который одарил страны ислама прекрасной справедливостью и совершенным благородством справедливейшего царя, благороднейшего султана, великого и справедливого хакана вселенной, поддержанного богом, победоносного победителя, славы царей других народов, повелителя страны тюрков и *Аджама, покровителя веры, защитника людей, сияния державы, блеска религиозной общины, убежища народа, красы царства, венца царей тюрков, столпа мира и религии, покровителя ислама и мусульман, поражающего врагов и недругов, тени Аллаха *в обеих странах, султана востока и запада *Алп-Кутлуга Тунга-Билга Абу-л-Музаффара Кылыч-Тамгач-хакана, сына Кылыч-Карахана, наместника победоносного халифа *Насира, повелителя правоверных (да увеличит Аллах его власть и да умножит могущество!).*

Хвала Аллаху, который связал и укрепил палатки и снаряжение Кылыч-Тамгача своей поддержкой и доставил наследованное и

приобретенное царство достойному преемнику; который велел солнцу справедливости и луне правосудия взойти на востоке его страны и владений; который направил в его царственную и державную реку потоки благоденствия и покоя; который заставил весь мир и все страны исполнять, повиноваться и слушаться его приказов и запретов, так что враги царства и недруги государства прячут головы под ворота отступления, а набожные и благочестивые мужи пребывают в безопасности и здравии; невеста царства и державы раскрывает уста, словно роза, в улыбке справедливости, двери насилия и тирании забиты для подданных гвоздями правосудия, куропатка и сокол мирно уживаются в одном гнезде, а ястреб и воробей — в одной обители; жирный зад онагра не подвергается ударам львиных лап, а горло фазана спасено от когтей сокола:

Справедливость крылом осенила людей,
Ястреба и орлы не когтят голубей.

*** * ***

Той справедливости дыханье благотворно,
Орлы и коршуны теперь клюют лишь зерна;
Нужны ошейники охотничьим собакам? —
И кожу с шеи даст сам лев тебе покорно.

Его милости набросили на плечи угнетенных плащ милосердия, его блага открыли перед униженными врата сострадания, летопись царей началась с его царствования, книга правосудия изукрашена пером справедливости этого царства. И все это сказанное — лишь капля в море, частичка целого, как сказал поэт:

За каплею — поток с могучими волнами,
А за травою — сад со спелыми плодами.
Пока войска еще на битву не сошлись,

Отряды всадников дерутся пред войсками.

*Благодаря присущей ему благодати и победоносному счастью (да будет оно указующим, как путевой знак, и неколебимым, как знамя) утвердились и проложены пути справедливости, которые ранее были разрушены, и дороги правосудия, которые были растоптаны пятой насилий и гнета. Порядок государства и блеск державы вернулись к обычному состоянию и привычному положению, обретя покой и благоденствие на основе законов истинного пути и воздержания от зла. Вне всякого сомнения, сердца людей ступают шагами любви к нему, души людей подпоясываются поясом дружбы к нему. Сокровенные помыслы его верных рабов и мысли сочувствующих советников с каждым часом, каждый миг приходят к твердому убеждению, что основа этой державы будет вечной, что вознесенный дворец этого государства — да будут вечно новыми его стены и колонны! — будет защищен от превратностей судьбы стеной безопасности и спокойствия, что Иран будет присоединен к *Турану, что *хутба, чеканка и *минбары других стран мира будут украшены титулами и обращением к его величию:*

Великих к тебе обращаются взгляды,
Из всех властелинов — тебе они рады,
**Аяты Корана о том возвестили,*
Что царство твое — это царство отрады.
Верблюды в пустынях — тебе восхваленье,
В морях корабли — в честь пророка лампады.
Людей оживил ты, их жизнь была мрачной,
Но светлою стала и полной услады.
*На каждом *минбаре тебя вспоминают,*
От бога хотят тебе вечной награды.
Ключ благости шаховой неиссякаем,
Хоть шахских подарков текут водопады.

*** * ***

**О, царь! Пусть цветет твое царство под сенью высоких знамен,*
Пусть будет послушен владыке весь мир, что был им покорен.
Тобою разрушен навеки насилия мощный оплот,
Под сенью твоею высокой пускай торжествует закон!
*Тобой возвеличена *хутба, что громко в мечети звучит.*
Пусть вечно ту хутбу читают. Пусть вечно твой высится трон.
Под властью твоей лучезарной страна благодатно живет,
*И перстень бесценный *Джамшида за то тебе роком вручен.*
И пусть даже властью, которой и перстень Джамшида не даст,
Ты будешь, великий владыка, в глазах всех людей облечен.
Шатер твоей мысли высокой от века благословен,
Он выше высокого неба — защитник его — вознесен.
И тот, у которого в сердце вражды к тебе капля лишь есть,
Как кудри, запутавшись, будет навеки покоя лишен.
Пока будут малое в мире и многое люди считать,
Пусть будешь ты счастлив все больше, все меньше враждой огорчен.

Точно так же как обитатели земли припадают главой к священному возвышенному порогу, пресветлые мужи вышнего мира приникнут челом к праху его благословенного величества. Веления и запреты этого знатного по происхождению и благородного по характеру падишаха беспрекословно исполняются на суше и море, на вершинах и у подножий гор. Если он захочет, то сама земля по его велению придет в движение, и время ее остановит свой бег.

Коль с солнцем встретится на небе другое яркое светило,
Оно пред ним склонится низко: ведь солнце мир весь озарило.

*** * ***

Коль на небе его мы счастье нарисуем,
Светила задрожат, затмится синева;

** Двузубую Нахид оно легко проглотит,*
*И убежит *Бахрам, лишь дрогнет тетива.*

*От зависти к нему *спина согнется Рака,*
*От страха улетят *душа и сердце Льва.*

Его решительность, являясь гонцом вышнего мира, предсказывает тайны рока, его целеустремленность, словно авангард войска судьбы, знает прошедшее.

Как только он свой меч булатный обнажит,
Рука судьбы тотчас от робости дрожит.

Когда не знаешь ты, где неба лежат благие рубежи, —
«Пойди и вести принеси мне!» — своей решимости скажи.

Его быстрая решительность пронеслась до небес, его целеустремленность достигла недр земли и успокоилась там, воздух пленителен благодаря его великодушному характеру, эфирный небосвод под воздействием его благородства превзошел небесный океан, небо восславило его возвышенный круглый трон и потому само приобрело форму круга; солнце воздало хвалу цвету его ясного лика и потому само стало прозрачным и блестящим.

**Высокого чертога купол восславило благое небо*
И стало круглым в подражанье, с законом красоты согласно.

А солнце громко похвалило сияние лица владыки

И красотою загорелось, сверкая лучезарно-ясно.

Облако, стыдясь кончиков его щедрых пальцев, вспотело и воскликнуло: «Пролью дождь!»

**Облако не так, как царь наш, щедро и даров подобных не несет,*
Потому его и лихорадит, и с его чела полился пот.

Сердце горы облилось кровью под тяжестью его щедрости и воскликнуло: «Я порождаю красные рубины».

Сердце горы обливается кровью; мыслит она:
«О, как щедр господин!»

И за царем она хочет угнаться, молвив:
«Багряный рожу я рубин!»

*Последний из пророков и самый избранный из пречистых, мужей *Мухаммад Избранник — да благословит его Аллах и да приветствует! — хотя и превосходил других пророков благородством и святостью, по времени был последним. Точно так же падишах вселенной и вождь человеческого рода *Рукн ад-Дунья ва-д-Дин Кылыч-Тамгач-хакан ибн Масуд ибн ал-Хусейн — да продлит Аллах его славу! — следует по времени за прежними царями, но превосходит их своими похвальными качествами и славными чертами характера, если рассуждать логически. Хотя они и предшествуют ему по времени, он превосходит их так же, как солнце превосходит мерцающую звезду, день — ночь, жизнь — смерть.*

**Последний он в цепи времен,*
Но первый в счете мира он.

Всевышний бог украсил эти черты великодушия благородством духа, заставил взойти на небе владычества над миром солнце его славного правления с горизонтов счастья и совершенства.

И благодаря живой воде его справедливости, щедрости и великодушию ожил мир мертвых и усопших, а деревья в саду его совершенного царствования зацвели и зазеленели от дождя его щедрот. И весь мир стал тогда поздравлять его:

** Украшено время тобой, о высокий!*
Скажу: ты улыбка могучего рока.

*** * ***

Весь мир обрел вторично образ и новый совершенный лик,
От справедливости владыки мир справедливости возник.

*И каждый проситель, раскрывший, словно роза, уста в его тронном зале, уходил, как *нарцисс, с чашей золота в руке, как *роза, поставив на голову таз с золотом.*

Благодеяньями он унизал в отеческой щедрости шеи людей,
Как, ожерелья — те блага для нас, люди — как стая лесных голубей.

*** * ***

На каждую частицу мира
**Харварами он сыплет милость;*

Спина судьбы, не будь владыки,
Давно б согнулась, искривилась.

*Там, где облако его молниеносного мена проливало кровь, *на корне *аргувана вырастают ветви *шафрана; там, где его сабля в форме стрелок порея паслась на лужайке из вражеских голов, *на ветвях шафрана распускаются цветы аргувана. Пламя его сверкающего меча превращает море в степь, * Джейхун — в равнину; блеск его смертоносного копья превращает степь в море, равнину — в Джейхун, а судьба говорит ему:*

Ты парус облаков кроваво-алым сделал.
Коль ты не сдержишь бег державный корабля,

Небесный свод зальют потоки вражьей крови,
И будет вся в крови, как нож врача, земля.

*Убедительным и ясным подтверждением этих простых мыслей служит степь у города *Илека, где после *битвы пятьдесят шестого года черепа врагов и недругов *Туранского государства стали пищей для птиц и диких зверей.*

**И мысли о копье не удалось мелькнуть,*
А грозных копий рой врагам вонзился в грудь.

*** * ***

**Когда ты этому не веришь,*
Взгляни на то, как бьется шах:

Мозг вражий грудами увидишь
В долинах ты и на горах!

С тех пор как его недремлющее счастье сделало все органы тела лучезарными, как светоч, как ясное око, он никогда не видел — даже во сне — и призрака поражения; его неувядающая удача, озаряющая, подобно свече, все члены его тела, никогда не видела на ристалище

*победы спины счастья. У того, чьи уста, словно *танур, раскрыты для прославления и восхваления его, *все тело, как у свечи, превращается в язык, все органы, как у бутона, превращаются в рот. Тому, у кого * десять языков, как у лилии, у кого *два лика, как у тюльпана, судьба вырывает острым мечом язык, как фиалку, и *окропляет пролитой кровью рубашку, как тюльпану. А судьба говорит тайным языком:*

**Пусть кровь врагов на поле жаркой битвы*
Мечи до рукоятей обагрит.

Его пальцы — это море, и если над ним поднимется пар, то чинара принесет золотые плоды, прозреют слепые глаза нарцисса, заговорит немой язык лилии.

Откроется, едва тебя увидит, прекрасного нарцисса глаз слепой,
Заговорит, чтоб восхвалять владыку, и белой лилии язык немой.

Если попытаться изучить или перечислить похвальные нравственные качества и добродетели благословенного шаха, то такому началу не будет конца, оно никогда не придет к завершению.

**Тебя я тщетно восхвалить пытаюсь —*
Так трудно шаха вознести благого!

Все украшенья не достигнут цели,
И без прикрас звучит яснее слово.

*Ни *каламом не описать, ни резцом не высечь тех похвальных деяний и славных подвигов, которые совершила эта династия в *Туране, в особенности в нашем краю, проявив справедливость, благородство и милость к подданным.*

**Когда увидел я людей под сенью шахскою благой,*
Я убедился, что они и впрямь обласканы судьбой!

В тот период, когда владыка мира переехал из этой страны в другую и оставил ее на долгое время без достойного правителя, в нее вторглись враги, так как здесь много цветущих оазисов. Но все они, в конечном итоге, получили по заслугам. Слава Аллаху, страна досталась достойному, справедливому и могущественному царю и закрепилась за ним. Небо же поздравило его по этому случаю в следующих выражениях:

**Вновь улыбнулась нам счастливая судьбина,*
Вновь царство обрело благого господина.

И корни счастия пустили вновь побеги,
И правосудья ветвь простерлась над долиной.

Был гнет времен тяжел, и царство сотрясалось,
И лишь теперь нашло царя и властелина.

Десницею своей он царства укрощает,
*Дарующего власть мы славим *Рукн ад-Дина.*

В ответ на просьбу он дарует людям царства,
Он области берет могучей силой львиной.

*Наполнен *дом Зухры и счастьем, и весельем,*
И царские пиры — той радости причина.

Рисуют небеса картины битвы царской,
Владеет меч его горою и равниной.

Меч шаха засверкал, как утро; тут и солнце
Скатилось к западу, поглощено пучиной.

**Хосров и властелин, и царь царей могучий!*

Все титулы твои достойны исполина.

Мир присягнул тебе на верность вековую,
И всякая страна тебе служить повинна.

Теперь упрочены основы государства,
И не страшны ему невзгода и кручина.

Страна тебя, о шах, оплошность совершивши,
Покинула, забыв хоть и на миг единый.

Но устыдясь, она вернулась с извиненьем:
Опять ее увлек царя полет орлиный.

*Всевышний бог да вознесет шатер его величия до *апогея Зухаля, да вознесет он его величественный трон до луны и звезд. Да сделает Аллах его столицу * кыблой, к которой обращены мысли всех владык нашего времена, а его порог — *Каабой для великах мужей нашего века. Пусть зелень его пореебразной сабли всегда растет на лужайке тюльпанов, орошенной кровью врагов государства. Во имя посланника Мухаммада и его пречистой семьи.*

Синдбад-Наме

Начало повествования

Говорит автор сказанного предисловия и повествования Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн ал-Хасан аз-Захири ал-Катиб ас-Самарканди:

*Я спешил и жаждал оказать услугу великому шаху и найти доступ в его недосягаемый чертог. Я проводил свои дни, уповая на осуществление этой надежды, ожидая удобного случая и счастливого момента, надеясь, что судьба окажет мне милость, а время позволит осуществить эту мечту. Но сама судьба отворачивалась от меня, скрывая красавицу-невесту моей мечты под покрывалом всяких уважительных причин. Она писала пером неведения на листах беспечности *аяты и *суры этого знамения, упрекала меня и произносила этот *бейт:*

** Мужчина не всего достигнет, что в голову ему взбредет.*

Дождешься ль ты, чтоб ветер веял так., как хотели корабли?

*— Ты не первый человек, надевший на себя одеяние паломника, ступивший ногой поисков в долину этой *Каабы и не сумевший достичь ее.*

**Не первый ты из тех, кто, горд, силен и смел, Предпринял труд, где ждет его лихой удел.*

— Сначала найди коня, чтобы пересечь эти пустыни, и припасы, чтобы прожить в этом мире.

А затем, словно ветер, преклони голову к праху этого чертога, и униженно, словно прах, сделай свое лицо завесой его величества. Окажи услугу, чтобы посредством ее удостоиться доступа к его величеству и благодаря его благосклонности обрести счастье.

Во время этой беседы я был погружен в размышления и ухватился рукой спора за полу требования. Слезы скорби текли по щекам, а на челе видны были признаки расстройства.

*Дела загадочны мои, как будто *«хатт» — ее пушок.*

В смятенье я себя сравню с ее чудесными кудрями.

В глазах моих всегда стоит возлюбленной моей лицо,

В груди взволнованной — пожар: любовное горит в ней

пламя.

До самого последнего дня судьба встречала меня такими разговорами, когда я искал счастья, и говорила с почетом и уважением:

— Я препоясалась на то, чтобы угодить тебе; я присоединилась к твоей благосклонной звезде, я пожертвовала тебе все запасы хранилища разума и преподнесла тебе все изысканные изделия из сокровищницы рассудка.

Я обрадовался таким вестям и ответил ей приветливо и радостно:

Не знает радости никто мгновенья даже без тебя!
Приди и утоли тоску, ведь ты мой друг и на чужбине.

*** * ***

Меня ежеминутно ты в жестокую ввергаешь скорбь,
Но я печали не боюсь! Приди, скажи, чего ты хочешь?

Судьба же ответила:

— Это гарем с чаровницами и дворец с гуриями, это храм с кумирами и идолами, это сад, полный цветов и бутонов.

Слово — как белый цветок с запахом свежим и чистым.
Дождь стал играть с тем цветком, — сладостна эта игра!

С севера ветер летит, благоуханье несет он,
Он расстелил аромат дивным подобьем ковра!

Пахнет лавандой земля, речи друзей так приятны,
Чаша по кругу идет, искры летят от костра,

Звезды ночные горят, жемчуг блестит в ожерелье, —

Что за блаженная нам ныне настала пора!

Язык разума в похвалу судьбе произнес эти бейты:

Тебя не с садом я сравню и не с дворцом, о мой кумир! —
Ты рай, и бог тебя послал для счастья верных в этот мир.

Художник разума поник, увидев дерево твое,
*Не веет на твоем лугу от зависти *фарраш-зефир.*

Она продолжала:

*— Накинь на тех изящных невест такие одеяния, которых не износить ни дням, ни годам; убери эти редкие мысли украшениями, которых не разорвут и не рассыплют ни круговорот времени, ни смена дня и ночи; изукрась предисловие драгоценными камнями, *таджнисами, *ташакулами, *тавазунами, тезами и антитезами; осыпь их короны ярчайшими жемчужинами августейшего титула и благословенных прозвищ повелителя вселенной, великого хакана *Рукн ад-Дунья ва-д-Дина — да продлит Аллах его царствование! — ибо ты — садовник, ухаживающий за кипарисом, и *машшате, наряжающая невесту.*

Я отер глазами пыль с ее полы и промолвил, извиняясь:

Ты мне дороже глаз моих, ты с каждым днем дороже мне,
И каждый час из рук твоих земля вино отрады пьет;

Кто б отвернуться от тебя, скажи мне, даже в шутку мог,
И как мне отблагодарить тебя, о друг, за твой приход?

*Эта книга называется «Синдбад», была она сочинена мудрецами *Аджама. Ее страницы пестрят оригинальностью ума, искусством мысли, редкостями разума, чудесами учености, сокровищами рассудка и изяществом прозорливости. Она — живая вода для мертвых сердец, сад интимной дружбы для увядших в одиночестве душ; ее достоинства, добрые качества и прелести неисчислимы.*

Она пришла, меж звезд одежды край влача,
Качая бедрами — соблазн для всех людей.

Склонились перед ней планеты в небесах
И свой к ее стопам повергли апогей.

Сонм звезд мерцающих стыдился глаз ее
И шею украшал, как ожерелье, ей.

Фиалок же ночных пьянило счастье: им
Сережками в ушах хотелось стать скорей.

*Когда я увидел такое указание и получил подобную весть, я оседлал *Рахша мысли, приготовился пересечь эту пустыню и сказал своему счастью;*

**Унесен в пустыню ветром, был я без проводника,*
Не укрыл лица от зноя легким покрывалом я.

Здесь остановлюсь с привалом, там, устав, остановлюсь —
На привалах, остановках все растет печаль моя.

Все ж воды достиг я, бедный, даже без проводника,
Хоть лилась и не из тучи животворная струя.

Не скупые угощали здесь на пиршестве меня,
**Страуса мозгов отведать дали новые друзья.*

Примерами, стихами, притчами и баснями, серьезность которых сочетается с шуткой, увещевание — с мудростью, я украсил чудеса слова, сокровища мысли, которые суть основа законов правления и опора основ политики, страж интересов религии и государства, поручитель счастья страны и народа, я украсил их всем этим, чтобы каждый из перелистывающих эту книгу и созерцающих эти строки мог обрести в ней долю согласно своему взгляду и разумению, чтобы и

ученый, и неученый извлек из нее пользу в меру своей сообразительности, чтобы ее выгоды и милости достались всем людям и всем мирянам, чтобы ни один человек не остался неудовлетворенным. Аллах да поможет окончить ее, ибо он помогает страждущим.

*** * ***

*Следует знать, что эта книга была написана на *пехлевийском языке, и никто не переводил ее до царствования всеславного, справедливого эмира *Насир ад-Дина Абу Мухаммада Нуха ибн Мансура Саманида, да сделает Аллах лучезарными его доводы. Справедливый эмир Нух ибн Мансур повелел *ходже *Амиду Абу-л-Фаварису Фанарузи перевести ее на язык *фарси, устранить возникшие в ней разночтения, погрешности и выправить их. *В 339 году ходжа Амид Абу-л-Фаварис взял на себя этот труд, приступил к делу и изложил эту книгу в выражениях, свойственных *дари. Но слог его был очень прост, лишен украшений и прикрас. И хотя в этом переводе были и красноречие, и изысканность, и красота, — ни одна *маиииате не нарядила эту невесту как следует, никто не погнал коня на ристалище красноречия, никто не одел в наряды и не убрал украшениями эти мудрые изречения, мысли и афоризмы, и книга почти уже стиралась со страниц дней и готова была внезапно исчезнуть с полей времени, а теперь она ожила, зазеленела и зацвела благодаря блестящей славе государя:*

Это юные невесты; грудь вздымается высоко,
Брови — черные, как мускус, и точеная нога.

Волшебством полны великим, ожерельем драгоценным
Их слова блестят, сверкают, словно лалы, жемчуга.

И хотя у меня, нижайшего раба, не было сил и возможностей и я не был в состоянии ступить на эту арену, броситься в эту гибельную пропасть, показать себя на этом ристалище и выступить в одеянии

учености, счастье все-таки призвало меня, а всеобъемлющая щедрость падишаха взывала и говорила:

**Приплывай ко мне пораньше, по тебе ведь я скучаю,*
Возлюбил тебя я сердцем, возврати же мне любовь.

Щедрость падишаха повторяла:

*— Наши *Хумай благородства и *Симург счастья осеняют тебя покровительством, наши солнце благоденствия и звезды удачи осыпают тебя лучами милости и знаками благосклонности и говорят:*

**Неужель, скажи мне. предпочесть рок тебя заставил, в самом деле,*
Дикую газель чужих степей твоего же племени газели?

*Затем раб блистающего государя (да вознесет Аллах его столпы, да укрепит основу!) приступил к этому важному делу с раскрытым сердцем и обширными замыслами и одел в одеяния слов девственные мысли, лишенные убранства совершенства и одежд красноречия, убрал их украшениями смысла. Я твердо уповаю и крепко верю в ученость падишаха всей земли — да почтит Аллах его подданных! — а также в то, что он соизволит высочайше просмотреть и взглянуть с наслаждением на эту девственницу разума. Я надеюсь также, что книга понравится его величеству и будет принята другими людьми; что ее почетный плащ, славные одеяния и драгоценные убранства не износятся и не изорвутся во веки веков; что ее высокие достоинства, возвышенные качества и величественные свойства не исчезнут и не прекратятся; что, покуда будет существовать язык *парси и люди будут говорить на нем, следы ее лучей не изотрутся и не изгладятся на полях дней, что ее красота не окажется в тени забвения.*

Да сделает всевышний бог царствование нашего государя оглавлением высоких качеств наших дней; да сделает бог его веления, которые исполняются на земле так же верно, как наступает день, вечными на протяжении времени. Воистину он — всемогущий над всем этим и поможет нашему государю.

Раздел об особенностях человека

Да не скроется от внимания мудрецов, что абсолютная цель и основная задача творения небесных светил и земных тел — это создание человека, который есть жемчужина в раковине бытия и лучшая часть всего сущего, плод дерева в саду творения божественного царства и смысл письмен книги божественной державы. От каждого из высших и низших существ в человеке есть след, знак, доказательство и довод.

Всегда за завесой творенья у бога
Есть мудрости клад и познаний казна.

И вот уже несколько тысяч лет ученые и мудрецы и разумные просвещенные мужи высказывают верные мысли и применяют в делах прославленные приемы, чтобы изобрести щит против ударов меча ангела смерти, щит, прикрывающий от этих ударов, чтобы придумать противоядие против ядовитого напитка гнева судьбы, противоядие, обезвреживающее этот яд; но все эти попытки не увенчались успехом и не поместились в круг возможности.

**Люди разные бывают по характеру и свойствам:*
Те умрут — родятся эти, эти любят — те враждуют.

*** * ***

*Мир, что разлегся широко вкруг нас со всех *шести сторон,*
*Из *четырех первостихий и чувств пяти был создан он,*

Какого голода полны — весь мир сожрали беспощадно! —
**Семь, что двенадцать в тесный круг замкнули испокон времен.*

Затем люди, дабы сохранить о себе вечную память, нашли путь, благодаря которому проявление их справедливости и их благородные деяния были увековечены и стали живыми.

Когда же люди узнали, что невозможно, как бы ни старались, навеки сохранить память посредством владений и мужества, сыновей и дочерей, что память заключается не в них, то они ступили на путь сочинения книг и составления мудрых изречений. Они признали эту стезю основой подобной безопасности и ступенями указанного смысла и сказали:

Прекрасно слово, ибо в слове оставит память человек.
Уходим мы с земли, а слово от нас останется навек.

*Раз мудрые слова и разумные изречения не исчезают и не стираются со страниц книг и с листов рукописей, раз эти слова передаются от времени к времени, переходят с одного места на другое, следовательно, как ты видишь, Платон, Аристотель, *Искандар и Сократ ушли в мир небытия, но память о них осталась в мире бытия. Точно так же цари из династий *Гассанидов, *Саманидов, *Сасанидов избрали себе местопребыванием небытие, но имена их остались навеки веков:*

**Когда бы не * Джарир, не *Фараздак, —*
*Не знал бы мир о славе *Мерванидов,*

*Ты знаешь, в славословьях *Рудаки —*
*Известья о деяньях *Саманидов.*

**Барбада песни лишь дошли до нас*
*От грозных и могучих *Сасанидов.*

*Осталось то, что высказал *Хассан,*
*И больше нет следов от *Гассанидов.*

**Цари, что в мире славу обрели,*
Уилли, и память лишь о них осталась.

*Был *Нуилирван богат, но от него*
Одна лишь слава дел благих осталась.

Поскольку меня одолевали подобные мысли, а сердце из-за таких раздумий было совершенно подавлено, поскольку стали очевидными и доказанными эти силлогизмы и посылки, то внешне и внутренне, по разуму и закону стало необходимым показать людям эту девственницу под покровом мыслей и в шатре слов без всякого покрывала и вуали.

Я первенство взял в царстве блещущих слов,
Жемчужина я — и один в ожерелье,

*** * ***

Душа моя сыпала шаху хвалы
*Чудесным *нисаром на голову мира.*

Затем, чтобы увековечить память, возвысить достоинство, возвеличить сан и превознести величие, я вывел эту девственницу и послал ее в царский гарем и великолепные покои владыки вселенной. Всевышний бог да благословит ее, да покровительствует ей!

Теперь повернем к цели повод изложения и попросим руководства и покровительства у всевышнего бога. Воистину он покровительствует и помогает.

Начало Синдбадовой Книги

Как говорят те, кто ведет счет событиям, и авторы исторических книг, жил в давно прошедшие дни в *Хиндустане один падишах, по имени Курдис. Высокие достоинства его души придали красоту благородному поприщу правления страной, прославленную царскую мантию расшил он ценными деяниями. Справедливость служила чудесным убором его царствованию, ученость в его время достигла совершенства. Его власть была беспредельна, подданные повиновались беспрекословно, царствование его было долгим, а царство — обширным. К стране его не было пути завистливому тирану и злоумышленнику; злокозненный враг не смел обратить взоры свои на его государство. Он всегда был послушен голосу справедливости и покорен разуму, часто слушал он рассказы и повествования об ушедших из этого мира, об их делах и подвигах. Слава о его благочестии и молва о покорности ему придворных и слуг дошли до всех царей того времени. Слова друзей и красноречие приближенных распространили среди всех людей славу о благополучной жизни его подданных и процветании страны.

От самого младенчества — венца жизни и новолуния века — до утра седины — провозвестника прощания с этим миром — он ступал только по пути благосклонности к подданным, стараясь облегчить участь слабых мира сего. Он не сделал ни одного шага по тропе корысти и прегрешения в жажде богатства; его внимание целиком было посвящено делам подданных; он привел в цветущее состояние и земли и воды своей страны предельным правосудием и безграничной справедливостью. Счастливую судьбу его объясняли удачным расположением звезд в орбите *Зухаля, а цари других стран писали комментарии о благородных свойствах его натуры на полях книг об управлении государством и следовали его примеру в стремлении к различным знаниям и наукам. Они восхваляли его в таких словах:

Коль ветер встретится с достоинствами шаха,
Он остановится, увидя их обилье;

Коль вспомнят на горе его благую славу,
То обретет гора, о нем подумав, крылья.

Он водил дружбу с выдающимися учеными и совершенными *надимами, проводил время в кругу мудрецов этого мира, самых ученых мужей среди потомков Адама. Он отрекся от страстей и вожделений, отказался от всего недозволенного и запретного, расходовал свое время только на добрые деяния, посвятив себя исключительно благим делам. Он был глубоко убежден, что мирские блага, являясь обманом, фальшью и вымыслом, по природе своей непостоянны. Прозорливый разум нашептывал ему стихи:

Довольствуйся чистым, ведь жизнь очень лжива,
Судьба — справедлива и несправедлива.

Судьба — это небо на оси упрямства,
И ты на нее не ропщи горделиво.

Она превращает все радости в горе
И скорбь нам дарит, что в исходе счастлива.

*** * ***

*Из всех, кто ушел, не оставив следа,
Вернется ли кто для рассказа сюда?

На этом распутье алчбы и нужды
Не век будешь жить, но уйдешь навсегда.

Сопоставляя ясные доводы и убедительные доказательства, он пришел к заключению, что тяготы и трудности у подданных страны следует устранить так, чтобы бог остался доволен, ибо последствия несправедливости пагубны и влекут за собой тяжкие муки:

О ты, что вершишь на земле Содомов неправедный суд,
Ночной опасайся стрелы и тех, что тебя проклянут.

А уста судьбы часто повторяли ему:

Тебе дано судьбою царство, чтоб им ты правил справедливо,
Ты должен избегать насилья и не таить его в груди;

Быть может, царство сохранится, пусть даже царь не верит в бога,
Но от насилья сгинет царство, и ты спасения не жди.

Глашатай дневных и ночных поступков кричал ему: «Тот, кто, занимаясь делами государственными, будет предаваться веселью и забавам, у кого не достает справедливости и разума, кто лишен благородства и учености, уподобится земледельцу, который, засеяв поле, по беспечности не напоит водой посевы, тем самым обрекая труды свои и семена на погибель. Пожалев воду арыка, он уронит свою честь, самую основу своего благоденствия он отдаст на волю превратностей судьбы, и уста судьбы скажут ему:

*Если ты шипы посеешь, виноград не соберешь!

*** * ***

Что посеял, то в снопы ты свяжешь.
Так тебе ответят, как ты скажешь!

Если же глава государства упустит из рук бразды правления царством и делами его, во хмелю невежества забудет о благодарности богу, то царство его от пьянства и разгула начнет приходить в упадок. И тогда он вспомнит выражение: «Как часто, подчинившись голосу страсти на один час, мы платим за него долгими днями скорби», а

враги начнут строить коварные планы против его государства— даже слабые противники только и ждут злой минуты — вельможи пренебрегут ради собственной корысти религией и верностью царю и ввергнут подданных в бедствия. Страна тогда разорится, подданные разбегутся, и настанет междуцарствие, распространятся нужда и нищета. А правитель такой страны будет похож на того мужа, который покрывает крышу глиной, вырытой из-под фундамента дома, чтобы дом рухнул как можно скорее. Ведь говорят же: «Царь, который наполняет свою казну имуществом подданных, подобен тому, кто мажет крышу своего дома глиной, взятой из-под его фундамента».

Судьба же произнесет такой *бейт:

Тот царь, что подданных разграбил достоянье,
Не крышу ль мажет он, разрушив основанье?

Падишах Курдис поступал по справедливости и правосудию и содержал подданных под сенью шатра благосклонности, защищая их от невзгод и напастей своим неослабным вниманием, так что в его владениях и краях сокол уживался с куропаткой, а волк стремился к миру с овцой:

Под шаховым правленьем справедливым
Стада отныне не тревожит лев,

Ни волки на овец не нападают,
Ни сокол на голубку, присмирев.

Чашу учености, наполненную в погребке благосклонности, нужно преподносить ученым; освежающий напиток из мастерской справедливости нужно дарить из числа подданных вольноотпущенникам. Когда государь, наследуя царство, получает казну, то ее следует употребить на созидательную деятельность, отказавшись от тщеславия. На царских же приемах пусть приглашенные провозглашают: «Да благословит бог! Да продлится твоя жизнь!» Когда же ковер владычества на царском полу будет свернут, когда весенние дни юности сменятся зимними, которые

принесет зима старости, когда имущество перейдет к наследнику, то свеча жизни начнет меркнуть, а светильник надежд будет погашен вихрем смерти. И тогда судьба произнесет *бейты:

*Скажи, в чем радость жизни человека?
Пусть долго жил он, — смерть к нему придет.

Не умер в цвете лет, — умрешь ты дряхлым;
Из кубка смерти, друг мой, каждый пьет!

*** * ***

*С судьбою не борись, ведь это безнадежно,
Разрушить можно жизнь и силою ничтожной.

Как светит, манит нас красавица-надежда!
Нам с нею хорошо, пусть даже и тревожно.

Живи же веселей: на свадьбе смерти, знаешь,
Красавиц нет таких, найти их невозможно.

Каждый день с самого раннего утра до захода солнца, от исчезновения темноты до наступления вечера царь сидел в приемной для жалобщиков и решал государственные дела. Когда же зрачки дня окрашивались *сурьмой мрака и звезды начинали полировать зерцала вышнего мира, он уединялся с частью своих приближенных в отдаленном покое и говорил: «Пока не настало утро расставания и звезды юности не закатились на западе седины, не будем терять времени в ночь свидания. Ведь тот, кто в момент расставания не помнит о сладости единения, не ведает о сближении и отдалении и не тревожится о свидании и разлуке»:

Ты цену близости издалека узнаешь.

* * *

Знай, у того, кто неправдив в любви,
Притворство с лицемерием в крови.

Однако, поскольку в яйце царства не было зародыша, падишах все время проводил в думах и размышлениях, непрестанно повторяя: «Древо владычества лишено главной ветви, а у основы величия нет вершины. Если десница смерти свернет ковер надежд, то рухнут четыре опоры, на которых зиждется царство».

* * *

И вот однажды, когда сидел он, охваченный этими мыслями, к царскому престолу явилась для услуг одна из невольниц его гарема. Прозорливость и проницательность ее считались совершенными, она была украшена благородством вкуса и искусностью. Она заметила на челе падишаха следы задумчивости и недовольства, но не сочла возможным спросить, ибо сдерживали ее благородный нрав и понимание обязанностей слуги: ведь расспрашивать о помыслах и секретах царей не приличествует умным людям. Но поскольку шах продолжал пребывать в задумчивости, а грусть его становилась все приметней, она начала осторожно расспрашивать и осведомилась о причине перемены настроения падишаха:

— Да будет жизнь шаха по милости творца столь же продолжительна, как вечность. Слава богу, мир процветает благодаря справедливости шаха, а народ облагодетельствован его милостью. Страна благоустроена справедливостью и правосудием шаха, а подданные не ведают забот и печалей. Друзья стремятся к тебе, зато враги стараются обходить стороной это царство. Павлин благоденствия красуется в саду благополучия, *Симург владычества грациозно расхаживает в саду счастья. Во всех концах, во всех краях мира гремит слава о справедливости шаха, на суше и на море, во всей вселенной говорят о его благородстве:

*Владыка знанья и невежд научит,
И безголосый пенья дар получит.

— Падишах — да будет он всегда склонен к добру — расстроен, пребывая в гареме этого *Ирема, удручен в кущах этих садов. На августейшем челе, что является страницей счастья и заглавным листом величия, видны следы расстройства и печали. Какова же причина этого расстройства, в чем источник печали? Если шах доверяет своей рабыне, пусть соизволит рассказать, чтобы я могла повиноваться и служить ему по мере возможности и своих способностей и стереть с зеркала великодушных помыслов пыль забот и гнетущих мыслей.

Нельзя не исполнить веленье твое,
Все сделает раб, даже жертвуя жизнью.

Услышав эти прекрасные речи и убедившись в благородстве помыслов рабыни, которая и раньше оказывала ему услуги и пользовалась у него полным доверием, падишах сказал:

— Причина моих помыслов и удрученного состояния порождена не страхом перед врагами государства и не зависит от повиновения князей страны, ибо твердыня моего царства — это справедливость. А ведь основы каждого государства и фундамент любой страны покоятся на справедливости и правосудии. От зависти друзей и от козней врагов эти основы защищены благочестием, от вражеского вторжения и от нападений противника они прикрыты навесом безопасности:

Ты всегда справедливым и благостным будь,—
В царстве сердца к пророку откроешь ты путь.

— Но знай, что у судьбы нет серьезного без смешного, нет назначения без смещения. Она вслед за радостью приносит несчастье, вслед за счастьем погружает в горе, и человек неизбежно когда-нибудь вкусит чашу смерти и снесет удар меча, прекращающего жизнь.

*Смерть неминуемо приходит, душа одна лишь драгоценна,
А тот, кто видимость полюбит, — слепой безумец, несомненно.

*** * ***

*Ты, что вечно рабски служишь иль семи, иль четырем
И тоской по ним исходишь, вечно к ним одним влеком,

Будешь жить ты в вечной скорби: приходя в наш бренный мир,
Мы не знаем, несчастливцы, дня, в который мы уйдем.

— Как бы там ни было, а придется однажды услышать призыв смерти и волей-неволей расстаться с царством, ибо нет весны без осени и свидания без расставания. А у меня нет наследника, который занял бы мой трон, защитил бы царский сан от посягательств врагов, уберег бы его от козней недругов и коварства противников. Подданные моей державы за время моего правления привыкли к процветанию страны, благополучию, покою и безопасности, обычными стали для них благосклонность и покровительство. Их отцы и деды вкушали пищу хорошего обращения, их сыновья и дочери были вскормлены в колыбели моего царства молоком великодушия. Если их покорит падишах-тиран и на них подует ветер гнева, как они будут коротать свои дни под зноем событий и в жаре тирании и гнета? Как они смогут поддерживать огонь светильников благополучия в длинные зимние темные ночи, когда навеки закатится солнце моего царствования?

Выслушала рабыня его речь, на глаза ее навернулись слезы сочувствия, она тяжело вздохнула и промолвила:

О жизнь моя, о весь мой мир! Хотела б я не ведать дня,
Когда в разлуке с дорогим застонет сердце у меня.

— Да не настанет никогда тот день, когда невеста державы лишится украшений справедливости шаха, когда спадут с нее одежды шахского благородства и великодушия. Будем надеяться, что по милости творца нам, рабам, достанется в удел долговечность царствования шаха. Да не случится так, чтобы нам пришлось услышать каркание ворона, предвещающего расставание. Если же падишах мечтает о достойном наследнике и мужественном сыне, то это желание исполнится благодаря чистоте помыслов, искренности обета и упованию на чертог всевеликодушного и всемилостивейшего. И поскольку желание и цели твои — покой бедных, благополучие подданных, благосостояние людей и их благоденствие, то исполнение твоей молитвы не будет делом удивительным, так как сказано самим Аллахом: «Молитесь мне, и я отвечу вам».

*** * ***

Услышав ее слова, шах послал дары отшельникам и аскетам, дал много обетов и стал молиться дольше, чем предписано религией. Когда же *царь странников скрылся, словно *Симург, за горой *Каф горизонта и звезды рассыпались жемчугом на *первом небе, падишах, уединившись в благословенном и священном месте, совершил положенные молитвы и коленопреклонения. Он униженно и смиренно шептал свою просьбу, подавал в вышний дворец свое прошение со словами: «О великодушный! Упавшие в пропасть скорби и блуждающие в долине грехов ищут помощи и покровительства у твоего великодушия. Скрытые мысли и тайны открыты тебе. Твоему великодушию подобает удовлетворить мою просьбу».

Когда же на востоке забрезжил рассвет и показались знамена солнца, а стяги *Тира и *Нахид исчезли, шах уединился с рабыней. И веление судьбы пришло в соответствие с чистотой намерений, от соединения родителей смешались жидкости, и скакун семени выскочил на путь милосердия. Прошел срок беременности, настала пора колыбели и пеленок. Из раковины милосердия появилась царственная жемчужина — Юсуф своего времени по красоте, Мессия в колыбели по совершенству. Ребенок был развит, его тельце было стройным, черты его личика отличались благородством, а на лбу

лежала печать величия души. Разум человеческий видел в нем черты, присущие лишь владыкам, а рассудок замечал в нем блеск великодушия и величия и будто говорил:

Луна высокая и солнце прекрасной жизни дали свет
Звезде, горящей лучезарно, златому вестнику побед.

И все втроем на небосводе они горят, соединясь…
Между восходом и закатом отличия отныне нет!

*** * ***

Когда этот плод вышел из цветка бытия, благословенный зародыш из белка милосердия вышел на поле, шах во исполнение своего обета и для полноты радости роздал несметные богатства и щедрые дары. Затем он повелел мудрецам-звездочётам составить гороскоп рождения царевича, определив местонахождение звезд зенита, положение небесных сфер, точное движение планет и планеты, владычествовавшие над созвездиями, а также «тройные» и «шестерные» сочетания планет, их соединения и противостояния, выявить пути убеждения и совершенства и, наконец, точно указать знаменательные даты — годы и месяцы — в предстоящей жизни царевича.

Звездочеты и мудрецы изучили события годов и месяцев и сообщили шаху:

— Будь доволен и живи вечно! Этот ребенок будет честью рода своего и славной памятью об ушедших царях этой династии. Он воскресит их величие славными деяниями и достойными свойствами своей души, будет почивать на подушках страны и постели государства так долго, как *Фаридуй и *Джамшид, будет управлять державой и превзойдет всех царей земли знаниями, мудростью, щедростью, великодушием, нравственными достоинствами и добродетелями. Когда сыну твоему исполнится столько-то лет, его жизнь подвергнется опасности, но по милости бога и усердию государя эта опасность минует его, эта неприятность будет преодолена и ему будут

сопутствовать счастье, победы и успехи. Ни одна пылинка не осядет на страницы его совершенства, и не будет он знать ничего дурного.

И вот приставили к *шахзаде честную, благородную, чистую помыслами няню, чтобы она вскормила и взлелеяла его. Мальчик стал расти, и когда ему исполнилось двенадцать лет, падишах отдал сына учителю, чтобы тот выучил его обычаям царей. Но за десять лет шахзаде не научился ничему и ничего не уразумел. Шах в большом огорчении вызвал к себе мудрецов и обратился к ним за советом:

— Цари обязаны знать искусство правления и политики, должны обладать знаниями и справедливостью, здравым рассудком и трезвым умом, умением ладить с сановниками, способностью отгонять врагов государства, сокрушать недругов страны, наказывать завистников, поощрять праведных, унижать врагов, преодолевать трудности и разрешать затруднения. Они обязаны постигать законы управления страной, руководствуясь обычаями величия, религиозными установлениями, благосклонностью к друзьям и умением наказывать проступки слуг. Ведь бразды правления можно удержать только благодаря совершенству ума и умелому управлению, благодаря накоплению советов и свершению благих дел.

— Пусть каждый из мудрецов приложит свои усилия в этом важном деле и окажет мне этим важную услугу, — продолжал шах, — пусть он проявит сочувствие и научит будущего государя тонкостям наук и мудрости и тем самым осчастливит и облагодетельствует его знанием справедливости и благородства, так чтобы при посредстве этой мудрости и этих знаний шахзаде стал достойным царского трона, ибо как бы белый сокол ни был способен от природы, на его ноги не наденут золотых колокольчиков и не посадят его на десницу царя, пока он не испытает тягот обучения и не пройдет школы дрессировки. Также и золото и серебро, когда их извлекают из рудника, бывают смешаны с породой.

И пока их не расплавят в тигле и не отделят от них породу пламенем, они не очистятся и не будут годны на браслеты невест и венцы шахов.

*Когда мы злато в пламени расплавим,
В нем недостаток прежний не оставим.

Мудрецы и везиры восславили шаха. Они одобрили и похвалили его рассуждения и ответили:

Твое решенье в небе царства взошло, владыка, высоко,
Ты солнце рока изваял нам, и стало людям жить легко.

Был узел хитрой тайны сложен — на луковицу был похож,
Но перед зорким шахским сердцем он ясен стал, как молоко.

Побег, выросший на лугу царства, воспитанный в саду падишаха, распространит при легком дуновении свое благоухание по всему свету, когда обильные дожди из туч знаний смоют пыль беспамятства и забвения с листьев его деревьев и цветов.

Из тысячи мудрецов выбрали семерых и поручили им заняться этим делом. Три дня и три ночи просидели семь мудрецов, гадали и думали, и составляли гороскоп шахзаде. Каждый из них выказывал свое предположение, но никто не разрешил загадки, и пришли они к такому заключению: «Если царевич за десять лет не уразумел в науках ничего, если его природа не впитала поучения и наставления, хотя юный возраст и благоприятствовал этому, если его натура не приобщилась к изучению наук и постижению их, если она не поддалась воздействию, то теперь уж он и вовсе не сможет воспринять учения. Ибо, если железо пролежит некоторое время на мокрой земле, то оно покроется ржавчиной, а если пролежит еще дольше, то целиком заржавеет, и тогда уже ни огонь, ни шлифовка не помогут ему. Точно так же, если побег, выросший кривым, попытаться выпрямить долгими усилиями, то он сломается, и потраченные на него труды пропадут даром».

Синдбад же — один из этих семи мудрецов — сказал:

— В гороскопе этого мальчика значилось несчастье. Но теперь оно уже исчезает. Я возьму его к себе и обучу всем наукам, ибо человеческая сообразительность способна поймать летящую птицу, извлечь рыбу из глубин морей и приручить диких зверей.

— Синдбад, — сказали мудрецы, — превосходит всех нас своими знаниями. Среди нас нет более ученого, чем он, ибо все его время поглощено приобретением знаний и изучением наук. Каждую

выдрессированную птицу он возвышает до *Симурга и павлина, каждую красавицу, которую он наряжает своим разумом и облагораживает своим характером, он возносит до солнца и луны. В его душе — вдыхание Мессии, действие его взгляда подобно эликсиру.

— Хоть я и мудрец, и ученый, — отвечал Синдбад, — но все же я не обольщусь вашими речами и не поддамся лести, как это случилось с той обезьяной, которая угодила в силок из-за речей лисы.

— Расскажи нам об этом, — попросили мудрецы.

Рассказ об обезьяне, лисе и рыбе

Синдбад начал:

— Рассказывают, увидела как-то лиса, что на дороге лежит рыба, и задумалась: «Ведь здесь нет поблизости ни моря, ни реки, ни лавки рыбака или охотника, — как же здесь могла очутиться рыба? Она здесь лежит неспроста, не без умысла».

И она не стала трогать рыбу, а пошла дальше. Шла она, шла и встретилась с обезьяной. Лиса поздоровалась, оказала обезьяне должное почтение и сказала:

— Все животные — и травоядные и хищные — отправили меня к тебе с поручением. Они говорят: «До сих пор царем зверей был лев. Но он стал притеснять нас и проливать невинную кровь, и мы хотим низложить льва и вручить бразды правления тебе. Если ты согласна и хочешь принять на себя эту почетную обязанность, то приходи к нам».

Мечта о царстве вскружила обезьяне голову, и она, не медля, отправилась с лисой. Когда они приблизились к тому месту, где лежала рыба, лиса остановилась, воздела молитвенно лапы к небу и воскликнула:

— О владыка! Ты даруешь мозгу разум и глупость, посылаешь сердцу знание и невежество. Сказано ведь всевышним богом: *«Даруют мудрость тому, кто ее желает, а тот, кто приобрел разум, уже приобрел много благ». Если воистину выбор пал на обезьяну, то яви нам свое знамение, какого ни один осчастливленный еще не видел!

Не успели они пройти и несколько шагов, как увидели ту самую рыбу.

— Бог велик, и *Джафар — его халиф! — воскликнула лиса. — Вот указание на то, что моя молитва услышана. Вот это знамение и чудо! Ты достойна этого блага!

Обезьяна приняла эту хитрость за чистую монету, важно подошла к рыбе и протянула лапу. Тут вдруг затянулись петли силка, крепко запутались и связали ноги обезьяны. Рыба же выпала из ловушки. Тогда лиса подошла ближе и стала уплетать рыбу.

— Что ты ешь и что это держит меня? — спросила обезьяна.

— Цари неразлучны с оковами и темницами, — ответила лиса, — а подданные неизбежно нуждаются в глотке и куске.

*** * ***

Выслушав притчу, мудрецы опять стали хвалить Синдбада:

> Когда великие мужи поспорили о благородстве,
> Ты был всех лучше. Кто в твоем мог усомниться превосходстве?

— Синдбад во всех областях безусловно превосходит других, он раньше других начал изучать основы каждой науки, углубляться в их разветвления. Красота его духа всегда украшена локоном и родинкой учености и мудрости, а в цветнике его речей не растут шипы и ложь.

— Я не скажу, — промолвил Синдбад, — что я ученее вас, и не скажу, что невежественнее. Но скажу так, как сказал верблюд волку и лисе.

— Что это за история? — спросили мудрецы. — Расскажи нам.

Рассказ о волне, лисе и верблюде

— Рассказывают, — начал Синдбад, — что в давние-давние времена подружились в пути верблюд, волк и лиса и отправились вместе странствовать. А из припасов была у них всего-навсего одна баранья почка. Шли они так, пока не устали от долгого пути. Зной и жажда становились все сильней, да и голод начал одолевать их.

И вот остановились они на берегу реки и заспорили из-за этой почки. Каждый всеми правдами и неправдами доказывал свои преимущества в правах на нее. Наконец, порешили, что почка достанется тому, кто старше.

— Меня мать родила, — начал волк, — за семь дней до сотворения мира всевышним богом.

— Это правда, — вмешалась лиса, — я была там в эту ночь, держала светильник и помогала твоей матери.

Услышал верблюд такие речи волка и лисы, вытянул шею, схватил почку и сожрал ее со словами:

— Тот, кто увидит меня, сразу поймет, что и я не вчера родился, что я намного старше вас, повидал на свете побольше вашего и больше вас перетаскал тяжестей.

*** * ***

Все мудрецы порешили на том, что ключ той загадки— в руках у Синдбада, и уведомили об этом шаха. Тот приказал привести Синдбада.

Синдбад был принят с почестями и удостоен милостивой беседы.

— Этот ребенок, — сказал шах, — жемчужина страны, средоточие ценностей царства, источник радости и основа веселия для меня. На продолжении всей моей жизни — это единственный плод в моем саду. Ты должен воспитать в нем высокие нравственные качества, научить его достойным поступкам, правилам политики и законам управления, обычаям царей и тонкостям религиозных установлений, так чтобы он стал образованным и приобрел опыт. После величия и мудрости великодушного и всемилостивейшего бога

я всецело полагаюсь на твое умение и способности. Когда же плоды твоего обучения скажутся на состоянии и поступках царевича, тебе будет уплачено по обычаю великодушных.

И вот Синдбад стал заниматься с шахзаде. Он растолковывал ему все тонкости, извилины и трудности наук, приводил доводы и доказательства и доводил их до его царственного слуха. Но поскольку шахзаде был еще очень юн, то эти жемчужины и редкости пропускал он мимо ушей, и сердце его не лежало к изучению наук, не склонен он был изнурять себя, повторяя их.

Так прошло некоторое время, но в сокровищнице груди шахзаде не прибавилось сведений. А Синдбад жертвовал ради него терпением и прилежанием знания, что хранил он в своем мозгу.

Он проводил дни и ночи в надежде, ожидая, что придет, наконец, благоприятная минута, и беспрестанно повторял: «Быть может, бог проявит впоследствии что-нибудь».

Покуда в теле есть душа, я буду обучать и мучаться;
Не знаю я, чего добьюсь, но, может, кое-что получится.

Доложили об этом шаху. Тоска охватила его благословенные помыслы, и он подумал: «Полировщик своим старанием и усердием за несколько дней превращает темное железо в зеркало. Он доводит его до такой гладкости, что оно отражает добрые качества, подтверждая слова: *он изваял вас, и ему понравились ваши формы», и становится пробным камнем человеческих достоинств, так что при его посредстве можно читать славные *айаты владыки и видеть, как овладевают божественным промыслом. А ведь элементы, из которых состоит тело моего сына, не тверже железа и не темнее его. Должны же оставить на них след искусство обучения и терпение, с которым переносит все это мудрец».

Потом он прочитал про себя такие стихи:

Рок в бездну трудностей порой нас бросит,
А после облегчение приносит.

* * *

Не горюй, коль кривая у рока стезя —
Что тут сделаешь, если иначе нельзя!

И задумался шах над этим, так что следы дум проступили на его челе. Везиры и приближенные стали доискиваться причины этой задумчивости, опросили:

— Почему изменилось настроение повелителя?

Он ответил:

Не говори поникшему в тоске:
«Тоску из сердца изгони словами!»

* * *

*Она спросила: «Почему тебя всегда гнетет забота?
Ты притчей во языцех стал, ты к горести попал в тенета!»
Я ей ответил: «Пожелай мне больше горя, ибо горе
У нас тем более растет, чем больше захотим чего-то!»

— Да, радостное состояние — это *Анка, покинувшая родину, красный фосфор и желтый изумруд. Каждый человек грустит и печалится по мере своих забот:

Кто с сердцем, полным радости, явился в мир сюда,
Явился к нам с приметами *Симургова гнезда!

И шах продолжал:

— Знайте же, что гнетут меня заботы о моем сыне и огорчен я из-за него. До сих пор я надеялся, что в саду его природы из семени знаний вырастет побег разума, что на лугу его сердца взойдет

прелестная зелень, что он прославится в науках. Но Синдбад, оказывается, бил молотом по холодному железу и рисовал на поверхности воды. Ведь правду говорят:

*Потребность невежды без сердца в ученье —
Потребность ослов безголовых в узде.

*** * ***

Ты невежду знаньям и науке не обучишь, друг мой, все равно —
Так, играть глухому на *барбате, зеркало давать слепым — смешно.

— Если крикнуть в горах, то раздается эхо, если вырыть на песчаном холме колодец, то появится в нем вода. А ведь польза обучения и воспитания должна была быть не меньше этого.

Потом он велел привести Синдбада и обратился к нему с такими словами:

— Когда объездчику поручают необъезженную лошадь, то он укрощает ее своим искусством, обучает ее, приучает слушаться повода, стремени, и она повинуется его воле. И пропадает ее необузданность, которая является признаком дикости, и оставляет она свои звериные повадки — безудержное ржание и резвость свою. И все это — за короткий промежуток времени. Так почему же натура шахзаде, который происходит из сада благородных и возвышенных, за столь продолжительное время, при столь усердном обучении и стремлении его самого не воспринимает науки и знания? Почему не приносит плоды побег, являющийся украшением веры и державы, красой сада царства и народа? Может быть, при воспитании этого дорогого создания ты допустил какую-нибудь оплошность?

Выслушав это, Синдбад встал, попросил у шаха и присутствующих разрешения высказаться и промолвил:

— Пусть вельможи и сановники царя живут под его сенью, и пусть ширится его величие! Если будет позволено, то я выскажу свои извинения.

— Говори! — приказали ему.

— Да не скроется от благородного внимания вельмож — звезд неба просвещенности, базилик сада справедливости, — начал Синдбад, — что этот восхвалитель великой державы обладает глубокими познаниями в отраслях наук и ветвях мудрости, правильно понимает жизненные явления, что он провел все свое время, обучаясь и обучая, получая наставления и наставляя сам. Если и есть здесь промахи, то это не по моей вине. Я принял все меры и проявил все терпение, которое только можно вообразить. Но без поддержки неба и помощи господа, одной лишь человеческой хитростью не достигнешь желанного счастья, все приемы воспитания не могут заменить лучей судьбы, желаемое не снимет покрывала с лица своего бытия. «Не каждый, кто ищет и старается, находит, не каждый, кто уходит, возвращается».

Часто гибнут желанья, но нет в этом гибели;
В этой пропасти счастье идущих таится.

— Когда я думаю о смысле происходящего, — продолжал Синдбад, — то дело шахзаде напоминает мне историю слона, его погонщика и падишаха Кашмира.

— Что это за история? Расскажи нам, — попросили присутствующие.

Рассказ о кашмирском шахе и погонщике слона

— В давние времена, в прошлые века, — начал Синдбад, — в Кашмире — указателе *обитаемой четверти вселенной и заглавном листе центра обитаемой земли — царствовал один падишах. Он прославился своей справедливостью и правосудием, был известен своим беспристрастием и правдивостью, а также величием помыслов, всегда достигал он своей цели, всегда выплачивал воинам жалованье, а военное снаряжение в его царстве славилось своим совершенством. У него было несметное число боевых слонов. В походах паланкин его ставили на спину слона, и поэтому каждый обычный день старший погонщик проводил перед ним слонов.

И вот однажды охотники изловили дикого слона, быстрого в беге, но с тяжелой поступью, стремительного, ревущего, как гром, мечущий молнии. Он казался горой *Бисутун, опирающейся на четыре колонны, или же тучей, которая вместе с метеором низвергается с зенита на землю. Кто бы ни увидел его на просторе, сказал бы:

> *Туча поднялась слоноподобная над широкой синею рекой;
> Кружит, как мечтания влюбленных, мечется, как сердце боязливых.

По движениям — ветер, по быстроте — огонь, подобен горе и облаку подобен, быстрый, как метеор, со стальными копытами, с булатными бивнями, с натурой тигра, сердцем льва, грозный, как туча, как горная лавина, стремительный, как молния, страшный, как пламя, он словно поток низвергался с горы и словно языки пламени поднимался вверх:

> Это — грозный верблюд быстроходный; ест он мало, но быстро бежит,
> Он быстрей и проворней, чем серна, не уступит он горным козлам;

Мерит он расстоянья на степи, он — гора, все готов выносить,
Днем до вечера валит деревья, возит груз до утра по ночам.

Он подобен летучему ветру, это — быстротекущий ручей,
Мчится он по долинам просторным и по выжженным солнцем степям.

Он похож на огонь — так он легок, и на землю — земли он грузней,
К водопою он первым приходит, скачет он, не страшась, по горам.

Всякий, кто забредет в его стойло, может только дивиться ему,
От *Хотана к *Таифу дорога — что *фарсанг его мощным ногам.

Увидел падишах его стать, и понравился ему слон безмерно. И приказал шах главному погонщику выдрессировать его, обучить останавливаться на полном ходу, скакать галопом и бежать рысью, нападать и отступать, чтобы стал он пригодным и для сражений, и для царских шествий.

Погонщик повиновался и в течение трех лет обучал и дрессировал слона, как велел шах. Когда же окончился срок обучения, падишах велел привести слона пред свои очи, чтобы самому прокатиться на нем и проверить результаты обучения.

Как только шах взобрался на слона, тот прыгнул, словно лев, и вихрем понесся в степь. Он носился по горам и долам, как дикий зверь, как кабан, он летел, как буран, как порывистый ветер по пустыням и степям. Он бежал так от восхода до заката солнца, а шах на нем, пораженный и испуганный, был подобен птенцу птицы *Анка на вершине горы, пене на гребнях морских волн. Как ни пытался он остановить слона, это намерение не попало в круг исполнения, не совпало с центром возможности, и из-за непрерывной скачки и

безостановочного бега животного шаху не было возможности сойти. И так продолжалось до самого вечера, когда слону захотелось есть и он просто изнемог от голода. Он двинулся по проторенной дорожке к своему загону, жилищу, с которым он свыкся. Войдя туда, слон успокоился.

Шах сошел со слона и, придя в ярость и гнев, приказал бросить погонщика под ноги животному, чтобы слон растоптал его.

Погонщик увидел, что шах в гневе и намерен его наказать, понял, что в нем бушует пламя и кипит все его нутро, и подумал: «У моря нет соседа, а у царя нет друга».

Я часто обращался к сердцу: «С дурными невозможен лад.
Зачем в любви ты так усердно, зачем тебе лукавый взгляд?»

И вот уж увидел он себя связанным по рукам и ногам, потерял всякую надежду на жизнь и проговорил:

— Да будет дозволено мне сказать несколько слов, — быть может, вода благоразумия шаха погасит пламя его гнева, а взывающий к благородству доведет до его слуха слова: *«Блаженны подавляющие свой гнев и прощающие людей». После этого он стал молить и заклинать:

Сноси свою судьбу, пусть даже рок вершит
Не то, что ты хотел, — ты все ж не будь строптив.

Для мужа будет жизнь приятною тогда,
Коль в наслажденьях есть какой-то перерыв!

*** * ***

Бог создал дольний мир наш навсегда таким:
Веселье — после бед, благое — за дурным.

Он распростерся лицом в прахе унижения и сказал:

— Если шах не придает значения услугам и давней преданности своего раба, если он не прощает ради детей, которые осиротеют, и жен, которые овдовеют, то все же недостойно его справедливости без причины так наказать раба и окрасить кровью, пролитой кинжалом, волосы, поседевшие за годы продолжительной службы. Ведь беспристрастность и правосудие шаха сегодня служат примером для всех царей мира, из его славного дивана они получают грамоту на нелицеприятие и правосудие, к писцу его великодушия они обращаются за разъяснением и с просьбой о пожаловании уделов по справедливости.

— А разве может быть больший проступок? — спросил шах. — Ведь я приказал обучить и выдрессировать этого слона. А он по прошествии трех лет остался таким же диким и необузданным.

— Да будет известно высокочтимому вниманию, что ваш нижайший раб при дрессировке и обучении не был нерадив, а учил слона всем правилам, ходьбе и остановкам. Если падишах прикажет снять путы с рук и ног раба, то сможет воочию убедиться в правдивости этих слов: я наглядными примерами покажу, что воля и веление шаха были исполнены.

Когда шах выслушал эти слова, пламя его гнева поубавилось, и он приказал снять оковы и путы с рук и ног слуги. Погонщик тут же взобрался на слона и попросил принести охапку сена и кусок раскаленного железа. Как только принесли все это, слон, который очень проголодался, протянул хобот к сену, но тут погонщик крикнул: «Не бери сено, на — железо!» Слон хотел было схватить железо, но погонщик снова закричал: «Не бери, наступи на него ногой!» Слон только собрался наступить ногой на раскаленное железо, как погонщик приказал: «Не наступай, а поклонись шаху». И слон отвесил шаху поклон.

После всего этого погонщик поцеловал землю перед шахом и заговорил:

— Да продлится жизнь падишаха в совершенстве его достоинств, в вечном могуществе! Я смог научить этого слона тому, на что способны его шея, его передние и задние ноги, его хобот. Но я не смог обучить его тому, что зависит от его сердца и его натуры, ибо это недоступно мне, и я не властен над этим. И, быть может, в том, что слон упрямо не повиновался поводьям падишаха, была воля небес. А

человеческий разум неспособен понять сокровенные тайны судьбы и невидимые действия рока. Явление, которое нисходит из высшего мира в низший, не может быть преодолено какой-либо тварью: *«Когда Аллах захочет причинить зло какому-либо народу, оно неизбежно».

Услышав доводы погонщика, шах простил его.

— Я — нижайший раб шаха, взлелеянный его милостями и поминающий его в молитвах, — продолжал Синдбад. — До сегодняшнего дня и мое мирское счастье, и счастье моей веры покоились под сенью милостей и благодеяний шаха. Под покровительством его сострадания, под защитой милосердия я раскрывал сокровенные тайны и преодолевал трудности. Когда лучезарные помыслы падишаха доверили этому нижайшему рабу честь обучения своего дорогого сына, то я приложил все старания и усилия, какие только были возможны. Однако десница отрицания возложила на его чело тайну из тайн, вверенных роком и спрятанных судьбой, и зачеркнула его очки в игре в кости. А ведь ни одно создание не может состязаться с волей небес ни в верховой езде, ни в игре в *чоуган на майдане. Теперь же счастливое сочетание звезд отражено в гороскопе шахзаде; я до последнего времени пристально смотрел и ждал удобного случая, ждал этого часа. Я сопоставил астрономические таблицы, изучил и проверил время наступления счастливого момента, я долго ждал достижения этой цели, и теперь по воле рока и благодаря счастливому сочетанию звезд и милости творца я берусь в течение шести месяцев обучить шахзаде всем обычаям царей и этикету владык, внушить ему высокие нравственные качества и похвальные свойства характера, посвятить его в тонкости наук и изящных манер, тайны астрологии и глубины астрономии, познакомить его с редкостями медицины и дать ему кое-какие познания в искусстве изготовления лекарств, а также научить его многому другому. Если же я не уложусь в этот срок, то тогда буду достоин всяческих наказаний и кар.

Везиры и *надимы были поражены этими словами.

— О мудрец! — сказали они. — Ты притязаешь слишком на многое. А ведь мудрые сказали: «Каждое неисполненное обещание — это безводное облако, ненаточенная сабля и бесплодное дерево». То, чего не случилось за двенадцать лет, может ли произойти за шесть месяцев?

Тут один из везиров сказал:

— В четырех случаях не следует высказывать ни одобрения, ни осуждения о деле, пока оно не закончится. Во-первых, о кушании, пока оно не переварится в желудке. Во-вторых, о беременной женщине, пока она не разрешится. В-третьих, о храбреце, пока он не покинет ратного поля. В-четвертых, о земледельце, пока он не соберет урожая.

Другой везир продолжал:

— Никакая наука не постигается без помощи таких орудий и инструментов, как непорочность натуры, совершенство сообразительности, сила памяти и любознательности. Но и эти качества останутся под спудом без помощи божией и поддержки неба. Обычаи и законы человеческие таковы, что если в начале роста, в самом детстве, в расцвете юных сил, когда ум и рассудок очень восприимчивы и не перегружены, когда дарование и способности в расцвете, — если в это время человек ничего не постигает в науках, то не постигнет и впоследствии в течение долгой жизни.

— У Синдбада, — начал третий, — глубокие познания в науках, он обогащен ценным грузом искусств. Но мудрецы предохраняют и защищают сад слов, луг речей и цветник мыслей от сора и мусора кривды, оберегают красоту правдивости слов, которая является природным свойством человека, от мерзости лжи и позора фальши. Всем людям страны известно, какая внимательность, какая неусыпность стараний свойственны Синдбаду. Но действия людей зависят от времени. Если ты не посадишь и не подрежешь побег в нужную пору, в месяц *фарвардин, то и земля не будет растить его с материнской любовью, а вода, сколько бы он ни вбирал ее, не явит ему благ молока, и в месяце *урдибихишт он не покроется зеленым райским нарядом.

От этих подобающих случаю речей и искренних слов шах вновь обрел покой, его волнение улеглось, и он сказал:

— Как говорится, «прошлое не поминают». Теперь тебе надлежит справиться с этой задачей и оградить правдивые слова от превращения в неверную ложь, ибо великие мужи сказали: «Неисполняющий обещания подобен *иве: у нее зелень, свежесть и красота, но приносит она лишь цветы, а не плоды».

Остерегайся лжи, когда ты дал обет,
И будешь средь людей ты жить вполне счастливо;

Коль ива расцветет и принесет плоды,
Тогда не назовут ее бесплодной ивой.

Синдбад поклонился и повел речь:

— Если одно за другим будут следовать благосклонное внимание, великодушные милости и благодеяния падишаха, если они не прекратятся и будут постоянны, то исполнятся все цели, и осуществятся все желания. Ведь ученые мужи сказали: «Мудрец не должен останавливаться в городе, в котором нет пяти вещей: во-первых, справедливого государя и строгого и властного правителя; во-вторых, проточных вод и тучных земель; в-третьих, ученых, обладающих практическими знаниями и наделенных умеренностью; в-четвертых, искусных и сострадательных лекарей; в-пятых, щедрых благотворителей». Благодарение Аллаху, что все это есть в нашей стране благодаря величию и счастью нашего справедливого падишаха. А шах подобен пламени: чем ближе к нему, тем больше опасности сгореть, но чем дальше от него, тем меньше милостей и благ.

После этих слов Синдбад вышел и приказал построить дом ровный и прямой, как куб, а стены его покрыть алебастром и раковинами. На одной из внутренних граней куба он нарисовал изображения знаков зодиака, неподвижных звезд и планет, начертил знаки градусов, минут, секунд, утроения, учетверения и упятерения звезд, изображения апогея и перигея, зенита и надира, счастливого соединения и сочетания звезд, треугольного, четырехугольного и шестиугольного положения звезд.

На другой грани описал разновидности мирских отношений, деление на группы людей с достойными свойствами души: благовоспитанных, образованных и богобоязненных.

На третьей грани он перечислил виды недугов, названия лекарств, их свойства и пользу, приносимую ими, разновидности болезней, группы темпераментов и тому подобное.

На четвертой грани он описал разновидности тонов и виды звуков, понижение звука, промежутки между двумя звуками, движение

их, удаление и приближение, характеры струн, соединения тонов и метров.

Еще на одной грани начертил он геометрические фигуры: треугольник, четырехугольник, многоугольник, окружность, дугу, кривую и прямую линии.

И, наконец, еще на одной изложил правила управления и порядок наказания, законы справедливости и обычаи беспристрастности.

В течение шести месяцев он велел шахзаде прилежно изучать все это. Шахзаде преодолел много трудностей, проявил прилежание и претерпел все тяготы учения. Его зрение воспринимало фигуры и формы, а слух ловил все тонкости наук и изюминки мудростей, так что по прошествии указанного срока он запомнил и закрепил все выгоды и преимущества, диковинки и чудеса, редкости и тонкости, украшения и жемчужины наук.

Когда окончилось определенное на то время и настал назначенный срок, Синдбад сказал шахзаде:

— Завтра я отведу тебя к отцу. Там ты покажешь ему приобретенные тобой знания, продемонстрируешь то, что ты запомнил, и тем самым докажешь и подтвердишь свое право на царскую власть и управление государством.

Утенок, хоть вчера явился лишь на свет,
Сегодня уж плывет, ему и горя нет!

Затем Синдбад направил по этому случаю астролябию на солнце и долго изучал градусы гороскопа. Гороскоп шахзаде предсказывал несчастие и опасность в течение следующих семи дней. Синдбад удивился и произнес:

Каждый день что-то новое в мире вершит небосвод,
Перед чем отступает людской остроумный расчет.

Пусть наш разум, как солнце златое, сверкает с высот,—
Он загадкам судьбы разрешенья вовек не найдет.

— Я предвижу, — добавил Синдбад, обращаясь к шахзаде, — удивительные происшествия и странные события. Если в течение этих семи дней ты скажешь кому-либо хоть одно слово, то это повлечет за собой твою гибель. Если я поведу тебя к его величеству, то ты подвергнешься опасности. А если не поведу, то меня постигнет кара падишаха. Найти выход из этого положения очень трудно, отвратить судьбу невозможно. Ведь говорят же мудрецы: «Берегись царей! Они считают великим грехом увиливание от ответа и считают пустячным делом рубить шею». Это относится в особенности к такому царю, который

Велит потоку, льющемуся вниз,
Остановиться, под гору не течь;

Кто обращаясь к ночи, к темноте:
«Не наступайте, стойте», — держит речь;

Кто запрещает ветру из степей
Дуть и своим дыханьем кожу жечь;

Кто дню велит: «Эй, с ночью примирись!»,
А ночи: «Дню ты не противоречь!»

И он продолжал:

— Я полагаю, что для меня было бы самым разумным скрыться на всю эту неделю. А когда пройдут эти несчастные дни, я объявлюсь по воле звезд и благословенного гороскопа. И тогда я докажу свою правоту и добьюсь оправдания. Когда завтра тебя поведут к его величеству на прием, наложи на уста печать молчания, не отпускай поводья каракового коня речи и расслабь стремя молчания. На расспросы не отвечай ни единым словом!

В ту же ночь Синдбад скрылся.

*** * ***

На другой день, когда на просторах неба, словно хвост *волка-сирхана и букеты базилики, появились следы лучей царя звезд, шахзаде отправился во дворец. Но сколько ни приставали к нему с расспросами везиры и надимы, в ответ они не услышали ни слова.

— Может, он стыдится этого собрания, — решили падишах и приближенные, — и потому не начинает речь при нас. Его надо отвести во внутренние покои, — быть может, он заговорит с обитательницами гарема.

А в гареме у шаха была невольница с земными помыслами. Она уже давно была влюблена в юношу, но, не сумев одолеть его непорочность, пребывала удрученной в долине разлуки. И теперь она обрадовалась свиданию с ним. В долгие зимние ночи одиночества, положив книгу любовной тоски на полку разлуки, лелея образ его красоты в сновидениях, она молилась о свидании с ним и произносила:

> Не было б надежды на свиданье, я и жить не стала бы на свете.
> Не было бы грез, я б не сомкнула ночью глаз на самый краткий миг.
> Хоть сахара купить и не могу я тюк,
> Я мух с него сгоню — и тем спасусь от мук.

Любовь, ухватившая ее за полу, схватила и за ворот благоразумия и говорила повелителю страсти: «Если вообще суждено свидание и соединение, то как раз теперь настала пора вытащить из ступни эту колючку и приготовить зелье против этого недуга». С этими мыслями она отправилась к шаху и сказала:

— Если возвышенный разум шаха — источника красоты и начала совершенства — сочтет нужным, то отправит он шахзаде в мою комнату, ибо, когда эта единственная в своем роде жемчужина осиротела после смерти матери, его няней стала я. Я взлелеяла его с материнской любовью, и, быть может, он заговорит со мной и откроет мне тайну своего сердца и свои сокровенные помыслы.

И шах приказал отвести его в покои той невольницы, надеясь, что она подберет ключ к этому замку. Невольница взяла шахзаде за руку,

отправилась с ним в уединенный покой и повела беседу. Она заговорила о радостях жизни, о единении и продолжила речь:

Раскрой уста — рубины и жемчуг покажи,
Меня не мучь о друг мой, о встрече мне скажи.
Готов всегда лобзать я блестящий жемчуг тот:
Он — славно *Черный камень, а я — простой *хаджи.

*** * ***

Раскрой скорей уста-цветок, правдивых обещаний жду я;
Иль, как тюльпан, рубашку я порву, неискренность почуяв;
Не спорь со мною, дорогой, ведь сердцем всем к тебе лечу я;
Любовь раскрыла нам врата. С тобою в них войти хочу я!

— Прошло уже много времени, как твои мускусные арканы связали мое сердце путами гнета и оковами насилия, на приманку твоей красоты попалось мое сердце. И вот сегодня, когда наконец смилостивилась жестокая судьба и счастье открыло эту красу, подай мне руку дружбы. Я вручу тебе эту державу и страну, венец и царскую власть, а слуг и придворных впрягу в ярмо повиновения тебе, если ты дашь мне клятвы и заверения, обещание и слово, что не ранишь и не оцарапаешь лицо дружбы когтями вероломства.

— А как ты приступишь к такому серьезному плану и как осуществишь его? — спросил шахзаде. — Как начать такое рискованное дело? Удастся ли тебе решить столь трудную задачу? Как разрешаться все эти трудности? Как втиснуть в пределы возможностей это невозможное?

— Я незаметно отравлю шаха, — ответила невольница, — и возложу на твою голову царский венец.

Мне без тебя они и не нужны совсем,
А коль со мною ты, то мне они зачем?

— Недостойно великих духом и благородных мужей, — ответил шахзаде, — зариться на гарем отца и жаждать женщин, у которых есть брачное ложе. Ни один разумный человек не станет навлекать на себя кару и упреки людей ради удовлетворения страсти и вожделения, не преступит границ дозволенного, не наступит ногой вероломства на главу воздержанности и веры, не уронит достоинства, хранимые обычаями, благородством, религией и благочестием, не станет пренебрегать истиной ради преходящего и мнимого. Если я вымолвлю хоть одно слово в течение этих семи дней, то погибну. Поэтому конь речей моих не может скакать на ристалище. Когда же пройдут эти зловещие и злосчастные дни, то тебя постигнет кара за вероломство, возмездие за предательство, наказание за то, что ты запятнала красоту добродетели шипом измены:

*Ты дорого, мой друг, заплатишь за ошибку,
Оскал клыков у льва принявши за улыбку!

*** * ***

Как только надо мной рассеются все тучи,
Руки моей удар узнаешь ты могучий!

Невольница подумала: «У меня вырвались необдуманные слова, я взялась за дело, не взвесив всего предварительно. Не зная о его тайных помыслах, не ведая о сокровенных мыслях, я наговорила столько глупостей и всякого вздора, противных разуму и противоречащих рассудку! Я выложила все свои намерения, которые могут погубить меня, лишить меня счастья. Ведь правду говорят:

*Глупцы и умные вершат одно и тоже,
Но лишь один глупец себя стыдом покроет.

*** * ***

То же делает невежда, что ученый, только он
В том же деле, опозорясь, опалит себе ресницы;

Юноша дурной хорошим станет, если навсегда
У отца его благого затуманит смерть зеницы.

«Свою честь, которую я берегла под покрывалом целомудрия и в одеяниях добродетели, я выставила на позорище, сделав ее мишенью для стрел возмездия дротиков мучения, загрязнила и осквернила ее мерзостью и скверной измены ради вожделения. И если все это дойдет до высокого слуха шаха, то уважение ко мне обернется презрением, почет — позором, а доверие, которым пользовались моя преданность, совершенство в любви, набожность и религиозность, исчезнет, — и все по вине страсти и вожделения, тем более что я замыслила нечто против шаха. А ведь мудрецы сказали: «Три силы не знают пощады: море, огонь и царь». Действительно, беспощадны три: море, которое приходит в волнение, разбушевавшееся пламя и падишах, которым овладел гнев. От пламени и моря можно укрыться, уйти, а от гнева падишаха невозможно уберечься. *Муавия как-то сказал: «Мы — судьба: тот, кого возвысим, возвысится; тот, кого унизим, будет униженным». Действительно, падишахи — это след судьбы и тень величия творца. Те, кого они возвышают, возвышается; тот, кого они унижают, терпит унижение.

«Мудрецы в подобных случаях считали необходимым предостеречь себя. Но уж если получается так, что возникшая опасность превосходит силы мудрого человека, его мощь и терпение, то тогда мудрец, используя свой проницательный ум и здравый рассудок, старается устранить нависшую угрозу путем тонких хитростей и ловких проделок и ставит себя под стену укрытия и покровительство благополучия. При этом говорят покушавшемуся на них недругу и врагу:

*Я вижу, нужен риск мне на моем пути,
Но сердце мужества не может обрести.

«До того как шахзаде натравит на меня сердце падишаха и не дожидаясь, пока тот начнет мстить и принимать меры предосторожности, я, пока не прошли эти семь дней, уроню честь юноши в прах унижения и презрения, придумаю диковинные козни и редкостные хитрости и низвергну его с высоты в грязь. До того как он докажет мою измену, я обвиню его самого в измене и вероломстве и этим спасу себя от ужаса его слов и страха перед грядущим:

К благу устремив пытливый взгляд,
Малым не довольствуйся, о брат,
В малом деле так же, как в большом,
Убивает смертоносный яд.

*** * ***

Если жизнь нам нельзя провести, не любя,
Дай изведаю скорбь, полюбивши тебя!»

И тут невольница быстро разорвала на себе платье, растрепала волосы, исцарапала ногтями лицо и, крича: «На помощь, мусульмане!» — кинулась к шаху, притворившись пораженной в сердце. Она прибежала к месту, предназначенному для жалобщиков, и стала там, проливая слезы скорби и моля о помощи смиренным и покорным голосом:

Подорвана вера, нарушен закон,
Порядок страны наверху сокрушен.

— О державный царь! О счастливый падишах! — говорила она. — Благодаря тебе павлин справедливости красуется в саду благородства, а *Анка насилия почивает в жилище небытия. Разве подобает, чтобы в годы справедливости и дни твоего правосудия произошло такое насилие? Не дай бог, чтобы твоя благородная душа, источник щедрости и благ, совершила поступок, хоть чем-то

достойный осуждения, ибо счастливых царей ни за что не порицают более, чем за совершение подобных поступков. Ведь по мудрому изречению: «Царь — тень Аллаха на земле, к нему да обратятся униженные», — правитель — это счастливая звезда; целуя прах его трона, преклоняются пред ним подданные. Такой правитель всегда с усердием покровительствует рабам великого владыки — да будет мощь его увеличиваться беспрестанно! — всегда обращается с ними хорошо. Такие правители очищают души подданных от ржавчины горя и скорби, и мусульмане благодаря этому пребывают в колыбели покоя и безопасности. А поступки, противоречащие этому, достойны сожаления.

— В чем же заключается насилие? — спросил шах. — Кто совершил грех?

— Когда я повела шахзаде в свои покои, — начала невольница, — я ласково, по-матерински спросила: «О плод падишахского древа! О жемчужина шаханшахской раковины! В чем разгадка твоего молчания? Почему не поет красноречиво попугай твоих речей? Почему соловей твоего языка не рассыпает трели в цветнике слов?». Но получилось похоже на то, как говорят: *«Тысячу раз промолчал, а раз сказал ложь». И он ответил мне: «Причина моего молчания — в неизлечимом недуге и бесконечной разлуке с тобой. Рука любви наложила на мои уста замок молчания и печать безмолвия, ибо «любовь — это то, что запрещает слова и речи». Но вот сегодня шах по счастливой случайности отправил меня в твои покои, а ведь сказано: «Счастье — это счастливая случайность». Да будет тебе известно, что любовь к тебе пронизала все мое существо, пламя страсти к тебе проникло мне в душу и сердце.

> Щеки твои, словно алая роза, — сердце мое их окрасило кровью;
> Полон любви я к тебе несказанной, сущность моя стала вечной любовью.

«От самой колыбели до сегодняшнего дня я таил в сердце чувство к тебе. Дни и ночи я читаю книгу любви к тебе, запоминаю наизусть стихи и главы священного писания о тебе. Моя душа пленена страстью

к тебе, мое сердце клянется в верности тебе. Муки разлуки с тобой велики, радости свидания с тобой неисчислимы:

*Целые страницы книги сердца я упреками тебе заполнил;
Я закрыл их, но потом раскрою, — и мои не выцветут упреки.

Ночь пришла, а повесть наша не завершена.
Разве ночь виновна, если повесть так длинна?

«О, если бы я знал, что твое жестокое сердце благосклонно допустить меня к единению с тобой, если б я был уверен, что можно достичь *Каабытвоей красоты, то я поверг бы отца во прах мечом или убрал бы его со своего пути ядом и взялся бы десницей страсти за тороки твоего счастья:

На седле твоих милостей есть торока,
Чтоб раба твоего ухватилась рука».

— Когда я поняла безудержность этих стремлений, когда услышала этот недозволенный бред, — продолжала невольница, — я решила, что нечистая сила овладела им, что душевная болезнь закралась в него и меланхолия возобладала над его натурой. Ведь ни один благоразумный и благородный человек ни своим разумом, ни характером не приемлет таких недостойных речей и поступков, не сочтет совместимыми ни с положениями *шариата, ни с человечностью, не станет попирать стопой насилия совесть и порядочность, не допустит подобного разврата в гареме падишаха, не навлечет ради удовлетворения похоти и вожделения подобного обвинения на свою честь. Такой человек не станет читать и тем более не начертает сам в своем сердце *сур о захвате власти, *аятов о низложении царя, не возжелает падения государства и гибели падишаха— тени божественного милосердия, украшения благоденствия, средоточия величия, источника облегчения участи всех народов земли, основы процветания четверти всей обитаемой части вселенной, падишаха, совершенное благородство и всеохватывающая

справедливость которого начертаны в священном писании воображения и мысли.

Затем невольница, подражая *Зулейхе, воскликнула:

— Тот, кто хотел погубить тебя, заслуживает только темницы или же вечных мук!

Услышав эти речи и выслушав ее жалобы, шах пришел в замешательство и удивился. Гневные думы отразились на его благословенном челе. Невольница же, задумав раздуть пламя смуты, умножить волны потока несчастия, наточить меч гнева шаха, продолжала:

— Если бы не мои крики и вопли, упреки и укоры, если бы не власть и величие падишаха, а также страх перед его карой, то он стал бы осквернять мой целомудренный подол и незапятнанное платье, богобоязненную душу и чистое тело, покрытые покрывалом добродетели и порядочности, своей грязью, мерзостью и гнусностью. Меня, самую добродетельную женщину нашего времени, *Марьям этих дней и *Рабиу нашего века, он намеревался раздеть, снять с меня покрывало чести и прикрытие наготы, чтобы достигнуть своей гнусной цели. Я уповаю на справедливость правосудного шаха, я верю, что мои законные обвинения против этого бесстыдника будут учтены, что шах проучит этого наглеца и мерзавца и примерно накажет его за вероломство так, чтобы это послужило хорошим уроком для других бесчестных людей:

Коль мать и отец воспитать не сумели,
Пусть ночи и дни воспитают получше!
Шах подумал: «Удивительные дела, странные события!
Я считал его чистым, прекрасным цветком,
Оказался он жалящим сердце шипом.

*** * ***

Если уксус лекарством твоя называет природа,
Возрастет твоя боль, если только попробуешь меда».

Нух сказал о своем сыне Канаане: «О господи, мой сын происходит от меня». Гнев величия и слава могущества падишаха взывали: «О Нух! Поистине он не происходит от тебя. Шип надо вырывать, змею — убивать. Шариат и разум дозволяют отрезать или сжечь для исцеления какую-либо часть человеческого тела, как бы она ни была необходима, если поражена она заразной болезнью (например, оспой, чумой, проказой) или укушена змеей и страдает от боли, чтобы тем самым сохранить другие части тела. Сын для меня равноценен частице тела. Но эта часть поражена заразной болезнью, и ее следует отсечь, коли ради удовлетворения своей похоти он готов погубить мое царство и державу. Ведь сказано:

«Когда рука не слушает тебя, ее немедля нужно отрубить!».

И он дал знак палачу увести и казнить юношу.

*** * ***

А у падишаха было семь достойных везиров. Все они отличались совершенством мудрости, были всегда готовы подать шаху совет, пеклись о царстве и творили справедливость. На небе державы шаха эти семеро были словно *семь планет. Ось державы и царства держалась крепко и твердо благодаря их верному уму и здравому рассудку, сообразительности и благоразумию.

По благоприятному стечению обстоятельств, благодаря счастливой звезде шахзаде, они как раз присутствовали на приеме у падишаха. Услышав произнесенные речи, все семь везиров собрались в углу зала, чтобы посовещаться.

— Необходимо, — решили они, — поразмыслить обо всем этом.

А старший везир сказал:

— Падишах не должен верить словам глупой женщины, иначе он погубит сына, на челе и лице которого проступают и сверкают черты благородства, свет сообразительности и разумности. Когда же притупится острота гнева и остынет ярость, шах сам будет раскаиваться и сожалеть о своем решении. Но тогда сожаления и

вздохи не помогут и не облегчат положения. А позор этот непременно вызовет толки о слабоумии и безволии падишаха, и нас также обвинят в слабоумии и глупости. К тому же, когда падишах раскается в принятом решении и осуществленном наказании, когда он откажется от него, то свой грех и торопливость свою свалит на нас, обвинит нас за свой поступок и накажет.

При этом везир привел пословицу:

Шакал съел виноград — лиса была побита!

— И вот еще что, — продолжал он, — если царский трон лишится шахзаде, у державы не станет достойного наследника, который украсил бы ее. И враг нападет на наше государство, решив уничтожить и погубить нас и разорить жителей нашей страны. Если мы не поразмыслим как следует над всем этим, если не раскинем здравым умом, то вина за все это ляжет на нас.

Но другие везиры перебили его:

— Раз падишах подписал решение, не посоветовавшись и не поговорив с нами, раз он не расспросил нас, то как могут тогда лечь на нас последствия, беды и тяготы за это решение?

— Если вы не последуете моему плану, — отвечал старший везир, — и оставите без внимания мои слова, то вас постигнет то же, что обезьян, которые не послушались своего вожака и потом раскаялись.

— Как это случилось? Расскажи нам, — попросили везиры.

Рассказ о женщине, баране, слонах и обезьянах

Везир начал:

— Рассказывают, что в горах близ города *Хамадана обитало множество обезьян. Был у них и вожак, которого звали Рузбех, опытный, повидавший свет, испытавший и холод, и жару, и добро, и зло. Он жил, согласуй свои поступки с умом и рассудком, и считал себя обязанным печься о своих подданных.

Сидел вожак однажды на вершине горы на камне и разглядывал город. И вдруг увидел он вдалеке, что баран играет рогами с какой-то женщиной. Рузбех подозвал к себе других обезьян и сказал им:

— Странные вещи вижу я!

Те взглянули — правда, на улице баран играет рогами с женщиной.

— Это баран, — заключили они, — играет с женщиной.

— Это неспроста, добром это не кончится, — сказал Рузбех. — Нас из-за этого постигнет несчастье. Надо бы нам забрать своих жен и детей и перекочевать подальше от этой горы.

— Если баран играет с женщиной, — перебили его обезьяны, — что же может случиться? И какой вред нам от этого?

— Я — ваш повелитель и царь, — ответил Рузбех, — и вы должны любить и уважать меня. Я исполнил свой долг, и вам же лучше будет, если вы послушаете меня. Я же, как сказал, так и сделаю: покину эти места.

Он тут же собрал своих жен и детей и перекочевал с той горы в другое место. Обезьяны же, не послушав его увещеваний, сказали:

— Он стар и дряхл.

Но они не знали, что

Упрекам и укорам стариков, о люди, с уважением внемлите:
Ведь эти люди ведают о зле и о добре всех будущих событий.

*** * ***

Что юный в зеркале искать привык,
То видит даже в кирпиче старик.

Они выбрали другого вожака и передали ему бразды правления и право повелевать и запрещать.

Так прошло несколько дней. И вот однажды баран, играя, задел женщину рогом. Ей стало больно, и она ударила животное камнем по голове. Удар оказался сильным, и баран упал на землю без сознания. Придя в себя, он затаил злобу. И однажды, увидев хозяйку около стены, напал на нее, прижав ее рогами так, что она оказалась припертой к стене. В руке у женщины была горящая головня, и она ткнула ею барана. Шерсть на нем загорелась; преследуемый страхом, он вбежал в стойло слонов и стал прижиматься к вязанкам тростника, чтобы загасить огонь. Но тут загорелся тростник, а потом и все стойло. Часть слонов сгорела, оставшиеся в живых получили ожоги.

Донесли об этом падишаху. Тот очень огорчился, вызвал старшего погонщика и спросил:

— Что делать со слонами?

— Со сгоревшими теперь уж ничего не поделаешь, а обгоревших и обожженных надо мазать обезьяньим жиром, пока они не поправятся, — ответил тот.

И падишах приказал воинам поубивать стрелами и камнями всех обезьян на той горе и вытопить жир, чтобы мазать им слонов.

Воины отряд за отрядом покинули город, поднялись на гору и пустили в ход камни и стрелы. Обезьяны пришли в отчаяние и закричали:

— Скажите, почему вы убиваете нас? Мы уже несколько лет обитаем на этой горе и не обидели ни одного живого существа, не сделали ничего такого, за что могли бы подвергнуться чьему-либо нападению.

Люди рассказали им всю историю о баране, женщине, огне и слонах и объяснили, в чем дело.

— Мы достойны худшей участи, — сказали обезьяны, — так как мы не послушали своего старого вожака!

*** * ***

Тут везиры спросили:

— Что же должны мы теперь предпринять? Как следует нам встретить это событие?

— Надо ежедневно одному из нас, — ответил старший везир, — приходить к падишаху и рассказывать ему какую-нибудь историю о коварстве и хитростях женщин. И, быть может, великая опасность и большое несчастье исчезнут, желчь события уляжется благодаря сладкому напитку мудрости, наказание будет отсрочено и ограничится лишь тюремным заключением, злосчастные дни сменятся счастливыми временами, снизойдут милости господа и благословение неба, и сын шаха спасется от гибели:

Дабы узнать, что впредь жестокий бросит рок
Ему соленого и горького в фиал.

Когда семь везиров решили изыскать пути для спасения шахзаде, то один из них — *Луна разумом и *Тир рассудком — сказал палачу:

— Отложи казнь шахзаде, пока я не схожу к шаху и не представлю пред зеркалом его разумения наш совет, дабы узнать, что он повелит и прикажет.

Первый везир приходит к шаху

И первый везир вошел к шаху, воздал положенные почести и приветствовал его словами:

— Да будет жизнь счастливого шаха и прославленного правителя согласна с разумом и справедливостью. Его царствование процветает благодаря правильному пути, прославился он благородством. Помощь и величие Аллаха сделали благородные нравственные качества шаха оглавлением достоинств и добродетелей всех людей, заглавным листом похвальных и достойных качеств потомков Адама; его просветленный разум читает сокровенные веления бога на скрижалях судьбы, его благородному рассудку доступны тайны предопределения, которые выходят на сцену бытия из скрытого небытия; падишах обладает совершенным умом, полнотою здравого рассудка и предельным благородством. В силу всего этого не следует и не подобает принимать решения о наказании, столь ужасном, что представить его не в силах человеческий разум, из-за выдумок и клеветы глупой коварной женщины. Ибо, если солнце выглянет из-за завесы сомнения и покрывала подозрений уже после того, как будет подписан указ о таком наказании, после свершения казни, то не спасут и не помогут ничем ни раскаяние, ни отчаяние, будут бесполезны и бесцельны скорбь и горесть, а разум не скажет:

Пусть пыль рассеется — труд будет не тяжел
Узнать, кто под тобой: скакун или осел!

— А ведь всевышний Аллах сказал: *«О вы, верующие, если к вам явится грешник под видом пророка, то вы убедитесь, что народ поражен невежеством, и вы будете раскаиваться в своих поступках». Если шах не приостановит этого дела, если он не проявит осторожности и предусмотрительности, если не отделит истины от лжи, лицемерия от искренности, то будет обманут, как тот муж, который был обманут попугаем из-за козней и хитростей своей жены. А когда выяснилась истина, когда раскрылась тайна, то раскаяние было бесполезным, а отчаяние — бесцельным.

— Как это случилось? — спросил шах. — Расскажи мне.

Рассказ о муже, его жене и попугае

— Да будет всегда счастливой и благополучной жизнь справедливого падишаха, — начал везир, — а всемогущий и всевышний *Изед да будет покровительствовать и споспешествовать ему!

Рассказывают, что в давние, древние времена была у одного человека жена. И была она обуреваема дьявольскими соблазнами и плотскими вожделениями. Она ступила на стезю страстей и похоти и постоянно заводила любовные шашни с молодыми и красивыми мужчинами.

А у мужа ее был попугай, красноречивый и искусный в словах и речах. Что бы ни произошло в доме, доброе или дурное, прибыль ли получалась или убыток, он все сообщал хозяину, рассказывал ему обо всех событиях и делах.

Однажды вечером кто-то из друзей мужа устроил пиршество и пригласил его, как это подобает делать добрым друзьям и искренним братьям. Муж испросил у жены разрешение и, выходя из дома, подошел к клетке попугая и заговорил с ним:

— О бдительный страж и рассудительный хранитель! Сегодня ночью постарайся не спать и наблюдать. До утра натирай глаза свои *сурьмой бодрствования, присматривайся ко всему проницательным взглядом и внимательным рассудком. Что бы ни случилось, — благородное или низкое, благочестивое или развратное, доброе или злое, — ты все должен запомнить. Когда же утренняя заря высунет голову из своего воротника и я вернусь домой, то целиком положусь на все сказанное тобой и буду вести счет событиям согласно твоим речам, которые чисты от корысти, не запятнаны грязной скверной.

Попугай выразил свою радость и промолвил:

То, что ты делаешь, вполне согласно с нашими мечтами,
Ты радость дал моей душе твоими, господин, словами!

Как только муж ступил за порог, жена написала записку своему возлюбленному, описала муки разлуки чернилами страсти и отправила

ее к любовнику с доверенным лицом.

*Мое измученное сердце страсть безнадежная сожгла,
И горячей огня геенны его остывшая зола!

*** * ***

Горю я любовной тоской, — не спрашивай ни о чем;
Хочу повидаться с тобой, — не спрашивай ни о чем;

К любимому я стремлюсь, но нет мне ни в чем удачи;
Я сам себя бью, дорогой, — не спрашивай ни о чем.

Любовник, постигнув смысл букв, понял, что преграды в эту ночь устранены, что счастье будет достигнуто, и подумал: «Если бы не этот благоприятный случай, пребывать бы мне в тоске». И он без промедления отправился шагом вожделения на свидание с любовницей.

Ту ночь они провели в веселии и радости на ложе удовольствий; от самых сумерек до наступления утра они вкушали чашу наслаждений. А попугай всю ночь сквозь прутья клетки подсматривал за их поведением, запечатлевая его на страницах своего сердца, и говорил:

Осел пускает ветры, — в огне горит железо!

*** * ***

*Ты мирно спишь, но знай уже теперь:
К утру событья постучатся в дверь!

* * *

«Я бодрствую!» — не говори, коль ты храпишь в спокойном сне,
Ты веселишься? Так не плачь: «Никто не сострадает мне!»

Когда подул утренний ветерок и негр ночи помазал лицо белилами, когда лучи солнца погасили свет *Зухры, когда золотой светильник солнца потушил серебристое сияние луны, когда разорвалось *ожерелье Плеяд и стало наступать настоящее утро, глашатай утра возвестил:

Когда бы утро сну не ставило препон,
То в мире всех людей легко сразил бы сон.

Ведь утро — это царь, а звезды — люди царства,
Они издалека несут ему поклон.

* * *

Запястья светлые ее от ветерка похолодели,
И лишь тогда проснулся я под пологом ее постели.

Любовники проснулись от хмельного сна и пришли в себя. Они простились, и он сказал на прощание:

— Ночь свидания была мгновенна, как молния, как бесследно исчезающая вспышка фосфора. Когда же мы встретимся снова?

Едва любовник вышел из дома, вошел хозяин и приветствовал свою супругу. Жена отвечала ему, кокетничая и жеманничая:

Ах, как страдаю в муках я, но жизнь я не кляну:
Высокие особы дань отдали вину.

— Я ни на миг не сомкнула глаз ночью, переживая разлуку и одиночество, страдая от того, что ты далеко от меня. Ни на минуту не могла я успокоиться, страшась и беспокоясь за тебя. Я молилась Аллаху на случай, если вспыхнет ссора или возникнет внезапно какая-нибудь опасность, а ты почему-либо не сможешь встретить ее десницей предосторожности и сообразительности. Давай, уединимся на часок и освободим сердца от беспокойства прошедшего.

Муж поблагодарил многократно жену и подумал: «Слава Аллаху, жена всей душой верна мне, она — преданный друг мой».

Они пробыли некоторое время наедине и отдохнули. Потом муж вышел из комнаты и спросил попугая:

Что ты увидел из того, на что смотреть тебе велел я?

*** * ***

*Покажут дни тебе, насколько был ты глуп:
Все сообщит тебе тот, кто живет без пищи.

— Вчера ночью эта комната была местом свидания любовников, — отвечал попугай, — не успел ты выйти, как вошел юноша со станом, подобным кипарису в саду, и лицом, как месяц на небе. Ему завидует кипарис на берегу ручья, пред ним стыдится *кумир Кандагара. Его кудри источали мускус, солнце хваталось за полу его красоты, отражение его прелестей так озаряло комнату, что светильник тускнел, стыдясь за себя. Розы его щек превратились в цветник, скамью и палисадник. При виде его душа восклицала:

И повторяла все: «Бывает так иль нет?
От лика юноши берут ли розы цвет?»

Сердце из груди подавало голос:

Сказки о *египетском Юсуфе можете в колодец вы швырнуть,
*Тюрок мой улыбчивый явился, перед ним скорей откройте путь.

— До полуночи пришелец и твоя жена пили прозрачное вино, потом слились друг с другом, словно розовая вода с водой, словно молоко с вином. Они не выпускали друг друга из объятий, словно пламя и свеча, словно мотылек и свет:

Она явилась; благовонья ее одежды не касались,
И все-таки она, как мускус, распространяла аромат.

*** * ***

Ты можешь быть красив, — тебя я не терплю;
Любовника всегда сильнее я люблю,

Услышал муж эти слова, им овладело бешенство, закипела в нем ярость. Схватил он палку и стал бить жену по рукам и ногам. Чем больше кричала жена, тем больше колотил ее муж, приговаривая: *«Съевший жаркое да пожнет бедствия».

Затем муж вышел из дому, а жена стала ломать голову: «Кто же выдал мою тайну? Кто разоблачил мои секреты?» И она подумала о служанке, которая пользовалась ее доверием и расположением. Стала она упрекать ее, стыдить. Служанка же поклялась верой и привела бесчисленные доказательства своей невиновности:

— Я не рада раскрытию этой тайны. Во имя твоего довольства и покоя я согласна на все бедствия и тяготы для себя:

*Твое довольство — довольство мое, его предпочту я всему,
И тайна твоя — это тайна моя, не выдам ее никому.

*** * ***

Я твою скрываю тайну, ибо тесен мир;
В нем не хватит, друг мой, места для твоих скорбей.

— Утром хозяин подошел к клетке попугая, — продолжала служанка, — и завел с ним разговор. Насколько я понимаю, проскакав на коне мысли по ристалищу разумения и удалив пыль сомнения с лика солнца достоверности, подозрение может пасть лишь на попугая. По моему убеждению, раскрыть тайну и разгласить секрет, обнаружить скрытое и распространить сокровенное мог только он. Ведь хозяин обращал к нему ласковые речи, убеждая следить и наблюдать за тобой, внушая ему сообщать о всех твоих поступках и делах. В охране и наблюдении за тобой, за твоими поступками и словами он полностью положился на искусность и умение попугая, на его расторопность и проницательность. Не видишь ты разве, что большую часть своего времени он проводит, перешептываясь с попугаем? Надо придумать что-нибудь и избавиться от птицы. Или же следует немедленно растоптать человеческие чувства и плотские страсти, чтобы в любую минуту не приподняли *дастар с подноса.

И всю ночь она говорила хозяйке подобные речи. А та отвечала:

— Ты верно говоришь и тонко подмечаешь! Этот попугай оклеветал меня и оговорил, подверг меня опасности и неприятностям. Надо придумать наказание за его непохвальное усердие и неуместное подстрекательство.

Прошло немного времени. Муж по великодушию простил этот грех жены, забыл свои подозрения и сомнения и стал считать, что ничего как будто и не было.

И вот тот друг опять устроил пиршество и пригласил его в гости. Перед уходом муж подошел к клетке и сделал соответствующее наставление попугаю:

— Мой искренний друг, — начал он, — мой настоящий товарищ! Ты должен оправдать мое доверие, показать свое благочестие и преданность и не быть беспечным и нерадивым. Бодрствуй до самого утра и будь, насколько это возможно, бдительным и расторопным, рассудительным и понятливым; наблюдай за действиями и слушай

речи, ибо *«тот, кто украсил небо звездами, сжег возмутившихся демонов падающими метеорами». Если и на этот раз я узнаю о недостойном поступке и порочном поведении жены, то я освобожу себя от позора и бесчестия совместной жизни с ней. И будь она даже солнцем, я не взгляну на нее; будь она живой водой, я и глотка не выпью:

Коль ты в воду превратишься, не умоюсь никогда,
Если ты землею станешь, будет ложем мне вода.

— Я полностью доверяю тебе и полагаюсь на твои поступки, на твои добрые советы и искреннее сочувствие. Если бы ты в эти ночи не мог подглядывать и наблюдать за ходом событий преданным взором, я расторг бы этот союз и брак. Ведь даже с гуриями вышнего рая, при лживом характере допустим *тройной развод. Говорят же:

*О них и память ты забудь: нет верности у них,
Их клятвы легче ветерка, что дует по утрам.

*** * ***

Женщина — что туча, а мужчина — месяц,
И светить не может месяц из-за тучи.

И мужчина худший — лучше и достойней
Женщины прекрасной, даже самой лучшей.

Попугай ответил на его просьбу с любезностью:

— Отправляйся со спокойной совестью на луг шуток и пастбище пирующих и пей с вечера и до утра чашу веселия среди базилики и вина. Я же не позволю себе и тени беспечности и нерадивости, наблюдая за их действиями и поступками. Повиновение приказам мужей державы и велениям власть имущих является одним из условий соблюдения законов величия души. Оберегать же честь гарема и

исполнять религиозные предписания обязан тот, у кого есть разум и благородство, величие духа и мужество. Тот, кто беспечен и нерадив на этом пути, лишается доверия в беспорочной дружбе и чистом товариществе, его общение и сообщество с братьями и друзьями превратится в зловещий восход и начало всех несчастий, в сердцах сострадательных братьев он будет бездомным, в глазах друзей-советчиков — презренным.

Услышав эти речи, муж похвалил попугая: ему понравилось, что попугай прозорлив и проницателен, что он полон преданности и оберегает величие души, и сказал ему:

— Тысячи жизней да будут принесены в жертву другу, который может дать такое слово и обещание ради воскрешения законов благородства:

Бог украсил все равнины обитаемой земли Благородными сынами — старыми и молодыми.

Попугай полагался на свой здравый ум и достоинство, он не слышал со слов отцов *шариата выражения «женщины — силок шайтана» и не знал, что

Даже *див страшится женщин,
Коль хитрить они взялись,

В хитрости, коварстве, кознях
Уступает им *Иблис.

Муж вышел из дому, а попугай решил бодрствовать, натер глаза *сурьмой бессонницы и стал наблюдать сквозь прутья клетки.

Жена меж тем решила:

— С этим попугаем надо поступить хитро, что бы он не разузнал, не разнюхал о моих проделках. Его свидетельства становятся, между мной и возлюбленным, а его бодрствование и бдительность препятствуют нашему соединению. Но как только его слова уклонятся от правды и в них появится противоречия и несуразности, он лишится доверия мужа. И после этого, что бы попугай ни говорил, муж сочтет это бредом безумца и болтовней глупца, и как бы тот ни доказывал и ни настаивал, муж примет все за фантазию и вымысел.

И жена велела служанке поставить недалеко от клетки попугая лампу, накрытую тазом. Вокруг на стенах они повесили несколько зеркал. На крышу же поставили ручную мельницу, приведя жернова ее в движение. Потом понадобились веер и сито. Служанка лила воду на веер, с веера она падала на сито и капала подобно дождю. Время от времени лампу выхватывали на мгновение из-под таза, так что свет ее, будто молния, отражался в зеркалах, висящих на стенах. Тяжелые жернова ручной мельницы, задевая друг за друга, гремели, и в комнате казалось, что это гром. Всю ночь так продолжалось: отраженные лучи создавали впечатление молнии, движение жерновов мельницы — грома, а дуновение веера и вода, льющаяся сквозь сито, — ветра и дождя. А попугай, пережив шум «грозы», сверкание «молнии», дуновение «ветра» и беспокойство, причиняемое «дождем», думал: «Этой ночью буря снесет до основания весь мир или же ливень затопит вселенную!»

И он не переставал дивиться и изумляться. Когда бы попугай ни открывал глаза, он видел только молнию, слышал только гром, дождь и ветер, и вновь прятал голову под крыло.

На другой день, когда подул утренний ветерок и цветник утра зарделся на востоке, хозяин вернулся в свой дом. Он остановился перед клеткой и заговорил:

— Дай мне того, что исцеляет меня, и вылечи меня старым вином. Скажи, пили ли в эту ночь любовники сладостный напиток прошлой ночи? Вели ли они себя как в тот раз?

— Этой ночью из-за ветра и дождя, сверкания молнии и грома ум не мог мыслить, а зрение — воспринимать, — отвечал попугай, — и поэтому я не наблюдал и не подглядывал. С того момента, как ты вышел за порог дома, беспрестанно продолжались *потоп Нуха, *гроза Худа и *муки племени Самуда. От грома сотрясались небеса и содрогалась земля. Всю ночь я дрожал от холода в клетке, трепеща от страха перед громом, и читал строки Корана: *«Хвала тому, кого хвалит гром». Я вздыхал и повторял:

Казалось, что ночные звезды боятся нападенья грома,
И долго свет их застилался большими облаками пыли.

— Эй, попугай! — закричал хозяин. — Ты что, с ума спятил? Или ты лишился рассудка? Мне теперь ясно как божий день, что ты измеряешь ветер и бьешь по разбитому кувшину. И если, не дай бог, ты сочинил бы всякие небылицы и наплел бы глупостей, а я и моя законная жена развелись бы, то моя жизнь по вине твоего подстрекательства и наговора пошла бы прахом, а жена моя, которая по целомудрию и добродетели все равно что пресветлая *Фатима и великая *Хадиджа, была бы облита грязью из-за твоей болтовни и бреда. Пусть будет дозволено пролить кровь того человека, кто поверит в подобную ложь и обман, по законам наказания его тело должно истлеть и исчезнуть, и не будет в том греха против благородства. Чтобы ты впредь не надоедал мне, чтобы не говорил лживых слов, которые ранят своей мерзостью душу и слух…

Если даже двести лет будет литься дождь,
Он не смоет пыли бед, поднятой тобой.

Не договорив, он в ярости сунул в клетку руку, вытащил попугая, оторвал ему голову, лапки и крылья и бросил на улицу.

В это время мимо дома случайно проходил какой-то приятель хозяина. Увидев попугая в таком плачевном состоянии, он спросил у того человека:

— За какой проступок ты так жестоко наказал его? Зачем пролил его кровь, как кровь Дозволенных для еды животных? Ведь этот попугай был таким красноречивым и говорливым. Его крылья пестротой напоминали весенний луг, а клюв — блестящий рубин.

Хозяин рассказал ему все. Приятель его был человеком сообразительным и проницательным, прозорливым и дальновидным. Он стал упрекать хозяина за поспешность:

— Разве ты не знаешь, — сказал он, — что когда накопятся невзгоды дней и осложнения времени, когда нагромоздятся трудности и бедствия, то к ним следует поднести пробный камень разума, взвесить их на чаше весов рассудка? Разве ты не знаешь, что, толкуя сны и обдумывая события дня, следует советоваться с мудрецами и надежными советчиками? Разве ты не знаешь, что птицы, хвала Аллаху, не лгут, не замышляют обмана и козней, а утверждают лишь

то, что видели и слышали? Почему ты сначала не расспросил и не разузнал, что действительно случилось? Почему не проявил простой предусмотрительности и предосторожности? Ведь о коварстве и хитрости, лживости и лицемерии жен написано много книг. Даже *Иблис, при всем своем колдовстве и умении, теряется перед загадками их коварства и хитрости. Если хочешь установить истинную подоплеку всего этого, то отошли под каким-нибудь предлогом из дома жену и подвергни пыткам служанку, которая должна быть поверенной домашнего очага и хранительницей тайн. Заставь ее рассказать о происшедшем, и приподнимется завеса.

Одобрив совет друга, муж вошел в дом и приступил к исполнению его замысла. Он стал угрожать служанке, которая была подругой и поверенной тайн жены. Та поведала ему о случившемся подробно и обстоятельно, от начала и до конца. И лицо невесты правды показалось во всей своей красе из-под покрывала сомнений и подозрений. И понял муж, что попугай, как *волк в истории Юсуфа, ни в чем неповинен, что он стал добычей меча, как безгрешная *верблюдица Салиха, что постигшая птицу кара была на самом деле насилием и грубой жестокостью и что впоследствии он сам будет наказан за эту несправедливость и пожнет плоды своей вспыльчивости. Он уразумел, что поступок его был вызван поспешностью, наваждением дьявола и настойчивостью больного воображения. Горе и скорбь овладели им, тоска и забота терзали его.

По страницам щек его лились слезы раскаяния, и повторял он, печалясь и тоскуя:

Вспомнил я дни, проведенные с милою вместе.
Плачу я горько. Какие жестокие муки!
После захода зажгутся ли новые звезды?
Снова увижу ли милую после разлуки?

*** * ***

Какие чары у тебя, о жизнь отнявшая мою?
В разлуке горестной с тобой кровавые я слезы лью!

Так выяснилось, что он ступил на стезю оплошности и на путь насилия, что он видел лицо своих мыслей через кривое зеркало. Но раскаяние было бесполезным, сожаление — тщетным. Ему оставалось только повторять:

О, если б вы, мои друзья, со мною рядом были тут,
Как те невзгоды, что теперь без устали меня гнетут!

*** * ***

— Я рассказал эту сказку для того, чтобы падишах не приступал к исполнению наказания, которое является лишь насилием и несправедливостью, ибо завтра он раскается в отданном повелении и будет осуждать собственные поступки, как тот муж, убивший попугая. И тогда он всю жизнь будет сожалеть и горевать о своей поспешности в наказании, ибо коварство женщин превосходит величие разума и возможности ума. Даже самые мудрые мужи попадают в сети их хитростей и поддаются обману их проделок и кокетства. Если шах не утомлен этими разговорами, то я расскажу повесть о коварстве женщин и их плутнях.

— Рассказывай! — ответил шах.

Рассказ о воине, его любовнице и слуге

— Жизнь падишаха, родившегося под счастливой звездой нашего времени, да продлится во владычестве над миром и в державном царствовании тысячу лет! Рассказывают, что жил в давние времена в одной стране мужчина, занимавшийся воинским ремеслом. У него была любовница, стройная и кокетливая, миловидная и живая. Она была хороша, как весенний цветок, не знала она себе равных по томности и изяществу,

> *Солнце, эту девушку увидев, устыдясь, на небо не вернется,
> Ветка, эту девушку увидев, восхитившись, к ней не прикоснется.

У этого воина был слуга с лицом белее луны. Красотой своей он был подобен солнцу, у него была походка плавная, как у ангела, облик *пери и при всем этом хороший характер. В своей *шустерской кабе он походил на месяц и *Тира, на гурию и пери, принявших облик человека. Короче говоря, красоту его можно было бы выразить словами поэта:

> Больше красы, чем во всей вселенной, вижу я в нежных ее чертах,
> Если возлюбленная обманет, то обратится влюбленный в прах.
>
> Эта колдунья чарует взглядом… Нет, я не вижу ее очей,
> Если опять не несут мне смерти искры лукавства в ее глазах.
> Однажды воин написал записку, в которой говорилось:
> Опять привет послал творец тому, кто сердце мне испепелил разлукой,
> Не выросли на дереве цветы, и не пришла пора расстаться с мукой.

* * *

*Ты знаешь, познал я только тебя,
И явно, и тайно одну любя.
Он отправил письмо к возлюбленной с тем слугой и поручил ему сказать:
Приди, услада души моей, я жизнь тебе отдаю — приди,
Дай хоть мгновенье побыть с тобой, кипенье сердца унять в груди!

А в записке той были слова восхищения и любви, говорящие о страсти и муках разлуки. Он писал:

«Надеюсь, ты решишься утомить свои ножки и соизволишь посетить мой дом, чтобы побеседовать со своим рабом и обласкать его, ибо минуты свидания проносятся мгновенно, как мысль в мозгу, миг единства скоротечен, как вспышка фосфора. Если в терновнике судьбы расцветет роза, то это редкостная жемчужина и драгоценный дар счастья:

Осушим же кубки и чаши с игристым вином. Вставайте!

* * *

Есть ночь, есть вино, одинок твой слуга — приходи.
Спеши, о кумир, ведь блаженная ночь впереди!»

Когда юный слуга прибыл в дом любовницы воина и стал передавать ей его послание, привет, поклоны и благословения, она взглянула на него. Увидела она стройного, как кипарис, юношу, с лицом, подобным месяцу, со щеками словно розы, обликом напоминающего солнце, — юношу, по лицу которого бежала вода красоты, а *за ушами скрывалась Зухра, и воскликнула:

Привет, о вестник! Восстань скорее, восстань с колен,
Благословен твой лик лучезарный, благословен!

*** * ***

*Все реки красоты земной впадают в твой ручей,
И солнце клонится с небес, пленясь красой твоей.

Чистота лица его говорила о верности намерений: *«Двое самых великодушных из его жилища, быть может, помогут нам». Пламя в груди женщины вспыхнуло от давнишней страсти: «Ты поразил меня, так приблизься, ты нашел меня, так бери же! Нельзя отказываться от такого лакомого куска, не глотать такое сладостное зелье».

Иначе говоря, она была очарована его жестами, полными неги, и взглядами, увлеклась будто ста тысячами сердец и, став рабыней его кудрей и родинки на щеке, беспрестанно повторяла:

Силки кудрей прекрасной кого не обольстят?
Тоска по завиткам их доходит до Плеяд,

Терпенье в торопливость ты можешь превратить,
Твои глаза разумных в безумцев обратят!

А воин между тем приводил в порядок свой дом, украшал комнаты для гостей в надежде, что с минуту на минуту или появится его возлюбленная, или придет весть о ее прибытии; что уголок его осветится лучами ее красоты, комната наполнится благоуханием ее локонов и превратится в цветник.

Но слуга оказался счастливее хозяина, а любимая оказалась менее верной, чем любящий ее:

Добро пожаловать, гонец! Вводи верблюда поскорей,
Ведь для меня лицо твое лица пославшего милей.

Слуга потребовал, чтобы прежде чем *сборщик свидания получит подать для своего *дивана, расплатились с ним за его службу привратника. Женщина ответила:

— Я и тебе спою те же песни и дам вознаграждение.

Юноша поклонился и прочел такие стихи:

Благородно почитанье тех, кто беззаветно любит,
Только души благородных страсть мучительная губит.

— Цель любви и смысл страсти, — продолжал он, — внимательно читать каждую тайну, начертанную на страницах сердца любимого. Именно об этом говорится в изречении: «Сердца — зерцала для сердец».

Пускай тела разлучены — что значат расстоянья,
Когда друг другу шлют сердца издалека посланья.

Весь мир — и запад и восток — открыт для душ влюбленных,
Повсюду в мире место есть для нового свиданья!

— Тот, кому недоступны тайны любви, не человек, а грубое животное. Зато там, где обитает чистота человеческой природы, вино приобретает цвет того сосуда, в который оно налито.

*Прозрачно стекло, прозрачно вино,—
И схожее вновь соединено.

Ты видишь только вино, а не чашу,
Ты видишь чашу, а не вино.

Язык влюбленных выдает их переживания, тайна одного становится тайной другого, все секреты делаются общими.

Я буду с тобою всегда, мой друг, и здесь, и в дальней стране.
Я тайны свои подарю тебе, а ты свои тайны — мне.

Когда сливаются воедино вино и души, когда соединяются утренняя пора и утреннее вино, тогда начало любви бывает сладостным, а конец— позорным. Воин, видя, что слуга задерживается в убежище наслаждения и на пастбище вожделения, стал беспокоиться. Он опоясался мечом и отправился к дому возлюбленной. По дороге он говорил сам себе:

Клянусь Аллахом, если ты, как месяц, скроешься за тучу,
То и тогда меня клинок не отвратит от луноликой.

Остановившись у ворот, он дернул колокольчик, давая о себе знать. Тут слуга воскликнул:

— Ах! *«Многие желания кончаются смертью». О женщина! Ты захотела погубить нас обоих и навлекла эту судьбу и на себя и на меня. Что ж мне делать? Кто поможет мне в беде?

— Не бойся и не теряйся, — ответила ему любовница. — Войди в этот чуланчик и спрячься в темноте.

С этими словами она открыла дверь и вышла навстречу воину. Тот вошел в дом и спросил:

— Почему ты так задержалась? Зачем заставила меня ждать так долго? Я отправил к тебе рано поутру гонца, вручив ему письмо, а сам ожидал тебя.

— О смысл моей жизни! — ответила любовница. — О краса веселья! Что ж, хотя басни о записке и гонце и чистейшая ложь, их приятно слышать! Если бы твой гонец действительно прибыл, я оказала бы ему почести, как рабыня. Я уже собиралась, не требуя услуг и не прося посланца, прийти к тебе и обрести счастье свидания с тобой. Но в тебе оказалось столько великодушия и доброты, что ты сам пришел ко мне!

Величие ты проявил опять,
Любимого мне разрешив обнять.

— Входи же! Как бы ни была тесна комнатка, свиданию и объятиям ведь это не мешает!

И они тут же вошли в альков и легли в постель. Но не успели они перейти от поцелуев и объятий к шароварам, не успела еще зима разлуки обернуться весной единения, как подоспел хозяин дома и дернул за колокольчик у двери.

— Идет твой муж! — встревоженно вскричал любовник. — Он затеет драку со мной, схватит меня за шиворот и разразится скандал. Если об этом прослышит правитель, он разругает меня в пух и прах. Спрятала бы ты меня в этот чуланчик!

Любовница испугалась — ведь в чуланчике был слуга — и сказала:

— Не бойся! Вытащи меч из ножен, распахни будто в ярости и гневе дверь дома и, выйдя из дома, начни угрожать и мне, и мужу. Ни на кого не обращай внимания и ступай своей дорогой.

Воин так и поступил. Он обнажил меч, выбежал из дому, грудь нараспашку, и стал кричать:

— Немедленно этому будет положен конец! И каждый будет наказан по заслугам! У трона султана мне не понадобятся ни * хаджиб, ни привратник!

И он, выкрикивая подобные несуразные угрозы, ушел прочь. Муж же, видя его ярость и гнев и слыша его угрозы, подумал:

— Может, он перепутал дом, собираясь напасть на какого-нибудь мусульманина? Да защитит нас Аллах от этого дерзкого шайтана и наглого насильника!

И он в растерянности вошел в дом и обратился к жене:

— Что за шум? Что случилось? Кто этот человек и кому он угрожает?

Жена подбежала к мужу и воскликнула:

— О муж! Преклонись перед богом в молитвах и восхвали его! Поклянись, что ты раздашь милостыню нищим, раз всевышний бог отвратил от нас такую беду.

— В чем дело? — спросил муж. — Радость спасения велика, но что страшного могло случиться?

— Я сидела ни о чем не ведая, — начала жена, — и вдруг в дом вбежал юноша, скрываясь от кого-то, испуганный и дрожащий. Его лицо побледнело от ужаса, страх перед наказанием похитил его разум

и рассудок. Он стал заклинать и униженно просить спрятать его в доме. Он умолял: «Купи мою душу и пожертвуй ею ради спасения своей души! За мной следует жестокий насильник, бессердечный убийца, он хочет лишить меня жизни». Гонимый испугом и страхом, ужасом и боязнью, он вбежал в чулан, прикрылся всякой рухлядью, и в ту же минуту в дом, словно пламя, ворвался тот насильник с мечом в руке. Он рычал, как лев, как барс, ревел, как дракон, как крокодил. Мне показалось, что это бесстрашный *Заххак нападает на *Джамшида или же *Бахрам сражается с *Анахитой. Он накинулся на меня: «Куда исчез этот юноша? Куда ты его спрятала?»

— Я стала говорить, что ничего не знаю, утверждать, что мне ничего неизвестно: «Я не видела такого человека, ни имени, ни прозвища его не слышала!» Он некоторое время упорствовал и настаивал, обещал и угрожал. Но все было тщетно! Тогда он разразился бранью и вышел из дома. Я же в страхе, *«немая, глупая, слепая», смотрела вслед ему, пока всевышний бог не отвратил эту беду и не сделал его глухим и слепым. Не дай бог, если бы при всей его ярости и гневе тот юноша попался ему! Жизнь этого несчастного подверглась бы смертельной опасности.

— А где же этот юноша? — спросил муж.

— Да в чуланчике!

И она позвала его. Юноша вышел и глазам мужа предстало прелестное видение — безбородый изящный отрок. Муж обошелся с ним любезно, обласкал его и предложил:

— Побудь у нас, чтобы у меня было время оказать тебе благодеяния и милости. Ты мне словно сын, а моя жена для тебя — мать. Всегда приходи к нам и будь ласков в обращении!

Так любезно обошелся он с юношей и одновременно поблагодарил за находчивость жену: ты, мол, вовремя нашлась и тем самым *приберегла на дорогу в Судный день такой драгоценный и редкостный припас. И он произнес, восхваляя ее:

Если просит чистый духом у обманщика поддержки,
То с обманщиком отныне он разделит и грехи.

*** * ***

— Я рассказал эту историю и довел до слуха падишаха под видом притчи поучительную повесть, чтобы возвышенному уму государя стало ясно, до чего доходят лживость, коварство, лицемерие и хитрость женщин, чтобы он не обращал внимания на их клевету, поклепы, измышления и ложь, ибо, хотя у женщины ума мало, она издевается над совершенным умом мужчины и словно гиену заманивает его в западню своих хитростей сетями слов. А если падишаху для очищения совести нужен пример из жизни великих предков, то можно вспомнить повести об Адаме и Еве, *Юсуфе и Зулейхе: они всегда служат образцом назидания. Если хоть один человек и мог торговать с женщинами с выгодой, то это был Адам, чье тело и дух были в райской обители, чей лик и нравственные свойства были указателем лучшей книги. И раз уж шаху известно все это, то, значит, он знает и то, что никогда в этой обители бытия и тлена не следует надеяться на благородство и величие души и характера женщин. Поэтому не следует по наущению какой-то женщины, из-за клеветы ее бросать жизнь шахзаде в губительный и смертельный вихрь. Ведь шахзаде — полюс неба достоинств, центр круга добродетелей.

Шах выслушал историю, внял его словам и приказал отвести пока шахзаде в темницу.

Невольница приходит к шаху на второй день

На второй день, когда солнце — землемер вышнего мира — появилось у края востока на бегущем пространстве вселенной и разбило шафрановые палатки на *семисводном зеленом лике, когда распростерся украшенный ковер на полу этого запыленного шара, невольница прослышала, что шах отложил казнь сына, так как один из везиров внушил ему сомнение и колебание в том, разумно ли подписывать приговор, что везир добился этого мудростью своих назиданий и тонкостью своих советов, что сменил этим гнев шаха на милость и отвратил его от исполнения казни. Прослышала она, что рассказал везир шаху остроумный и редкостный рассказ о хитрости и коварстве женщин и доказал, что нельзя верить ни их хуле и хвале, ни шуткам и серьезным словам, что их упреки и славословия, отказ или согласие не стоит ни подтверждать, ни опровергать, что это к ним относится выражение: «отклоняют то, что сами советуют», и это изречение следует взять за образец для подражания и пример для назидания и что всякий, кто одарен способностью понять смысл слов «мужчины превосходят женщин», не будет обращать внимания на их глупые речи, ведь они исходят из уст тех, про кого сказано: «воистину лишены разума и веры».

Невольница, пораженная и огорченная, пришла к шаху. После приветствия, оказав положенные шаху почести, она начала:

— Справедливость шаха — защитница униженных, покровительница оскорбленных и помощь покинутым. Всякое усилие лучезарных помыслов шаха в укреплении законов правосудия и усилении основ беспристрастности является предвестником долголетия царствования и началом вечности державы. Если бы такое гнусное и беспредельное насилие, которому подверглась я, совершилось по отношению к любой рабыне гарема, то ее жалоба, соответствующая закону о недоступности гарема и охране его, была бы удовлетворена, и пятно позора и клеймо бесчестия были бы смыты с полы целомудрия и подола ее добродетели. Такой поступок вызывает презрение и ненависть и не соответствует требованиям

справедливости, законам *шариата и правилам благородства. Так как же поступят по отношению к покорной рабе, забота о добре и зле, выгоде и убытке которой согласно браку, освященному шариатом, и религиозному союзу препоручена благосклонности, милосердию и великодушию шаха?

*Если изъян был скрыт в тростнике,
Прочным не будет копье в руке!
Если дать противоядия сверх меры,
То подействует оно вредней, чем яд.

— Слышала я, — продолжала женщина, — что один из везиров оклеветал и опорочил меня, вывел мои слова на площадь лжи и бесчестия, представил мои речи в одеянии позора и срама, пытался исказить мои поступки и извратить мои действия. Боюсь, что по вине речей везиров и вследствие оправдания шахзаде с тобой случится то же, что случилось с одним отбельщиком из-за непослушного и непокорного сына.

— Что эта за сказка? — спросил шах. — Расскажи.

Рассказ об отбельщике, его сыне, осле и пучине

— Передают со слов мудрецов и ученых, — начала она, — что в одном городе жил некий отбельщик. Был у него сын, глупый и бестолковый, беспечный и нерадивый. К тому же у него были порочные наклонности, безобразный вид, был он глуповатый и нерасторопный. Он был лишен нарядов разума и не спешил с добрыми делами.

Десница злодеяний и нога опасностей сына беспрестанно поражали и топтали отбельщика. Сколько ни увещевал, сколько ни наказывал его отец, испорченный характер и извращенная натура сына не исправлялись, не улучшались под воздействием гневных выговоров и суровых мер наказания. Насморк судьбы так поразил его обоняние, что он не чувствовал дуновений советов. Алчность и жадность, безумие и глупость настолько овладели им, что никакие блага и милости не могли излечить и оздоровить его. Он совсем не сдерживал свою животную, звериную натуру. Словно заржавленное железо и жженый свинец, которые, как бы их ни приукрашивали, никакими ухищрениями невозможно обратить в прежнее состояние и привлечь к ним внимание покупателя, — так и он постоянно ранил и терзал сердце отца уколами шипов. Мысли отца всегда были омрачены, он постоянно был полон страха перед опасностью его глупостей и заблуждений. Он жил в предчувствии, что в один несчастный день из-за безудержной глупости сына случится большое бедствие, из-за его порочного поведения постигнет его страшная напасть.

Этот отбельщик обычно стирал белье на берегу большой реки. В ней были глубокие омуты и опасные водовороты, там всегда бушевали волны. И каждый раз, пока отбельщик стирал, его шальной сын, как змея, нырял в воду, будто бы за рыбами, и плавал, как лягушка. Сколько ни кричал ему отбельщик, он только дальше уплывал от берега, и отец дрожал от страха, что сын попадет в водоворот или в пасть крокодила. Но сын не слушал советов и слов отца, вызванных заботой о нем же.

*Достойные птицы живут во дворцах, но есть и презренные птицы,—
Руины им населять дано, в могилах пустых ютиться.

*** * ***

Нет, несчастного счастливым хитростью вовек не сделать, Нет, несчастный не поступит по совету мудреца.

И вот однажды, когда отбельщик занимался своим делом, сын сел на осла и погнал его в реку, прямо в самое глубокое место. Внезапно разыгрались волны, налетел ветер. Сын вместе с ослом стал тонуть. Течение то швыряло их, словно раковину, на дно, то выбрасывало, как щепку, на поверхность. Отбельщик, увидев сына в смертельной опасности, хотел, движимый природным чувством родительской любви, сострадания и сочувствия, кинуться в реку, вытащить сына из пучины, спасти его от ударов злой судьбы, от гибели в волнах и водоворотах. Он бросился в воду и схватил сына, а тот, напуганный до смерти опасностью, вцепился в отца, ибо «тонущий хватается за соломинку», чтобы выбраться из губительного водоворота на спасительный берег. Связав его движения, он невольно втянул отца в водоворот. Сколько ни пытался отбельщик вырваться от сына, все было тщетно, и в конце концов отец и сын отдали сладостные души, растворив их, словно сахар, в воде. Пришлось им проститься с драгоценными жизнями:

Поздно плакать, оказавшись рядом с коброй ядовитой.
От смертельного укуса слезы эти не спасут!

*** * ***

*Враг, что мудр и много знает, друга может быть ценней.
Мудрость уважать пристало у врагов и у друзей.

*** * ***

— И я, покорная раба, — продолжала невольница, — из чувства преданности и привязанности боюсь, что шах от своего сына пожнет то же, что и отбельщик от своего. Для человека нет ничего дороже его тела, нет ничего ближе ребер, рук и ног. Но тем не менее, если какой-нибудь орган поражает неизлечимая болезнь, то ради излечения соглашаются отрезать или сжечь его, не горюя и не страдая от того, что лишаются его, — ведь в таком случае отсутствие этого органа не будет причинять беспокойства. Поэтому и говорят:

Когда рука не слушает тебя, ее немедля нужно отрубить!

— А всевышний бог велит: *«Возможно, что вы ненавидите вещь, которая является для вас добром, возможно, что вы любите вещь, которая для вас является злом».

Выслушав эти речи, шах отдал приказание казнить сына. Но как только об этом прослышал второй везир, он велел палачу:

— Повремени с казнью, пока я не увижу шаха и не расскажу ему о преимуществах тех, кто не спешит.

Второй везир приходит к шаху

И вот второй везир, которому не было равных по мудрости, талантам и знаниям, отправился к шаху с намерением исправить положение. Оказав шаху положенные почести и воздав ему хвалу и славословие, он начал так:

— Благодаря вознесению хвалы Аллаху звезды справедливости шаха восходят и блистают на горизонтах неба правления, все создания покорны и послушны воле падишаха. И дальние и ближние края благоденствуют и процветают под сенью этого царствования, не зная ни отравы насилия, ни зноя бедствий, ни клыков превратностей судьбы. Яд кобры насилия обезвреживается противоядием справедливости; стрелы бедствий, которые выпускает лук злой судьбы, ударяются о щит шахского величия. Пограничные области пребывают в безопасности, все сословия государства — в спокойствии. Устранены всякого рода бедствия и различные несчастия, подданные покоятся в колыбели благополучия, униженные — под сенью покровительства и благожелательности шаха. Все цари земные читают книги нравственных достоинств в его неприступном дворце и у его вознесенного порога, заимствуют оттуда:

На четырех сторонах небосвода справедливость твоя прочла
Книги, прославившие достойных и благородных мужей дела.

— Воистину, существование этого великого человека— следствие милосердия и блага необходимо-сущего. Пред силой его справедливости смирилась гордыня, а вино благодаря порядку в дни его правосудия не причиняет вреда разуму:

Его справедливость дарует живущему благо,
И стадо на пастбище рядом со львами пасется.

Пресветлому ясному уму, у которого заимствует свет *Муштари, у которого может просить блеска солнце, который является ключом ко

всем благам страны и гонцом по дорогам державы, с первого взгляда ясно, что созерцание красоты сына — это светильник для утреннего пиршества, ключ к каждой двери. Цветник радости пьет воду из источника его величия, сад веселия получает влагу из родника его красоты и весеннего луга его совершенств. На челе его — отпечаток благородства, лоб сияет великодушием.

— Мольбами и униженными просьбами, произнося *«О, господи, подари мне наследника», испросив у великого престола жемчужину царского моря, соловья шаханшахского цветника — самое дорогое из клада щедрот творца, — не следует проявлять поспешности, намереваясь казнить его по наущению клеветника, женщины соблазнительной, но злоязычной, ибо после подписания приговора раскаяние и горе по поводу смерти сына будут тщетны и напрасны. Дерево, как бы мощны и крепки ни были его корни, можно выкорчевать за какой-нибудь час, но нужны годы, чтобы оно стало плодоносить: для этого необходима и соответствующая погода, и орошение водой, и удобрение — и только после всего этого можно расположиться в его тени и вкусить от его плодов. Если шах поторопится в этом деле, то уподобится тому самцу-куропатке, который погубил без вины верную и преданную подругу. А когда узнал он правду и стала очевидной ее невиновность, то сколько он ни раскаивался в своем поступке, сколько ни печалился, все было напрасно и тщетно, — убитая подруга не ожила, ушедшая супруга не вернулась.

— Как же это случилось? — спросил шах. — Расскажи.

Рассказ о куропатках, самце и самочке

— Рассказывают, — начал везир, — что одна пара куропаток поссорилась с другими, не поладила с ними, обиделась и отделилась. Они полетели из родных краев в чужие, с насиженных мест в незнакомые, и подружились и сошлись там с другими птицами.

Поселились они на горе. Склоны той горы прелестью своею превосходили цветник звезд и лужайку неба. Там они свили себе гнездо в расселине скалы. Климат в тех краях был мягкий и приятный, лужайки прелестны и освежающи. Вокруг росли всевозможные деревья, в долине под горой обитали всякого рода птицы и звери. Из родников текли чистые ручьи, утренний ветерок гулял по равнинам. Воздух был чист и свободен от ядовитых испарений, долы и выси не знали страха перед безжалостными охотниками. Весенней порой букеты тюльпанов на вершинах гор и склонах холмов горели, словно сердоликовые светильники в кельях христианских монахов:

*Свои жемчуга рассыпает тюльпан, подобен светильнику он,
Но дымом светильник мне душу застлал, и скорбью я вновь омрачен.
*Там диковинные птицы на одной ноге застыли,
Как бокал вина, стоящий на подставке изумрудной.
*Как слезы, бегущие с нежных девичьих ланит,
Был дождь, что на землю темнеющей тучей пролит.

Воды ключей и родников лились подобно слезам из глаз влюбленных, как будто на гладких стенах башни вились кольца кольчуги, как будто то был *«дворец, выстланный стеклянными плитами».

На глаза влюбленных были те источники похожи —
Чистота сердец влюбленных влаге слез передалась.

Жизнь четы куропаток текла там в удовольствиях и наслаждениях. Злой глаз судьбы не замечал их, коварный рок не подозревал об их существовании. Они порхали по склонам гор, веселились на ристалище желаний. Красота и прелесть самочки возрастала с каждым днем, и с каждым часом усиливалась любовь и страсть самца.

Если двум сердцам влюбленным суждено соединиться,
То немедля весть об этом по земле распространится,
Потому что редко можно два такие сердца встретить,—
Ведь блаженное слиянье чаще людям только снится.

Пищу они находили себе в чащах и рощах на той горе, воду пили из прозрачных ручьев и родников. Дни они проводили среди роз на лужайке, ночь коротали среди гиацинтов в горах. Все звери той округи стали их друзьями и приятелями, птицы тех мест стали их товарищами и знакомыми. Жизнь их текла в достатке и довольстве.

В чаше радостной свиданья — наслаждения вино,
Днями счастья и покоя упиваться вновь дано,

Легкокрылый ветер счастья освежает души вновь,
И влюбленным луноликих снова видеть суждено.

Красота и наслажденье, вы похитили сердца,
И за дверью плачет горе: обездолено оно!

Но по воле судьбы случилось так, что в той местности целый год не было дождя, не упало ни капли влаги, не блеснуло в небе ни одной молнии. Когда весенние дожди прекратились, родники стали сохнуть.

Живое подстерегая, не дремлет в мире беда.
Ручьи наполняли реку — в ручьях исчезла вода.

В мире воцарились недород и голод, во вселенной водворились несчастья и бедствия. Семена и зерна перестали всходить и созревать, злаки на пастбищах и нивах сменились плевелами.

И сказал тогда самец самке:

— Мудрые и разумные отличаются от остальных тем, что они припасают летом все необходимое на зиму, в дни благополучия и покоя заранее думают о тяготах грядущего и стараются заготовить припасы:

Благополучие случайно: продолжит время свой полет,
И снова взмахом многокрылым нас в неизвестность унесет.

*** * ***

Это всеобщий закон судеб: для каждого дела своя пора,
Сегодня не сделаешь ты хорошо того, что должен был сделать вчера.

— Мудрые знают цену выражению: «Возьми у твоего сегодняшнего дня на завтрашний». Поэтому, когда меняется их положение и судьба и беременная ночь вопреки ожиданию кладет дитя их положения из чрева судьбы на колени повитухи, то их сердце и душа не попадают, скорбя и горюя, в когти орла печали, в обитель уныния и тоски.

— Было бы разумно отправиться мне в путь с небольшим капиталом. Говорят, что есть края, где залежались товары. Полечу-ка я и вернусь с запасом на зиму, пока зерна злаков скроются под покровом земли и будут спрятаны за завесу амбаров.

И он улетел с таким намерением. Путь был очень дальний, и до его возвращения на мир напала зима, рать холода атаковала ночью войско деревьев и цветов. Вершины гор и просторы лугов лишились плодов и листьев, остались только чалмы на вершинах сосен и накидки на станах кипарисов. Зеленые одеяния деревьев осыпались, *частички камфары через сито облаков посыпались на уснувших тварей этого мира.

Словно мать, скорбящая над усопшим сыном,
В очи мира *камфару сыплют облака.

Умолкли мелодии и песни соловья, струны лютни вяхиря оборвались, а флейта разбилась.

В это время и возвратился самец. Видит он, что его подруга изменилась обликом: живот ее вздулся, глаза впали, — в общем, были налицо все признаки беременности. В душу самца закралось подозрение, и стал он упрекать ее:

— Я всей душой верил в твою непорочность и безгрешность, полностью полагался на твою верность и преданность. И по обязанностям, накладываемым дружбой и верностью, в мое отсутствие ты должна была идти только дорогой целомудрия и чести, блюсти с признательностью союз и близость, которые издавна установились между нами. Ты же в мое отсутствие читала *суры веселия и шуток, повторяла *аяты греха и порока, как настоящая развратница, ступила на путь страсти, вожделения и похоти, выпустила повод самообладания и приготовила для встречи со мной такой предосудительный подарок, такое неприятное питье. Ты, верно, думала:

*Я наброшу недоуздок на верблюда своего,—
Пусть на луг своих верблюдов кто-то вывел до меня!

«Я, увы, несовершенен, — осуждающим скажу,—
Не судите слишком строго, недостойного кляня!»

— Клянусь дарующим пропитание, чья щедрость дает и днем и ночью пищу птенцам ворона в гнездах, свитых на деревьях; клянусь творцом, чья милость обеспечивает и днем и ночью пропитание орлятам в гнездах, свитых на вершинах гор, клянусь, что я сейчас же накажу и покараю тебя за преступление и прегрешение, чтобы это послужило образцом примеров и заглавным листом предостережений от подобных проступков для всех невоздержанных.

— Клянусь создателем, величие и совершенство которого прославляет и превозносит рано утром пение петухов, — отвечала куропатка, — клянусь творцом, милость которого славит походка павлина на лужайке, что в твое отсутствие я ни с кем не общалась, не зналась, не дружила, не заводила связи и даже шагу не ступила наперекор твоей воле.

— Когда светит солнце, — отвечал ей самец, — не нужен свет лампы, ибо «нет лучшего свидетеля, чем очевидец».

Подтвердилось подозренье, — ни к чему теперь свидетель!

— Тебе мало преступления, — продолжал он, — ты еще смеешь пренебрегать религией и верой, пытаясь прикрыть лицо правды лживыми клятвами.

И в пламени ярости и пожаре гнева он принялся бить самку. А она только молила:

Жизнь моя тебе принадлежит, — не спеши же убивать меня!

— Не бей, ибо раскаешься в том, что поспешил, но уже будет бесполезно и тщетно:

Ты вспомнишь меня, как узнаешь другую,
Но мертвого, плача, ты не воскресишь!

*** * ***

*Поверьте, поспешность излишняя — дар *Ахримана.
Обманет поспешность, раскается жертва обмана.

Пусть слуги корысти спешат погубить и обидеть —
Не хвалят того, кто стремится людей ненавидеть.

Но самец продолжал избивать подругу, пока она из мира жизни не переселилась в мир смерти и не присоединилась к стану усопших. Когда умерла верная супруга и надежный друг и пламя гнева немного поостыло, самец призадумался и промолвил:

— Увы! Моя преданная подруга, верный друг, испытанный товарищ, старая спутница, такая добродетельная и нравственночистая, разумная и рассудительная, умная и дальновидная, убита без достаточных улик из-за какого-то подозрения. И, осуществив это намерение, я не знаю, совершил ли я безумие или достиг цели, прав я или заблуждаюсь!

Между тем птицы тех мест прилетели приветствовать его и поздравить с возвращением. Они стали расспрашивать о случившемся, и самец-куропатка рассказал им о том, что произошло, и стал объяснять свой поступок. Птицы же осудили его и стали укорять:

— Ни с кем не посоветовавшись, ты совершил такой тяжкий грех! Без видимой причины ты допустил великое преступление! Знай же, что в этих местах с нашими женами случается подобное. И тогда закрадывается подозрение, что жена беременна. Спустя три месяца после появления этих признаков мы приносим известный корень и даем ей поесть. Опухоль рассасывается, возвращается прежнее состояние, болезнь исчезает. Ты ошибся, совершив этот поступок, был неправ! Если бы ты посоветовался с нами, прежде чем исполнить свое решение, то избавил бы себя от подозрений и греха, не подверг бы себя порицанию в этом мире и наказанию в том.

Когда завеса сомнения спала с лица истины, когда самец удостоверился в своей ошибке и в том, что он без причины и греха со стороны своей подруги погубил ее, стал он оплакивать погибшую, стеная и проливая слезы. Он беспрестанно повторял:

*Я удивлен своим терпеньем. Он умер, — я живу, как прежде,
Хоть разлучись с ним, я всенощно рыдал, судьбу свою кляня.

И день, теперь прожитый мною, сам по себе такое чудо,
Что уж ничто не сможет в мире сильнее удивить меня!

*** * ***

Тоска и боль… О дни свиданья! Остались мне от этих дней
Скользящий ветерок в ладонях и прах на голове моей.

*** * ***

— Я поведал эту притчу для того, чтобы падишах не поступил поспешно, — закончил везир, — и перед тем как свершить казнь, и принял бы всевозможные предосторожности и поступил бы по принятым в таких случаях правилам. Я рассказал это для того, чтобы шах при столкновении с превратностями судьбы сначала поразмыслил и подумал бы, все взвесил, пораскинул бы умом, *смерил свое верхнее и нижнее платье и не верил бы словам женщин, ибо женщины — творцы лжи и обмана, изобретатели коварства и неверности, природа их — гнездо хитрости, и натура их — источник лицемерия и фальши. Древо жизни того, кто поражен тяготами и бедствиями общения с ними, не вырастет и не зацветет, не будет зеленеть и набирать соки, и в жизни его не будет наслаждений и удовольствий:

Люди пойманного волка стали было истязать,
Но сказали: «Лучше женим, чтоб сильнее наказать!»

— Их помыслы — эликсир хитрости, их тайные мысли — *четыре стихии лжи. Если падишах пожелает, я расскажу историю о женщинах, которая подтвердит верность моих слов и обнаружит сокровенный смысл моих притязаний.

— Что это за повесть? — спросил шах. — Расскажи,

Рассказ о красивой жене и бакалейщике

— Слышал я от правдивых рассказчиков, — начал везир, — что жил в давние времена крестьянин, религиозный и благочестивый, набожный и богобоязненный. Как и у всех людей, была у него жена. Она ступала широкими шагами по стезе похоти и вожделения и считала для себя дозволенными все наслаждения и удовольствия.

Однажды муж дал жене монету на покупку риса. Жена пошла на базар, вошла в бакалейную лавку и подала монету хозяину лавки. Бросив на него взгляд, многообещающий и кокетливый, она сказала:

— Отпусти рису на эти деньги.

Бакалейщик по походке и взглядам сразу определил, из какого сада этот плод. По виду ее и фигуре он догадался, какова она по натуре и что у нее за склонности. Он взвесил рис, завязал его в край ее чадры и заговорил:

— О *хатун! Ты опутала меня сетью миловидности и ранила стрелой изящества. Войди внутрь лавки, я отвешу тебе и сахару. Ведь кушанье из одного только риса без сахара невкусно, есть его неприятно.

— Мне нечем платить за сахар, — возразила она.

А бакалейщик ей в ответ:

У такой сладкоустой, как ты, справедливо ли требовать платы?

— Тот, кто почувствует вкус твоих сахарных уст, пожертвует за него тысячу жизней. Войди в лавку на краткий миг, на приятное мгновение, и моя жизнь станет сладостной в твоем обществе, моя душа вкусит с твоих губ пищу вечной жизни.

Сахара дай мне вкусить: урони, сладкоустая, слово.
Амбры даруй аромат и снова приблизься ко мне!

У тебя же столько сахара, — ответила она, — так зачем тебе мои уста?

А бакалейщик в ответ произнес:

К чему мне сахар? Мне сейчас уста твои нужны.
К чему слова? Объятья нас соединить должны.

Она прошла вперед, и бакалейщик дал ей немного сахару. Она завязала сахар в уголок чадры и уединилась с бакалейщиком. Ведь недаром говорят: * «Дирхем устраняет скорбь, *динар — ключ ко всякому желанию».

А у бакалейщика был подмастерье, человек далеко не благородный, бесстыжего нрава. Увидел он, что бакалейщик и жена крестьянина предались любовным утехам и чадра ее осталась без присмотра, взял да и развязал узелок в чадре. Он высыпал сахар и рис и насыпал вместо них землю. Когда бакалейщик и женщина, наконец, освободились, когда пришло к концу их уединение, жена крестьянина поспешно покинула лавку и отправилась домой.

Дома она положила узелок прямо перед мужем. Он развязал его, взглянул и увидел землю.

— Эй, жена! — закричал он. — Я вижу только землю!

Увидела жена песок и мусор и остолбенела от удивления, но потом нашлась, побежала в комнату и вернулась с ситом. Она высыпала землю в сито и стала ее просеивать.

— Что ты делаешь? — спросил муж.

— О муж! — отвечала она. — Мы должны раздать много милостыни. Благодаря твоей набожности меня миновало великое бедствие и большое несчастье. Когда я шла на базар за рисом, на меня налетел сорвавшийся с привязи верблюд с порванным поводком. Он сильно лягнул меня в спину, свалил с ног. Монета выпала у меня из руки, а я упала на землю. Сколько я ни искала потом, найти монету мне не удалось, так как это было в самой людной части города. Тогда я сгребла землю с того места, где упала монета, и принесла домой, чтобы просеять через сито, найти монету и купить рис,

Услышав это объяснение, муж оросил глаза слезами и воскликнул:

— Да будет проклята эта монета! Возьми другую, купи рис и выбрось землю!

* Деньги ничтожны, если любовь я вижу в твоих очах,
Ведь суждено всему на земле потом обратиться в прах.

* * *

На что мне жизнь, когда в разлуке мы или когда любовь сулит измену?
А если любишь ты и вновь со мной, то деньги все равно теряют цену!

* * *

— Я рассказал историю для того, — продолжал везир, — чтобы высокий разум шаха был осведомлен о хитрости и коварстве женщин, чтобы его благословенный ум — оплот справедливости и религии — удостоверился в том, что нет предела и границ лживости и обманам женщин.

Выслушав этот рассказ, шах приказал отвести шахзаде в темницу и отложить его казнь.

Невольница приходит к шаху на третий день

На третий день, когда на востоке показалось знамя войска дня, а черные стяги войска ночи скрылись за горизонтом на западе, невольница явилась к шаху. Она приблизилась к нему с *шафрановым лицом, спиной, согнутой, как обруч, под грузом бедствий, со щеками, орошенными слезами скорби, с сердцем, изнывающим от горя и тревог. Она стала притворно жаловаться и плакать:

Нежные щеки в слезах похожи на тучу весною,
Яркого солнца лучи смешались с водой дождевою.

— Справедливость шаха для мира, — начала она, — это океан, из которого люди пьют пресную воду его милостей.

Пьют воду из моря его щедрот жители всей страны.

— Когда-то давным-давно было сказано: «Река создана для пития». Нравственные достоинства шаха — это лужайка цветов, с которой люди вдыхают аромат утреннего и прохладу северного ветерка. В саду его справедливости распустились базилики правосудия, а шипы насилия в стране сожжены пламенем его гнева. Пока его благословенный двор служит убежищем для униженных, основа насилия искореняется и уничтожается бурей справедливости. И удивительно, что в то время как весь мир находится под сенью его правосудия, меня — покорную рабу — палит июльский зной солнца насилия.

*Ты, справедливейший из всех, одну меня забыл —
Я жалуюсь. В твоем лице — ответчик и судья.

— К его величеству шаху нельзя, конечно, отнести эти слова, но везиры-безбожники заслонили, как тучи, солнце его справедливости. Гнусное насилие и великая несправедливость, совершенные сыном

шаха по отношению ко мне, лягут позором на его детей и потомков. Однако справедливый шах по наущению клеветников и подстрекательству лжецов не воздает мне по справедливости. И я подозреваю, что у падишаха с везирами происходит то же самое, что случилось у шаха *Кермана с его везиром.

— Как это случилось? — спросил шах. — Расскажи.

Рассказ о царевиче, везире и гулях

— Рассказывают, — начала невольница, — что в давние времена, в минувшие дни жил-был падишах, ученый и справедливый, счастливый и благородный. У него был сын, прославившийся своим умом, известный своей храбростью. Он был красивее и стройнее всех, речи его были заглавным листом веселия и радости.

В один прекрасный день, когда мир облачился в новые одеяния и надел платье совершенства, он обратился к отцу с просьбой:

— Мне хочется погулять за городом, побывать в садах, ведь сейчас весна, пора лугов и полей.

Вновь улыбнулся *ноуруз, и росой
Розы в саду пробудил он от сна.

Капли дождя, как жемчужный *нисар,
Щедро везде разбросала весна.

— Сейчас время охоты и вина, — продолжал шахзаде. — Ткач природы соткал в мастерской судьбы семицветный шелк для невесты-весны, а портной времени шьет ножницами-молнией и нитками-дождями красочные одеяния и разноцветные накидки.

Украсит одежды ее края Радуга из драгоценных шелков.

*** * ***

Славу о себе распространила по лужайкам и садам весна,
Каждый переулок и ворота зеленью украсила она.

— Горы превратились от обилия тюльпанов в расписные пиалы, в них налито вино из росы, — говорил шахзаде. — Утренний ветерок

приносит ароматное дуновение, сады уподобились кандагарским кумирням, глаза нарциссов томны, локоны фиалок кудрявы,

*Отправился в сад я взглянуть на весну — она торжествует там,
Весенние тучи отраду льют, а ветер несет покой.
Траве я промолвил: «Вечно живи!» Она отвечала мне:
«Живу я три месяца и опять умру осенней порой».
Спросил у тюльпана я: «Почему сегодня печален ты?» —
«Сердцем, — сказал он, — как ты, скорбя, покинул я дом родной».
Я очи нарцисса спросил: «Зачем вы льете потоки слез?» —
«На солнце-жасмин засмотрелись мы, застлало глаза росой».
Спросил я у розы: «Над кем, ответь, так громко смеешься ты?» —
«Смеюсь над влюбленным я: у него *дирхема нет за душой!»
«О лилия! Ты почему молчишь?» Ответили мне цветы:
«Не размышляя, славит она творца красоты земной».

— Каждый корабль в это время — настоящий рай, — рассказывал шахзаде, — каждая отмель — кандагарская кумирня. Настала пора пить вино под пение соловьев, вкушать напитки среди кустов роз, слушать мелодии, музыку и пение, упиваться пурпурным соком из чаши счастья.

Словно дыханье больного, ласковый слаб ветерок;
Тучи — как тяжкие веки, льющие слез поток;

Ткут они яркое платье для всех уголков земли,
И разноцветной одежды им хватит на долгий срок.

Мог бы ручьи ты спутать со слитками серебра:
Блещут они на солнце, как выхваченный клинок.

Схоже со звуками *руда пение соловья,
Песню *чанга напомнит горлицы голосок.

Вспомнишь и о вине ты; газели на склонах гор —
Это кувшины, в которых бродит искристый сок.

*** * ***

Богатство, молодость, любовь, весенний аромат,
Вино, зеленая листва, ручьи, любимой взгляд…

Прекрасна музыка, весна, пьянящая, как хмель,—
Кого угодно хмель весны и музыка пленят!

О *чанг и *руд! Звук ваших струн отрада для того,
Кому похмелье дарит час своих благих услад.

Проси вина — и пей, и пой, все радости твои —
Ты видишь: зеленеет вновь недавно голый Сад.

Прижал влюбленно стебли трав к своей груди тюльпан,
И нежно стебельки травы с тюльпаном говорят.

Шах разрешил царевичу выехать и послал сопровождать его своего везира, чтобы тот предохранял дорогого сына от всяких бед. Язык судьбы при этом говорил с изумлением:

К чему, объясни, тебе сей темный телохранитель:
Сиянье твое ужель не служит тебе охраной?

Они охотились некоторое время, потом распивали вино. И вот в один прекрасный день, когда они проезжали по красивой местности, на какой-то лужайке перед шахзаде мелькнул дикий осленок, красивый и стройный. Шахзаде пустил за ним коня, а осленок бросился бежать

по степи. Шахзаде пустил коня быстрее, но как ни скакал он, не сумел даже приблизиться к осленку.

Но когда шахзаде скакал степью, он заметил девушку, красивую, с ликом светлым, как солнце, с благоухающими локонами, с походкой легкой, как у куропатки, грациозную, сребротелую. Увидев ее, царевич подумал:

*О, боже, не сон ли я вижу, иль впрямь наяву
Я в светлом раю после стольких страданий живу?

*** * ***

Светлая луна с небес упала,
Или то *Зухра сошла на землю?

*** * ***

О ты, что всходишь, как луна! Ты счастье для людей,
Глаза — основа красоты, и ты нам — свет очей!

Шахзаде подъехал к девушке и с удивлением произнес:

Гурия! Ты не из рая ль так нежданно к нам явилась?
Иль, гнедая кобылица, от *хакана к нам явилась?

Или чудо совершилось, жив наш *Сулейман великий,
Ты, как пери, от владыки Сулеймана к нам явилась?

— О небесная луна, — продолжал шахзаде, — ведь гурии обитают в раю, что же ты делаешь в пустыне?

— Однажды, — ответила девушка, — я смотрела с крыши дворца и вдруг увидела твои прекрасные черты и чудные кудри. Солнце

стыдилось блеска твоих щек, луна увязла в глине, завидуя тебе. Аромат твоих волос проник в пуповину газели и превратился в каплю крови. Из моего же сердца капля крови просочилась через глаз. На нее упало отражение твоего лица и превратило ее в рубин. Любовь к тебе стала смыслом моей жизни, как магнитом стала притягивать мое сердце. И, как соломинку к янтарю, как соловья к розе, меня потянуло к тебе; я прошла долгий путь и достигла *Каабы свидания.

Пока мое сердце, как мяч, не легло у твоих кудрей,
Как мяч, я мчалась к тебе, стремясь добежать скорей.

— Если ты соизволишь войти в мои покои, то я расстелю под копыта твоего коня свои глаза и пожертвую, словно костью в игре, своей душой. И пока коварная судьба догадается об этом, я соберу плоды на этой ниве.

Может быть, дыхание свиданья свежестью на нас повеет снова,
Может быть, теперь на наше сердце ты уже не поглядишь сурово.

Когда шахзаде услышал эти речи и увидел красоту девушки, то страсть и вожделение схватили повод его коня, а любовь к той чаровнице проникла в его сердце. И он подумал: «Надо поймать эту добычу, ибо удобный случай краток, как ночь свидания, и мимолетен, как мечта. Как говорят, «удобный случай проносится как облако». Раз ты влюбился, то надо распрощаться с делами».

О сердце, позабудь покой, ты в рабство отдано несчастью:
Я против воли полюбил и, как врагом, повержен страстью.

«Я погнался за онагром, — продолжал он про себя, — набрел на гурию».

И с ожиданием во взоре и думой в сердце пустил он коня, желая узнать, чему научит его наставник любви в школе времени, что даст

ему в руки — сладкого или терпкого — кравчий судьбы; с любопытством ожидая, что придется выпить ему из чаши судьбы — отстоя или чистого вина; рассуждая, что придется ему надеть из-за скорби о подруге — атлас или дерюгу. Он хотел знать, какие талисманы придется ему иметь при себе во время любви, какие семена следует посадить на лужайке страсти. Он знал, что его мечты еще не осуществились, что локоны той девы спутаны и еще не причесаны. Так пустился он в дорогу, а красавица, идя впереди, указывала ему путь. Влюбленное сердце двигалось вперед, не зная, что часто страсть одного часа влечет за собой раскаяние долгих дней.

Через некоторое время они прибыли к каким-то развалинам.

— Подожди здесь минутку, — предложила девушка, — я сообщу обитателям этого жилища о твоем прибытии, скажу птицам этого гнезда о твоем приходе, чтобы они встретили с подобающими почестями такого уважаемого гостя, как шахзаде.

> С радостью, с почетом в нашем доме гостя принимают каждый раз.
> Если платит гость перед уходом — нет позора большего для нас!
>
> Твое лицо и волосы люблю.
> В обитель поскорей войди мою!
>
> Я славословье счастью твоему
> и гимны красоте твоей спою.

Шахзаде придержал коня, а девушка вошла в развалины и стала тихо шептаться с обитавшими там *гулями.

— Я привела царевича, — говорила она. — Мясо у него — нежное, вкусное, приятное и аппетитное.

Гули стали хвалить ее:

— Добро пожаловать тебе и твоему гостю! Скорей выходи к нему, завлекай, постарайся задержать беседой и вымани у него оружие, чтобы он не оказал сопротивления.

А у шахзаде был острый слух, и он расслышал их беседу. Он задрожал от страха и повернул коня. Как раз в это время из развалин вышла девушка и увидела скачущего прочь шахзаде. Она побежала за ним, подпрыгнула и вскочила на круп коня.

— Куда ты едешь? — спросила она. — Почему бежишь от меня?

— У меня есть сварливый друг, — ответил он, — и я никак не могу избавиться от него. Из страха перед ним я не могу остаться с тобой и наслаждаться твоей красотой. Мне надо немедленно отправиться к нему и спросить его согласия.

— От дурного друга можно избавиться при помощи денег, — перебила его девушка, — а его злой характер, эту отраву для приятного времяпрепровождения, можно обратить в противоядие.

— От него не откупишься деньгами, — сказал шахзаде, — он богат и не нуждается в них.

— Воспользуйся помощью заступников, быть может, они помогут тебе избавиться от него, — перебила его вновь девушка.

— Тут заступничество не поможет, — отвечал шахзаде.

— Тогда прибегни к силе десницы, — сказала она, — содействию войска и власти и прогони его.

— Невозможно ему противостоять силой человеческой или хитростью, — отвечал шахзаде.

— Коли так, — сказала девушка, — ступи на путь молитв, испроси помощи у всеславного господа, чтобы он отвратил своим бесконечным могуществом зло, причиняемое им.

У шахзаде полились из глаз слезы, и обратился он с тайной мольбой к богу: «О ты, отвечающий на мольбы обиженных и отвращающий зло! О могущественный, *связавший паутиной руки насильников-арабов! О всеславный, *искоренивший жалом комара род Немрода! Если не окажешь мне милость и помощи, то я погибну безвестно.

Заклинаю *Замзамом, *Хатимом, *Черным камнем, могилой пророка,
Посещением *Мекки и *Марвой, *Миной, *Сафой тебя заклинаю,

Заклинаю стихами из *Торы, *Арафатом, *псалмами Дауда,

Заклинаю Кораном, *Инджилом, всем готов заклинать, что я знаю,—

Вечной славой *Мусы бен Имрана, всею силой молитвы Дауда,
Чистотою *Исы всеблагого, Мухаммадом, избранником рая,

Заклинаю слезами *Якуба и великою скорбью *Юсуфа,
И *Закарией, старцем почтенным, славным *Яхьей тебя умоляю,

— избавь меня от этого злого духа, который сидит за моей спиной и лишил меня сил».

Как только он произнес последнее слово молитвы, девушка затрепетала и упала с коня. А шахзаде пустил лошадь вскачь и двинулся к населенным местам. Он ехал и днем и ночью, не зная покоя.

*Летел сквозь пустыню быстрее, чем ветер,
Он два перехода в один превращал.

Пустыня открыта для всех, но надраено
Вернуться обратно вошедший мечтал!

Был ветер в пустыне, как яд, смертоносен.
Кровь в жилах мучительный холод сковал.

Лед крышкой захлопнул котлы водоемов,
Река превратилась в блестящий металл.

И глина отламывалась от подножий
Угрюмых, окованных холодом скал.

Шахзаде скакал, прославляя бога, и спустя десять дней после долгих тягот и переживаний, прибыл к отцу.

А везир, когда царевич скрылся из глаз и исчез в пустыне, подумал, что тот погиб, вернулся к шаху и заявил, что лев растерзал и сожрал шахзаде. Шах оплакивал гибель сына, тяжело страдал от разлуки с ним. Он беспрестанно повторял:

О благородная лилия, куда и зачем ты ушла?
Разве не всех красивее ты в этом году цвела?

Похоже на то, что коварная тебя сокрыла земля.
Земля, ужели не знаешь ты, кого к себе приняла?

Когда шахзаде целый и невредимый вернулся в родные края и исцелил свои глаза лицезрением отца, он рассказал о том, что произошло с ним, и пожаловался на везира. Шах приказал повесить везира, а глашатаям велел кричать:

«Такова участь того, кто предаст своего благодетеля, кто не исполнит приказов своего повелителя».

*Из раны, не зажившей изнутри,
Кровь с каждым часом все сильней течет.

И эта нижайшая раба надеется, — продолжала рабыня, — что падишах поступит со своими везирами точно так же, дабы восторжествовали справедливость и правосудие. Если шах не воздаст мне по справедливости, то ведь всевышний Аллах не потерпит насилия: *«Воистину, Аллах не обидит даже ни на частичку, и если поступки раба добродетельны, то он удвоит вознаграждение».

Как только рабыня окончила свою речь, гнев царя вспыхнул с новой силой, и он подумал: «Царь бездетен, и нет родства между царями и людьми. Из-за сына недозволено пренебрегать правосудием, ибо порядок в державе зиждется на справедливости и строгом суде».

И он отдал приказание казнить сына.

Когда третий везир услышал об этом решении, то он послал к палачу человека и велел передать: «Помедли с казнью, пока я не вернусь от шаха и не докажу ему порочность торопливости и

похвальность промедления и раздумывания. Я придумаю что-нибудь, чтобы сохранить жизнь сыну шаха и снять с него это обвинение».

Третий везир приходит к шаху

Третий везир, который своим разумом затмил блеск звезд и творил чудеса, наподобие *волшебства фараона и вдыхания Исы, отправился к шаху.

— Да будет жизнь падишаха вселенной — заглавного листа всего человечества — счастливой и безмятежной, — начал он. — Да будет известно высокому уму падишаха — средоточия божественного откровения и всевышнего вспомоществования — что из всех людей, существующих на земных просторах, в в этом запыленном море только самому себе и сыну невозможно найти замену, ибо сын — это наследник, хранитель памяти и доброго имени. Из всех драгоценных даров *Изеда нет ничего более сладостного и приятного, чем видеть собственного сына, в особенности если на его челе видны признаки благородства, если он достоин по своим способностям сана падишаха. Ведь шах во время пребывания в этом мире является лицом государства и опорой войска. А когда он покинет этот мир, то сын будет доброй памятью о нем, ибо не поминают того, у кого нет сына.

*Есть сын — не забудет никто отца благородное имя;
Есть сын — значит, воля отца останется вечно с живыми.

— Недостойно благородного и справедливого падишаха, — продолжал везир, — подвергнуть сына невообразимой казни только из-за навета и поклепа того, кто желает несбыточного. И если на арене разума падишаха проявился гнев, то не следует торопиться. Ведь цари именно с этой целью учредили темницы и *зинданы и узаконили заключение, чтобы при разных обстоятельствах выносить приговор лишь после обсуждения и обдумывания, отделив истинное от ложного. И если есть возможность простить, то цари прощают, чтобы показать свое благородство правителям и подданным, знатным и простолюдинам, близким и дальним. Тот падишах, который проявляет торопливость в пролитии крови и снесении голов, будет порицаем в этом мире и наказан в том, и никакое раскаяние не поможет ему, как не

помогло тому воину, который убил сгоряча кошку. И когда пала завеса с истины, он стал жалеть, но все было бесполезно.

— Как это случилось? Расскажи, — попросил шах.

Рассказ о воине, мальчике, кошке и змее

Третий везир, который слышал много преданий и историй о событиях прошлого, начал рассказывать:

— Да будет долголетней жизнь справедливого и мудрого падишаха! Хранители преданий рассказывают, что в давние времена, в прошлые века **жил** некий воин. У него была прекрасная жена, которой не было равных по красоте. Характер и нрав ее были украшением похвальных качеств, ее нравственные достоинства предваряли священное писание. Розы бледнели перед румянцем ее щек, луна восходила на горизонтах ее красоты:

Став луною полной в небе красоты,
Никогда не скроешься, не померкнешь ты.

И вот она забеременела и умерла от родов, оставив сиротой мальчика — луноликого, красотой подобного солнцу. Муж уединился в отдаленном покое, вздыхал тяжко и стонал, и читал такие стихи:

*Меня судьба несчастьями сразила
И сердце снова стрелами пронзила;
От тесноты ломаться стали стрелы,
Так много их в груди пронзенной было!

*** * ***

Возненавидел меня небосвод,
Туже и туже петля невзгод.
То ли умру, то ли буду страдать,—
Мне не спастись от жестоких тенет.

Сын был целительным бальзамом для его тоски, и он говорил себе:

— Если бы не этот мальчик, который останется после меня сиротой-горемыкой, словно травинка под косой жизни, я давно предпочел бы жизни смерть, прекратил бы эти страдания, которые горше яда и хуже смерти, и сошел бы в могилу возлюбленной, которая, словно стройный кипарис, покоится в обители праха, скрывшись от взоров, как луна в пасмурную ночь. Ведь муки смерти легче жизни в разлуке с любимыми. Поэтому-то и говорят, что жизнь влюбленных скоротечна, ибо от мук переживаний разлуки душа покидает их тела. У иных она, как вода, выходит через глаза, других покидает, как пар, вместе с выдохом. И кто бы из арабов ни влюблялся, погибал от любви во цвете лет, как, например, *Меджнун от любви к Лейли, *Кусайр от любви к Азре, *Вамик от любви к Азре. Как-то раз спросили одного *тамимита: «Почему в вашем племени все влюбленные погибают?»

«Потому, — отвечал он, — что сердца наши влюбчивы, а наши женщины целомудренны».

*Смирись, от страсти умереть — один для любящих исход —
Иного блага, кроме смерти, любовь страдальцам не несет.

*** * ***

Сказал: «Коль откроют красавицы лица,
То жизнь всех влюбленных тотчас прекратится».

Воин проводил дни и ночи, ночи и дни, тоскуя по жене. Для мальчика он нанял ласковую, приятную кормилицу, чтобы она, как ветерок, лелеяла младенца, которому завидовали розы. Сын служил утешением отцу, когда он горевал по матери, ибо тот, кому запрещено говорить, довольствуется тем, что слушает. И он в моменты, когда его одолевала скорбь, говорил:

*О, душа! На этом свете всё живу я без тебя,
И *дирхема не имея, я торгую без тебя.
Пусть меня испепеляет, словно щепку, жгучий стыд,
Что так долго в этом мире жить могу я без тебя.
Нет тебя, а я не умер, я брожу среди живых;
Верь, душа, что неустанно я тоскую без тебя.
Без души мы жить не можем. Повелела так судьба.
У судьбы мгновенья жизни я ворую без тебя.

У этого воина была кошка. Она уже давно спала на пороге его дома и служила ему всю свою жизнь верой и правдой. С момента смерти матери она ни на миг не отлучалась от колыбели ребенка, охраняя его от всех бед. Когда кормилица бывала занята, кошка даже качала люльку.

И вот как-то отец и кормилица ушли из дому. Кошка, по своему обыкновению, лежала у колыбели. Тут из дыры выползла черная змея и собралась было укусить мальчика. Кошка, из любви к мальчику и по благородству характера, вцепилась в змею. Она царапала ее когтями, рвала зубами, хватала то за голову, то за хвост. Наконец, она удушила змею и спасла ребенку жизнь.

Когда воин вернулся домой, окровавленная кошка выбежала к нему навстречу. Она виляла хвостом, гордая тем, что поборола страшного врага, с риском для собственной жизни отвратила от мальчика смертельную опасность. Она терлась о ноги хозяина, надеясь, что он бросит ей в благодарность какую-нибудь кость или кусок хлеба.

Воин посмотрел на кошку, увидел ее окровавленную морду и страшно испугался, так как до безумия любил сына. Ведь говорят же, что ребенок заставляет быть скупым, трусливым и скорбным. Ему почудилось, что кошка убила мальчика. И он сгоряча, из-за минутного подозрения, свойственного человеческой природе, ударил кошку палкой по голове и свалил ее. Когда из прихожей прошел он в комнаты, то увидел убитую змею, истекавшую кровью, и мальчика, спавшего безмятежно в колыбели. Воин стал рвать на себе одежды, с отчаянием говоря: *«Как жаль того, чем я пренебрег перед богом». Он проливал

фонтаны горючих слез и сожалел о торопливости, проявленной им по наущению дьявола. Он упрекал себя и говорил:

— Почему я поступил так необдуманно? Зачем впопыхах поступил я так несправедливо? Что это за неблагодарность и жестокость к четвероногой твари! Как нехорошо и подло я поступил!

Поверь, насилие — огонь, не прибегай к нему и в малом:
Ведь из-за искорки одной порой сгорает целый город.

«Это великая несправедливость и страшное насилие по отношению к бедному животному, — размышлял он. — Несомненно, судьба в отместку за мое недостойное поведение пошлет мне или сыну жестокую кару. Кошка спасла моего сына от врага, а я отплатил черной неблагодарностью! Нет прощения за этот поспешный и позорный проступок в благородном *шариате и *тарикате».

*Вниманье судьба проявляла не раз к тому, что было меж нею и мной.
Теперь закончились наши дела. И что же — судьба обрела покой.

*** * ***

Есть у небес постыдный обычай —
Радость увидев, ее губить.

*** * ***

— Эти слова, — продолжал везир, — были сказаны для того, чтобы падишах не дал торопливости, которая появляется по наущению дьявола и служит предвестником неудачи, возобладать над главными и похвальными чертами его характера. Ведь последствия торопливости и

необдуманности — это горечь и раскаяние, ибо размышление исходит от бога, а торопливость — от дьявола. В особенности не следует торопиться в делах с женщиной, которая является вместилищем хитростей и гнездом коварства. Истории о женщинах удивительнее тысячи других рассказов, а хитрость и коварство их превосходят числом песчинки в пустыне. И если шах дозволит, я расскажу одну повесть.

— Рассказывай! — последовало приказание.

Рассказ о жене купца

Разумный и справедливый везир начал так:

— В давнее время, в минувшие дни жил некий купец. Он прославился своими богатствами и благополучием, был известен сокровищами и достатком. Он умел хорошо и разумно вести хозяйство и торговые дела, знал отлично и земледелие.

Однажды купец отправился в путешествие, чтобы увеличить свое состояние, источник покоя и наслаждения, и поправить дела своих имений. Он пробыл в отлучке довольно долго. Жена его решила воспользоваться этим случаем и подумала: «Время надо использовать, иначе раскаешься».

*Поманит и обманет суета,
Смешались в жизни грязь и чистота.
Так опасайся большинства людей:
В груди у них не сердце — пустота.
И не прельщайся сладостью ночей:
Обманет ярких молний красота!

А была она прославленная красавица, о ней шла молва из уст в уста. Тут все, кто был влюблен в нее, стали домогаться свидания с нею. Каждый **по** мере своих сил и возможностей пытался приблизиться к ней, говоря такие стихи:

Коротки и быстротечны человеческие дни,—
Сколько можешь, наслаждений в море жизни зачерпни!

*** * ***

Утро — лучшее время, чтоб выпить вина!

Она же думала:

*О, пташка! Стал чистым воздух кругом, вей же гнездо, щебечи!
Жизнь для тебя сейчас сладка, как сахар, — поторопись, вкуси ее скорей!
Ты будешь грызть измученное сердце, в тоске безмерной после этих дней!

Демон-искуситель шептал ей властно: «Не расточай понапрасну весну-юность, пока от осени-старости не завянут розы щек, *пока гранаты не превратятся в айву, а *аргуван— в *шамбалид, пока обманчивое время не натрет щеки-розы янтарным порошком, пока хирург-судьба не лишит глазной нерв силы зрения и кровь не станет болезненно бледной, пока роскошные одежды не сменятся старческим рубищем, пока солнце-юность не скроется за белым облаком-завесой, пока юная краса не начнет увядать, пока не претворится в жизнь поговорка: «седина ведь порок».

Он был черен и бел, в этом счастье его, тут сомнения нет:
Кроме бельма на глазу и седин на висках, белизна — это свет.

«Наслаждайся, — продолжал нашептывать ей бес, — покуда не закричит, как глашатай, разрушитель наслаждений, пока не забьют в барабан отправления, возглашая: «Возложите свои путевые припасы на седло дня и ночи и откажитесь от мирских благ, не общайтесь с черноволосыми, ибо любовь и старость несовместимы». Ночь свидания в дни юности — это украшение дней владычества, сейчас пора следовать этим призывам».

Полы юности беспечно по земле она влачила,
На колеблемые ветром ветви тополя похожа.

*** * ***

Среди юных лишь тот избегает любви,
У кого малодушье и глупость в крови,

И она, сбросив завесу целомудрия и добродетели, каждую ночь отправлялась ради наслаждений к любовнику и говорила себе:

Мы насладимся, жажду утоля,
А там пускай проглотит нас земля!

Прошло некоторое время, и купец вернулся из поездки. Он остановился в родном городе, скрыв свое имя, решил весело провести время и сказал такие стихи:

*Если в дольнем этом мире вечно жить не суждено,
То греховно не влюбляться и, любя, не пить вино.
Можно ль прошлого стыдиться, перед будущим бледнеть?
Все, что было, все, что будет, тем, кто умер, — все равно!

Он позвал старуху, с которой знались развратные молодые женщины, и попросил ее привести красивую женщину, с которой он мог бы провести несколько ночей, предаваясь неге и наслаждениям (а эта старуха случайно оказалась вхожей в его собственный дом). Купец дал ей несколько динаров, и она отправилась искать для него красивую подругу. А его жена была самой красивой женщиной города; старуха пошла прямо к ней и сказала:

— В наш город прибыл прекрасный юноша, богатый купец. Он хочет провести с тобой в удовольствиях несколько дней. Денег он дал много, комната для вас уже готова. Забирай деньги и иди со мной.

Женщина тут же встала и отправилась со старухой. Войдя в комнату, она увидела своего мужа, но не растерялась, а вцепилась ему в бороду с криком:

— На помощь, о мусульмане! Ах, подлый мерзавец! О мерзкий негодяй! Вот уже давно ты покинул меня, горемычную, а сам наслаждаешься и проводишь время с луноликими красавицами!

Как жаль своей верности мне! Ведь я на тебя положилась.

А верность твоя, о кумир, была ненадежной опорой!

— Мои глаза, — продолжала она, — от ожидания стали как нарциссы, все мое тело в ожидании превратилось в слух. Я расставила людей, чтобы они принесли мне радостную весь о твоем прибытии, а ты проводишь время в кутежах и попойках, бросив меня, скорбную и печальную!

Муж ничего не мог поделать с женой, он был опозорен и пристыжен, сломлен и разбит, словно воробей в когтях сокола, словно слон пред жалом комара. Он пытался спастись от нее и повторял:

Пусть от глупца Аллах меня в печальный час спасет,
Дарует крылья радости и снимет груз невзгод.

* * *

Увы, горемыке из всех горемык!
Как в руки твои я попал, о жестокий?

Наконец, сбежались соседи и с большим трудом примирили их с условием, что муж уплатит жене много денег и отправится вместе с ней домой.

Долго я кружил по свету, но в конце концов
Удовольствовался тем я, что пришел назад.

* * *

Я счастлив, что познал любовь,
И счастлив, что не свободен от ее оков.

* * *

— Я рассказал эту повесть затем, — продолжал везир, — чтобы возвышенному уму шаха были известны изворотливость ума и коварство женщин, чтобы он, поверив их словам, не допустил такой страшной казни, которую даже трудно представить себе и которая будет порицаема и осуждена в том и в этом мире.

Выслушав везира, шах приказал отвести сына в темницу и отсрочить казнь.

Невольница приходит к шаху на четвертый день

Когда прошло три дня и настал четвертый, шахские везиры — великие мужи державы и сановники трона — уже сделали несколько ходов на шахматной доске внимания падишаха своими фигурами — рассказами о хитростях женщин. А невольница делала всякие хитрые ходы, какие только знала, чтобы объявить мат шахзаде. Но везиры — умелые ферзи, обладая большим умом, отгоняли блеском светочей знания и разума мрак этой несправедливости, гасили пламя ярости шаха, грозившее сжечь веру и державу, водой здравого рассудка и исцеляли зельем мудрости желчь, которая угрожала жизни царевича.

В беде, как молнии, блеснули их умы.
Рассеялась беда, словно завеса тьмы.

На четвертый день невольница взяла кубок с ядом, явилась к трону шаха и объявила:

— Поскольку украшающий мир, разрешающий трудности и справедливый разум падишаха не обращает внимания на правдивые слова этой нижайшей рабы, поскольку он не желает наказать за насилие, совершенное по отношению к его слуге в дни его благословенного царства, то я предпочитаю смерть такой жизни и вынуждена выпить смертельный яд — предвестник горестей и смерти. И на это насилие я принесу жалобу на равнине, где воскреснут мертвые в великий Судный день. Тогда справедливый судия потребует ответ от невоздержанного сына шаха и его несправедливых советников, ибо там нет места попустительству и покровительству, пристрастности и несправедливости.

А эти грешные везиры хотят передать государство недостойному сыну шаха, чтобы таким образом избавить себя от гнева падишаха и учредить новые законы и обычаи в стране. Тогда каждый из них сможет поступать в делах по своему желанию и усмотрению и ради этого каждый по мере своих сил будет стараться изменить законы

государства. Отношение же везиров ко мне напоминает рассказ о свинье, которая хотела поесть инжиру и с большим трудом, путем невероятных усилий, взобралась ради этого на дерево и раздобыла несколько плодов. Но в конце концов она свалилась с дерева и лишилась жизни.

— Как это случилось? Расскажи! — приказал шах.

Рассказ о свинье, смоковнице и обезьяне

— В давние времена и минувшие века, — начала рабыня, — некая обезьяна отреклась от мира, стала уклоняться от встреч с друзьями и сверстниками и покинула родные края, близких и друзей со словами:

В Ираке мы прожили краткое время,
Похитив его у неверного рока.
У нас сохранится о днях этих память,
Запавшая в душу глубоко-глубоко.

* * *

Плеядами явились мы на свет,
Хотели избежать разлук и бед.
Похоже, что судьба нас обманула:
Как звездочки, рассыпал нас *Изед!

Она простилась с друзьями и родственниками и поселилась на полуострове, где было безопасно и спокойно. Не зная ни тягот, ни козней врагов, она предалась делам благочестия, помыслам о загробном мире. Она усердно молилась богу, поправ пятой все низменные страсти, никого не обижала и полностью посвящала себя праведным делам. Обретя покой в царстве скромности, она убедилась в ее сладости и повторяла:

Не обретший величья отшельничьей жизни — ничего на земле не обрел;
И не видевший подлинной скромности — тоже на земле не видал ничего.

А на полуострове том росло очень много смоковниц. Зимой и летом обезьяна питалась то свежим, то сухим инжиром. Прошло некоторое время, и вот наступила осень. *Солнце, словно золотой динар, из созвездия Девы перешло в созвездие Весов, и на чашках весов день и ночь сравнялись. Тогда время воскликнуло:

Теперь, когда солнце приблизилось к знаку Весов и осени время настало,

День с ночью сравнялся, как полные чаши весов, где стрелка застыла в покое.

— Настала пора отдохновения и спокойствия, время сбора плодов. Используй момент и отложи припасы на будущее время.

Инжир созрел, стал спелым, словно финики на пальмах и мед в ульях, сладостным и вкусным, стал цвести, как яхонт и коралл, как рубин и хризолит.

*Давить настало время виноград.
Бурдюк — в хмелю, и жбан напиться рад;
В саду плоды и вина — пир горой.
Пойдем же, времени не тратя, в сад!

Обезьяна бродила по инжирным чащам, осматривала смоковницы. Одни плоды она поедала, другие сушила и откладывала, чтобы не одолел ее голод, ломающий хребты львам и разбивающий сердца храбрецов, чтобы ей не пришлось вспомнить слова: *«бедность почти равна неверию», когда осень начнет своевольничать, а зима пускать стрелы мороза из лука небосвода, когда *зимнее солнце из лука Стрельца начнет метать снежные хлопья, а вода в водоемах превратится в изумрудные панцири, когда листья деревьев, пораженные жестокой лихорадкой от *укуса Скорпиона и покрытые ржавчиной и ядовитым налетом, начнут падать от зимнего ветра, деревья пожелтеют, а ветви затрепещут, когда на полях и лужайках не останется ни листьев, ни плодов.

Голод и львов заставляет кидаться на падаль!

Обезьяна повторяла эти мудрые слова и вспоминала другую поговорку: «Самое лучшее из того, что ест человек, — это заработанное своим трудом». Как раз в это время на полуостров забежала свинья, раненная охотником и чудом спасшаяся бегством. Ей понравилась природа полуострова, и она решила поселиться там навсегда. Вошла в чащи смоковниц, стала разглядывать деревья. Видя, что плоды ободраны, она дивилась, кто это съел столько инжиру, нарвал столько плодов. Размышляя так, она взглянула на одно дерево со спелыми плодами. Там сидела обезьяна, ела одни плоды, а другие откладывала.

Увидев благополучие и легкую жизнь, достаток и приятное времяпрепровождение обезьяны, свинья загорелась завистью и злостью, в ее сердце пробудились искрящимся пламенем ненависть и неприязнь.

Им завидуют, но все же высоты их не достигнут.
Что ж, завистников за слабость можно только пожалеть!

*** * ***

Если в тебе, подобно огню, зависть разожжена,
Разума и здоровья гумно испепелит она!

Свинья закричала обезьяне:

— О сестрица! Ты нашла для себя цветущее и блаженное место, где нет ни горя, ни забот, воздух здесь пленителен, пища целебна для тела. Это пречистое и святое царство, свободное от скорби и от всяких пришельцев. Ценишь ли ты по достоинству эти бесценные блага? Знаешь ли ты достоинства этих даров? Ты раздаешь бедным и нуждающимся милостыню и *зекат? Ведь я знаю, что ты не платишь с этих угодий и богатств ни десятины, ни пятины и никаких взносов в султанскую казну. Так дай же бедным установленный зекат с этих плодов, ибо «злейший из людей тот, кто ест один». Ведь сказали же великие мужи:

Мир этот помнит добрых мужей,
Сделать добра побольше успей.

— И теперь, — продолжала свинья, — когда события и превратности судьбы привели меня сюда, дай и мне долю из этих даров, ибо:

*Каждый получит долю из чаши мужей великих!

— Ты обязана это сделать, — говорила свинья, — ибо обычай великих мужей — это почитать гостей. А пророк сказал об этом так: «Гость входит в дом со своей долей и, уходя, уносит грех своего прихода». Гостеприимство в отношении чужестранцев свойственно верующим людям и благородным мужам:

*Нас рок одарит ли прекрасной *Лейлой,
И в Ливе вкусим ли мы прежний покой?
Все клятвы нарушены, жизнь протекла,
Но прежним обетам я верен душой.
Скажи обитателям *Вади-л-Хабиб:
«Пусть славу дарует вам рай пресвятой,
Мы жаждем воды, а колодец — у вас,
Щедрей одарите нас свежей водой!»

Услышав эти слова, сказанные стихами и прозой, обезьяна подумала: «Хотя свинья и я — существа, совершенно разные по внешности и природе, хотя у нас разные формы тела и наружность, тем не менее, если я в ответ на ее почтительные и искренние слова не окажу помощи и не обойдусь с ней ласково, то навлеку на себя обвинение в скупости и покрою себя позором жадности. А ведь ниспосланное писание по этому поводу гласит: «Не гони просителя, передавай благодеяния своего бога»».

Обезьяна проявила вежливость и учтивость и ответила свинье любезно:

— Добро пожаловать, здравствуй! Сядь, отдохни, сними башмаки.

Гость яствами и лаской одарен:
Почтенье к гостю — главный наш закон.

Потом обезьяна сбросила свинье инжиру с дерева, потрясла ветки, чтобы упало побольше. Свинья прошла долгий путь, у нее разгорелось желание, и она с жадностью набросилась на инжир. Когда она почувствовала вкус плодов, которые были сладки, как сахар, и приятны, как мед, ее алчность возросла, ее аппетит увеличился, и она стала умолять и упрашивать обезьяну:

— О сестрица! Я еще не наелась, а инжир твой только возбудил мой аппетит. Будь добра и милостива, ведь из-за стола великодушного хозяина не встают, не утолив голода, ибо недостаточно угостить гостя есть не что иное, как грех.

Обезьяна и на этот раз проявила любезность и потрясла ветки дерева. Свинья сожрала все плоды до единого, но чрево ее все еще было пусто, и она закричала:

— Стол царей — это пиршество изысканных яств, а не утоление голода. Но стол, накрытый для друзей, предназначен для еды и уничтожения. Согласно изречению «в третий раз — к добру», сбрось мне еще этих благ, угости еще раз меня своими дарами.

Обезьяна поняла, что у свиньи низменная природа, что под личиной красноречия у нее скрываются низменные желания и что ее красивые слова направлены на приобретение жирного куска. И она ответила:

— Эй, свинья! Я сбросила тебе столько, сколько хватило бы мне на три дня. Я встретила тебя приветливо и радостно, памятуя слова: *«Они предпочли его себе, хотя и были бедны». Но ты оказалась наглой гостьей. Если я сброшу к твоим ногам все плоды и листья, то ты и тогда не наешься да еще начнешь упрекать и поносить меня. А мне от этого будет урон в моих запасах. Смоковница приносит плоды только раз в году, по изречению: *«Она приносит каждый раз плоды по велению господа». А я в течение многих лет питаюсь ими.

Услышав речь обезьяны, свинья ответила:

— Ты не покупала инжира, и доныне никто не присваивал себе права над небом. Ты уже давно живешь здесь, наслаждаясь в свое удовольствие, уже долго скачешь по этим склонам и долам. И теперь тебе никак не устоять против моей силы и мощи.

— Если ты обидишь меня своей телесной силой или мощью и нападешь на меня, — прервала ее обезьяна, — то я взмолюсь в чертоге владыки владык, чтобы он призвал тебя к ответу и наказал за меня. «Воистину Аллах властен над своей волей». Он поистине всесилен и, без сомнения, всемогущ. Насильников он повергает своей карающей десницей в *зиндан, а тиранов бросает в яму.

Свинья от этих слов пришла в ярость, в ней вспыхнул гнев, и, она как пламя, метнулась на дерево. Когда она поднялась повыше, под ней подломилась ветка, она слетела вниз, разбила позвонок и отправилась прямой дорогой в ад.

*Даже в малом справедливость нарушаться не должна,
Тут не будет оправданьем даже кровное родство.

— Я для того привела эту притчу, — сказала невольница, — чтобы твердому и решительному уму шаха было ясно, что всесильный господь не приемлет насилия и не оставит без помощи ни одного обиженного.

Выслушав ее мольбу и видя ее слезы, шах приказал казнить сына. Четвертый везир, услышав о приказании казнить шахзаде, сказал палачу:

— Отложи казнь, я пойду к шаху и докажу ему вред поспешности и пользу отсрочки казни. И тогда посмотрим, что он прикажет.

Четвертый везир приходит к шаху

Четвертый везир, прославившийся своим благородством и добрым именем, пришел к шаху. После оказания почестей и принесения хвалы он сказал:

— Всевышний и всеславный Аллах дал падишаху царственные одеяния, сделал его примером для других владык, украсив и убрав все его поступки. Его похвальные качества и славословия ему по воле божьей не сходят с уст и языка людей, о них говорят повсюду, их слушают везде, они записаны в книгах. Слава о его покровительстве мужам науки и мудрецам распространилась в Аравии и *Аджаме, по всему свету. Молва о его справедливости и благородстве достигла самых отдаленных уголков мира. Цветник его щедрости расцвел так, что его свежие листья не завянут и не опадут от каких бы то ни было осенних ветров и зимней стужи. Расцвет его нравственных качеств достиг зенита, и ему не повредят ни превратности судьбы, ни коловращение времени. Падишах, для которого весь мир является родным домом, велениям которого покорны все люди, всегда шел путем справедливости. И если он по навету глупого существа погубит результат счастья и лучшую часть славы царства, — это будет противоречить религии и рассудку, и *муфтий разума не подпишет этого приговора. А когда молва об этой казни распространится через ворота столицы из уст в уста и дойдет до царей других стран, то они откажутся повиноваться этой державе, в стране возобладают дурные наклонности, а враги государства осмелеют. Во всем мире мудрецы и ученые, которые изучают дела людские, сочтут эту казнь чистым заблуждением и ошибкой, а везиров и *надимов назовут малоумными и недалекими. Справедливому и украшающему мир уму падишаха, перед которым солнце подобно тени, отбрасываемой стеной на лицо судьбы, — такому уму шаха известно, что для царей и эмиров нет большего недостатка, чем верить словам женщин. Недостойно разума также придавать значение и доверять их словам, которые порождены глупостью и сами порождают заблуждение. И тот, кто поверит в любовь и верность женщин, будет раскаиваться в этом и сожалеть, его

сердце наполнится скорбью, как это случилось у банщика с неким царевичем.

— Как это было? Расскажи! — приказал шах.

Рассказ о банщике, его жене и царевиче

— В минувшие дни и незапамятные времена, — начал везир, — жил в городе *Каннудже банщик, прославившийся своим богатством и достатком. Каннуджский царевич, который был по своей красоте чудом времени, а по округлости форм ожерельем на шее дней, приходил в эту баню. Банщик старался и служил ему, как только мог. Надо сказать, отец сосватал царевичу девушку из знатного рода. Тот готовился к свиданию и единению с ней, и уже скоро ее должны были ввести в его брачные покои.

И вот в один из этих дней царевич вновь зашел в баню. Банщик, как и раньше, прислуживал ему, растирая и нежно омывая его тело, которому завидовали роза и жасмин. Но чрезмерная полнота и женственная округлость форм скрывали его мужское строение, и банщик, растирая его тело, не ощутил в нем признаков мужественности. Увидев, что банщик чем-то огорчен и даже проливает слезы, царевич спросил:

— Чем ты огорчен и озабочен? Зачем ты плачешь?

Плачь усердней и горше вздыхай, ведь случилась беда:

Не подходят тебе этот воздух и эта вода!

Банщик ответил:

— В силу любви и расположения, которые я питаю к тебе, я смотрю с уважением на твое приятное тело и вижу соразмерность всех членов, округлость форм и свежесть кожи. Но слишком мало в нем признаков мужественности, — ничтожно дерево, плодоносящее людьми, а ведь это порочит настоящего мужчину, роняет его достоинство…

И мне стало жалко тебя, тем более что вскоре в твои покои введут новобрачную, и *Муштари и Луна дадут там представление. Твои друзья и враги будут ожидать свершения в этой комнате их желаний, вся страна придет взирать на это пиршество и участвовать в нем, а небосвод споет под звуки органа небесных сфер такую *газель:

Счастье, идешь ты за свадьбою этой вслед,
Значит, желаньям отныне отказа нет.
Сватают месяцу — каким горд небосвод! —

Яркое солнце, что дарит тепло и свет.
Пусть же сопутствует счастье этой чете,
Пусть будет каждый счастьем ее согрет.
Если два светоча вместе соединить,
То уничтожится мрачное царство бед!

— Я опасаюсь, — продолжал банщик, — как бы ты не уронил своего достоинства на брачном ложе, предаваясь наслаждениям в объятиях девственной невесты. Тогда возликуют твои враги и предадутся печали близкие и друзья.

— Ты говоришь это, — ответил ему царевич, — из чистых побуждений и расположения ко мне. Я сам уже долгое время страдаю от предчувствий, которые терзают меня. Но у меня не было близкого друга, которому я мог бы довериться, и я не стал разглашать этой тайны. Но поскольку ты уже начал, то тебе следует помочь мне и постараться в этом деле. У меня в кармане лежит несколько золотых динаров. Возьми их и найди в городе какую-нибудь красивую женщину, чтобы я мог испытать себя в общении с ней, и тогда станет для меня ясным, годен ли я к тому, чтобы стать мужем.

Банщик вышел из бани, взял деньги. Светлые и круглые динары улыбались ему, как розы, и блистали, словно Луна и *Зухра в темноте, и он подумал:

*Желтизна его — как солнце, что всегда горит вдали,
Освещая и лаская каждый уголок земли.

Звон его, как звуки песен, слышится в любой стране,
Ведавшие тайны злата все богатства обрели.

Все, что создано на свете, без него не обошлось,
На челе его лучистом люди истину прочли!

Алчность и корысть возобладали в его сердце, бес-искуситель захватил повод его желаний, и он решил:

— Моя жена красива, изящна, кокетлива. Я попрошу ее принарядиться и одеться как следует и побыть часок с царевичем. Он ведь при своих возможностях и способностях не сможет ничего с ней сделать дурного, я же употреблю эти деньги на свои нужды.

Он вошел в спальню и рассказал жене обо всем. Она тут же оделась, принарядилась и пошла в баню, словно ликующая возлюбленная к тоскующему любовнику, или словно *Азра к Вамику.

Она вошла кокетливо и грациозно. Увидев ее красоту и оценив прелести, услышав ее искусные и приятные речи, царевич залюбовался стройностью стана и соразмерностью форм ее тела. В нем зародилось желание, вспыхнула подлинная страсть, придавшая ему силы. От охватившего его волнения, трепета страсти кровь наполнила его жилы, аромат желания вскружил ему голову…

И в груди стучало сердце: «Нечестивец, как дела?
Не забудь, в твоих объятьях нынче грешница была».

Короче говоря, после долгих усилий страсть пробудилась, как змея, покинувшая свою кожу, готовая пролить кровь, посеять смуту…

В задумчивости губы он разжал,
И хмурый лик веселым показался.

И змея скрылась, как уж в норе, — казалось, что о ней сказал поэт:

Эту вашу ящерицу, вижу, злая страсть заполонила вновь,
Хоть коли на голове орехи, но владеет ей одна любовь.

И он завершил полный круг желаний, а женщина была как мельничный жернов, как сито в его руках. Банщик же тем временем наблюдал через дверную щель, видел воочию эти приливы страсти, эту ярость желания. Ему стало стыдно и больно за себя, и он закричал жене:

— Выходи, живо!

Но жена, опутанная кудрями царевича, плененная его красотой и мужественностью, не могла ничего ответить. Тогда муж стал выкрикивать угрозы и проклятия, она же отвечала ему насмешками:

— Отойди в сторонку, подожди часочек, царевич еще не разрешает уйти, еще не пускает меня…

И она прильнула к царевичу, обвила руками его стан, как ремнями, и говорила в экстазе:

Сердце не хочет, мой друг, бороться с любовью к тебе,
Зная: красавца любовь достается в жестокой борьбе.

А царевич — с постоянством чередующихся дней и ночей — водил коня наслаждения по лугам страсти… И сколько ни кричал, ни грозил жене банщик, она неизменно отвечала: «Жди, пока царевич не **от**пустит меня».

Банщик пришел в отчаяние, — ему стало стыдно своей глупости. Он пошел в поле и повесился на каком-то дереве, лишившись благ и того и этого мира.

Тому, кто подлость совершил и не подумал о позоре,
Потом придется испытать и неожиданное горе.

А жена банщика, когда вышла из бани, притворилась, что не узнает мужа, и стала превозносить царевича:

Вода пролилась, и что-то в сосуде случилось:
Вылилось что-то, сказавши: «Ну вот, совершилось!»

— Я рассказал эту историю затем, — сказал везир, — чтобы шах не верил словам и поступкам женщин, чтобы он не принимал на веру их клятв и обещаний. Если шах разрешит, то я расскажу еще кое-что об их хитростях.

— Говори! — приказал шах.

Рассказ о влюбленном, старухе и плачущей собаке

— Я слышал, — начал везир, — что когда-то жил юноша очень красивый и богатый. Он повидал свет, испытал превратности мира — и зной, и стужу, — служил царям и султанам в различных *диванах. Цари уважали и ценили его за благовоспитанность и благородство.

Однажды на главной улице увидел он высокий дворец в красивом окружении с широкой колоннадой. Как это бывает в подобных случаях, юноша взглянул наверх. Он увидел девушку, подобную гурии в райском дворце, юному отроку в раю. Она озаряла своей красотой вселенную, от аромата ее локонов благоухал весь мир. Глаза у нее — как у серны, сама вся была «дозволенным волшебством», прозрачна, как вода райского источника, легка, как дуновение ветерка, была словно *Солнце в созвездии Близнецов, *Луиа в созвездии Рака. Отблеск ее лица озарял весь мир.

Юноша был поражен и изумлен ее красотой и томностью, он подумал:

> «Не сама ли лучезарная *Зухра спустилась с голубого небосвода?
> Не ангел ли небесный снизошел на нашу землю?»
> Шея, словно из слоновой кости, делала ее еще прекрасней,
> Талия ее была тростинкой, тоненькою, гладкой и блестящей.

*** * ***

> Луна потупилась перед лицом прекрасным,
> *И* *мускус, родинку увидев, стал несчастным.
>
> Сам кипарис глядел на стан твой взглядом страстным,
> А роза ворот свой рвала пред ликом ясным.

Это была Луна, красоте которой завидовали Солнце и *Нахид. Солнце, стыдясь ее щек, набрасывало на себя покрывало, мускус и амбра скрывались в изгибах ее локонов.

Дева, о щеках которой солнце и луна мечтают,
Ты весна, чьи губы вечно мед и сахар источают,

Если сядешь ты, повсюду успокоится волненье,
Если встанешь, то зажжется в тысячах сердец томленье.

Каждый миг гурии покрывали ее лицо ароматной *галие, а райский страж *Ризван устремлялся к ней, читая стих:

Вот она проходит гордо, гибкой веточки стройней,
Жемчуга в ее улыбке, запах мускуса над ней.

*** * ***

*Эта пери сияла светлее зари,
Перед нею склонились кумиры, цари.

Разве кудри ты видишь? Нет, то караваны,
Что дойдут до Луны, до дворца *Муштари.

Разум подавал голос: «Проходи! Не заглядывайся! Ибо святейший пророк и посланник наш повелел: *«Не отвечай взглядом на взгляд, ибо первый взгляд принадлежит тебе, а второй — направлен против тебя»».

На улицу гибели, сердце, не делай напрасного шага,
Останься на месте, — умрешь ты! Теперь безрассудна отвага!

Любовь и сжигающая душу страсть восклицали одновременно: «Любовь — дар таинственный, это беспорочная тайна»»

Надо клятвы праведных нарушить
И с любовных тайн сорвать покров;

Сохрани лишь душу, все сжигая,—
Искони закон любви таков!

Одним словом, юноша лишился покоя, он ходил из конца в конец улицы и повторял:

Я стал ходить у ее ворот,
Увижу ее, — душа оживет;

Умру я, не видя ее красот,—
Дай стражей ее обмануть, небосвод!

Сама девушка с балкона заметила юношу. По его смущению и растерянности она догадалась, что похитила его покой и терпение своими кокетливыми локонами и жестоким взглядом, что душа и сердце юноши принесли плоды в саду любви. И она, как это свойственно красавицам, открыла двери балкона.

*Лейли увидела, как я ее люблю,
И отдала меня мучениям во власть.

Мне сердце жгла тоска, которой равной нет,
И разрывала грудь клокочущая страсть.

*** * ***

Люблю тебя, о деле позабыв, хоть очень важно это дело!

Мне в грудь судьба вонзила острый шип.
Как глубоко он впился в тело!

Настало время вечерней молитвы, но он не услышал даже аромата свидания с возлюбленной. Он вернулся домой с тоскующим сердцем, со слезами на глазах и провел ночь без сна, скорбя и стеная, словно ужаленный змеей; ни покоя не находил он, ни силы бежать прочь и лишь читал беспрестанно эту *газель:

*Кто тебя всем сердцем полюбил,—
Позабыв покой, лишился сил.

Розы щек меня рукой мечты
Будят вновь, лишь очи я смежил.

Лик нахмуришь, — сотни городов
Превратятся в тысячи могил.

Слышал я: колдун любви в тебе
Силу зренья удесятерил.

Смертоносней пламени и бурь
Слезы, что в разлуке я пролил!

Он провел в томлении всю ночь, пока на востоке не забрезжил *истинный рассвет, пока *муэззин не воскликнул: *«Спешите на молитву!» — и пробудитель-петух не закричал: «Спешите! Утро!» Он же неизменно повторял *бейт:

Друзья, вы спите, а я страдаю, — придите спасти меня.
Молнии глаз блеснули в Йемене, — здесь пал я от их огня.

*** * ***

Бражники, встаньте скорей, ведь утро — пора похмелья,
Вдыхайте свежесть росы в знак торжества веселья!

И вот утренний ветерок стал услаждать душу и призывать ее проснуться. Юноша, с бледными ланитами и тоской в сердце, вышел из дому в поисках лекаря, который вылечил бы его от любовного недуга, надеясь, что он обезвредит желчь этой тоски зельем и успокоит душу, готовую покинуть тело из-за разлуки с возлюбленной.

Лекарь пощупал пульс. «Любовь», — он вымолвил слово.
Ах, как он верно сказал! Разорваться сердце готово!

Взглядом я тайну тайн выдал, наверно, ему.
Лекарь, молчи о ней, ради креста святого!

Раздумывая так, он пришел к решению и сказал себе: «Надо отправить к ней послание и рассказать о моем раненом сердце и изнывающей душе. И, быть может, она смилостивится и будет благосклонна, ибо благородный человек не станет ненавидеть того, кто влюблен в него, так же как лучезарное солнце, обходящее всю вселенную, — царь звезд и владыка светил, — находясь в апогее своего величия, не презирает мельчайшей пылинки. Ведь даже румяноликая в зеленом одеянии, с кокетливым взором, будучи царицей ароматных лугов и украшением садов, не стыдится соседства с шипами. Может быть, мои тяжкие вздохи подействуют на нее, а мои слезы увлажнят ее глаза, которые не ведают слез. И тогда расцветет роза свидания, стряхнув шипы разлуки».

С этими мыслями юноша взял *калам и бумагу и написал эти страстные излияния:

*Увы, кумир души моей, ты душу у меня украла.
Ты — очи сердца моего, и сна мои лишились очи.

Когда тебя пред взором нет, — пусть я хоть час тебя не вижу, —
Ты в мыслях у меня живешь, всех дум моих ты средоточье.

Умению слагать стихи меня страданья научили.
Поэт я, — люди говорят, — но с каждой строчкой жизнь короче.

Ты в сердце у меня живешь, хотя живешь ты в отдаленье.
Привет, далекая, тебе, хоть ты со мной и дни и ночи!

*** * ***

Жестокую в горестном мире настигнет беда наконец,
И сердца жестокой молитва коснется тогда наконец.

Пусть боль в моем спрятана сердце, но боль не останется в нем,
А выльется в мир и затопит его, как вода, наконец.

Затем юноша описал вкратце свою любовь, дал возлюбленной знать о страждущем сердце, о тайне своей и отправил письмо к ней с доверенным лицом.

Когда девушка получила письмо и прочитала его от начала до конца, она сказала:

— Передайте этому юноше, чтобы он больше даже и не пытался говорить об этом. Пусть он не равняет меня с другими женщинами, не болтает попусту, не стремится к недосягаемому, пусть не раскалывает расколотые орехи и не бьет молотом по холодному железу, ибо:

Пусть лик его станет луной, — вовек на него не взгляну я.

— Пусть он знает, что я при всей своей красоте целомудренна, никогда пыль подозрения не сядет на мое одеяние добродетели и моя роза-чистота не будет запятнана шипом-позором.

Услышав такой ответ, юноша вспомнил:

На несправедливости любимых каждый раз нельзя нам обижаться,

И нельзя обиды друга помнить, из-за них не стоит огорчаться.

*** * ***

*Я новые песни любимой спою,
старинного золота высыплю груду.
За золото милую я не куплю?
Ну, что же, любовь за слова я добуду!

Затем он сказал себе: «Из письма ничего не получилось, — надо от пера перейти к золоту и дорогим одеждам».

Раздобудь где-нибудь серебро, если хочешь,
Чтоб тебя золотым в наше время сочли;
У фиалки нет золота, как у нарцисса,
И фиалка склоняет свой стан до земли.

Юноша отправил возлюбленной вместе с письмом золото ***и*** драгоценные одежды, но она только сказала:

— Передайте этому юноше, что
Нет, не поможешь златом в этом деле.

— Если бы можно было достичь посредством золота желаемого и искомого, то все сердца влюбились бы в рудник — вместилище сокровищ. Если бы каждая красавица бросалась в объятия из-за шелков, то шелкопряд — основа всех шелков и атласов— был бы возлюбленным всех душ. Брачная комната, хоть она и разубрана, не предназначена для покоя. Золотые кольца хороши на шлее под хвостом мула, а не в ушах пленительной красавицы.

Не любило б золото ослов, — в жизни стало б многое иначе, И под хвост ослу златых колец не одел бы тот, кто побогаче.

Она вернула назад золото, одеяния и письмо с таким грубым ответом. Огорченный и удрученный юноша слег в постель и стал от тоски петь любовные стихи:

Мы больны, — но кто излечит наш недуг?
Мы удручены, — но где же верный друг?
Что же нам дано от счастья и отрады?
Лишь мечта о ней и сердца вечный стук!

Розовые щеки юноши от переживаний стали шафранными; под бременем скорби и разлуки, которые достались ему от судьбы, его стан, стройный, как стрела и кипарис, согнулся, как лук, разбитый превратностями судьбы и бурями событий. Он жил только мечтой о свидании и утешал себя такими стихами:

Твой призрачный образ в томительном сне
Прохладным напитком приходит ко мне.

*** * ***

Каждой ночью образ милой вновь приходит
И с собою радость краткую приносит.

С вечера до самого утра, от сумерек до зари он проводил время на улице, где жила возлюбленная, надеясь, что его коснется дуновение ветерка, веющего из садов свидания. Безмерная скорбь и безграничное горе поселились в его сердце, пламя разлуки сожгло гумно его терпения, а он лишь читал стихи:

*Ослабеет и погаснет пламя яркого костра,
А огонь, горящий в сердце, никогда не затухает.
Я бранил влюбленных прежде, но любовь изведал я,—
Странно мне, что умирает тот, кто о любви не знает.

Но вот однажды к юноше пришла одна старуха. Лучник-судьба заменила прямоту ее стана горбом, *зной дней рассыпал шафран на ее тюльпанах-щеках и камфару — на лужайке ее гиацинтов. Она взглянула на юношу и увидела, что цветник его красоты поблек и завял, что свежесть *аргувана его щек сменилась шафраном. Старуха стала пытливо разглядывать его, пытаясь разгадать причину его изнурения и желтизны, и догадалась, что юношу бьет любовная лихорадка и изнуряет жар разлуки, что именно по этой причине пожелтели его щеки.

— О юноша! — обратилась она к нему. — Почему солнце твоей юности потемнело? Почему цветник твоей молодости завял в самую весеннюю пору? Если твой недуг — любовь, то можно найти лекаря.

Выслушав эти намеки, юноша вздохнул глубоко и пролил горючие слезы. Старуха, разгадав тайну любви и определив, что причиной является разлука, сказала юноше:

— *«Ты напал на знатока». *«Ты нашел того, кто нужен тебе». Расскажи о своих злоключениях, ибо пока не пощупают пульс, не установят болезнь! А если болезнь не определена, невозможно и лечить ее.

Юноша ответил:

*Для путников пустыни ночь длинна.
О ночь влюбленных! Всех длинней она.

— Рассказ о моей скорби длинен, в нем перемежаются горы и долы.

Не спрашивай меня, молчи и дай мне умереть в страданье:
Возлюбленная далека, и нет надежды на свиданье.

*** * ***

Насилия судьбы на мне ты видишь след? Не спрашивай напрасно.

Ты видишь — на щеках моих румянца нет. Не спрашивай напрасно!

Не спрашивай, о друг, что в доме у меня, зачем тебе все это?
Кровь у дверей моих — достаточный ответ. Не спрашивай напрасно!

— По ночам я страдаю и тоскую, днем горю и сгораю. Прошло уже много времени, как возлюбленная разбила мое сердце и подвергла мою душу неисчислимым мукам разлуки. Я не могу добиться свидания с ней, ее роза-красота дарит мне лишь шипы, и я сношу эти насилия.

Любовь и терпенье враждуют жестоко,
Нет друга, измучился я, одинокий,

А сердце давно потеряло надежду,
Назад не идет, не страшится упрека.

Старуха выслушала юношу и сказала:

Хотя надежды нет, оставь тоску, о друг!
Придет, придет конец и бесконечных мук!

— Будь эта девушка целомудренна, как *Рабиа, — я брошу камень в свечу ее добродетели. Будь она лучезарна, как *Зухра на голубом небосводе, — я заманю ее приманкой в силок.

На другой день старушка приняла облик праведницы, понавесила на шею всяких амулетов, взяла в руки четки и посох и отправилась в дом той женщины. Она стала выдавать себя за благочестивую подвижницу и целиком завладела ее сердцем. Она ежечасно предавалась делам благочестия, читала молитвы и славословия Аллаху. Днем она постилась и ничего не ела, а вечером, если ей

приходилось заночевать в покоях хозяйки, она съедала, чтобы разговеться, ячменную лепешку и этим ограничивалась.

— Пшеница развращает людей, — говорила она при этом, — ячмень же — пища пророков и святых.

Старуха вела такой образ жизни, и хозяйка все больше проникалась доверием и уважением к ее праведности, набожности и добродетели; надежность старухи в мирских и религиозных делах для нее становилась с каждым часом очевиднее. Короче говоря, лестью, обманом и хитростью старуха опутала девушку и в заключение могла сказать себе:

Пускай ты даже в ветер превратишься, — вкруг ног твоих я прахом обовьюсь!

Тогда старуха взяла в дом щенка, стала ухаживать за ним и ласкать его, пока он совсем не привык к ней. И вот однажды она испекла несколько лепешек, подсыпав в тесто перец и *руту. Затем она вместе с собачонкой пошла к девушке и во время беседы стала отламывать от лепешки кусочки и бросать собаке. Та поедала их, но от перца и руты у нее из глаз текли слезы. Вместе с собакой заплакала и старуха, тяжко вздыхая. Девушка, увидев слезы щенка и старухи, спросила:

— Матушка, почему собака плачет? Что с ней? Почему она льет скорбные слезы?

Старуха ответила ей изречением: «Не спрашивайте о том, что причинит вам горе, когда узнаете».

Девушка продолжала настаивать, а старуха отнекивалась, пока не вывела ее из терпения. Девушка стала заклинать и просить ее, и, наконец, старуха начала:

— О девушка! Да поразит твоих врагов такая же напасть, какая поразила ее вдали от тебя. Ее горестная история поразительна, редка и удивительна.

*Мы спокойно жили, но потом увидали чудеса любви
И забыли мудрые слова: «Не тревожась, долгий век живи!»

Услышав ее речи, девушка изумилась, а потом промолвила:

— Это знамение, посланное мне богом, ибо *«тот, кого ведет бог, идет верным путем».

Как часто за дары благие мы бога не благодарим!
А между тем Аллах великий — отец деяньям всем благим.

— О, матушка! — продолжала она. — Расскажи мне все о ней, о ее жизни, о том, что случилось с ней.

— Знай же, — отвечала старушка, — эта собачка— дочь одного из эмиров нашего города. Я была своим человеком в его доме, доверенной особой, и жизнь моя протекала под сенью его покровительства. Однажды мимо их дома прошел прекрасный юноша. Он посмотрел на дочь эмира, и от одного ее взгляда перестал владеть собой, в сердце его водворился владыка любви и разбил в его душе огненную палатку. Юноша днем и ночью плакал от разлуки с ней, проводил дни, скорбя и тоскуя. А девушка, живя счастливо, по юности своей и из-за красоты была несправедлива к нему, пренебрегала им и презирала его. Из-за своего покрывала, как кокетливая роза, она насмехалась над юношей, а тот рыдал от тоски все дни напролет и произносил эти стихи:

О солнцеликая! Хоть ты самодовольна,
Но мусор озаряешь ты невольно.

В печали я, как туча, горько плачу.
Как роза, ты кокетством колешь больно!

— Но она и не обращала внимания на переживания юноши, ее не волновали его утренние стоны. И юноша от тоски по ней лишился жизни, вручив свое скорбное сердце и разбитое тело праху. Памятью о нем остались лишь эти стихи:

Клянусь я именем того, кто был всегда мне господином,
К кому летят мольбы людей, клянусь *владыкой Арафата —

Другой любимой не хочу! А я доверия достоин:

Ведь благородный счесть меня, любимая, готов за брата.

Откликнусь я на голос твой, восстанут тлеющие кости,
Коль над могилой скажешь ты, что это для тебя утрата.

— Всевышний бог, — продолжала старуха, — разгневался на девушку и превратил ее в собаку.

О красавицы, чьи взоры смертоносны и отрадны,
Вам Аллах дарует прелесть, так не будьте беспощадны!

— Собака-девушка поселилась в моем доме и ныне никому не показывается на глаза от стыда. Вот уже два года, как я ухаживаю за ней, и я никому еще не раскрывала этой тайны. И странно, что как только она увидит красивую женщину, тотчас же проливает слезы скорби.

В историях влюбленных много слез.

Девушка выслушала внимательно рассказ старухи и промолвила:

— Я извлекла урок себе из этой истории.

*С таким расчетом рок вершит у нас дела,
Чтобы беда одних другим на пользу шла.

— Вот уже давно, — продолжала она, — в меня влюблен какой-то юноша. Из-за любовных переживаний его лицо, подобное полной луне, стало тонким, как полумесяц, сам он похудел и осунулся. Он бродит и кружит по нашей улице, прах у стен и дверей нашего дома — это его *Кааба. Он написал мне много посланий с описанием своей чистой любви и восторженного чувства. А я на его нежные слова дала резкий ответ и ранила его сердце.

Выслушав девушку, старуха изменилась в лице и стала убеждать ее:

— Душенька! Ты погрешила, обидев его! Берегись, не жалей бальзама для раненных любовью! Не презирай опутанных тенетами любви. Тот, кто не поможет пораженным любовью, будет растоптан

судьбой. Тот, кто не пожалеет страдающих от разлуки, сам будет разлучен.

— О матушка! — отвечала девушка. — Я запечатлела в сердце твои назидания, даю тебе клятву, что впредь буду следовать твоим советам и стану ласкова к нему.

*За полу одежды друга я схвачусь,
И *его кольцо продену в ухо!

— О, мать моя! — продолжала девушка. — Ты посвящена в мою тайну, ты озарила своим светильником мою комнату, ты даешь искренние советы, заслуживаешь доверия, и, если бы не твои благожелательные поучения, меня постигло бы несчастье. Когда ты увидишь этого юношу, не пожалей слов, чтобы он простил меня, и сделай то, чего пожелает его благородное и великодушное сердце.

Старуха тут же покинула девушку и сообщила юноше радостную весть:

Любимая теперь сменила гнев на милость. Да будет так!
Неверие ее в доверье превратилось. Да будет так!

Юноша из долины отчаяния обратился к *Каабе исцеления. Когда он подошел к дому возлюбленной, она благодаря своей смышлености догадалась, что к ней пришел влюбленный. По запаху испепеленного сердца почувствовала она, что он стремится к ней. Она выбежала к нему взволнованная и радостная и позвала его томно:

Возлюбленный, приди! Тоскуешь ты, любя.
Поверженный тоской, я подниму тебя!

Короче говоря, под руководством набожной старухи-праведницы, благодаря ее хлопотам влюбленный соединился с возлюбленной, ищущий обрел предмет желаний. Они провели, наслаждаясь, долгую жизнь. О, спаси нас, Аллах, от расположения владык и гнева палача!

Плащ, что ты грехами запятнал,
Никакой водою не отмоешь!

*** * ***

— Я рассказал эту повесть затем, — закончил везир, — чтобы украшающему мир уму шаха стало известно, что хитрость женщин беспредельна, а коварства их неисчислимы.

Когда шах постиг сокровенный смысл этой повести, содержание которой — заглавный лист коварств и сущность хитростей, — то повелел отвести царевича в темницу и отсрочить казны.

Невольница приходит к шаху на пятый день

Когда чреда дней подошла к пятому, то вопли невольницы о помощи достигли небесных светил. Она думала: «Если я допущу промедление в этом деле, то заговорит царевич и снимет покров с этой тайны. Везиры всеми силами стараются спасти его и защитить, чтобы погубить меня; они дают шаху советы по делам государства и религии. Я выпущу сегодня все стрелы, которые есть в колчане, пущу в ход все хитрости».

И она, плача и стеная, причитая и рыдая, пришла к шаху. После подобающих почестей, поцеловав землю перед троном, воздав хвалу шаху, она сказала:

— Да не затмит ум везиров солнца разума шаха! Да не повредят глазам справедливости шаха шипы ударов судьбы! Шах не относится благосклонно к моей жалобе: он, поверив лживым словам везиров, не воздает по справедливости своей давней служанке, которая выросла в его гареме, он не обращает внимания на этот странный случай, пренебрегает этим серьезным проступком, не поступает согласно разуму, который управляет всеми делами мира и людей. Шах не хочет поразмыслить и не желает знать, что малые дела с течением времени становятся опасными, немногочисленные — многочисленными, подобно тлеющему угольку, который может сжечь и уничтожить целый мир:

Ведь из-за искорки одной порой сгорает целый город.

— И хотя искры огня возникают от ударов огнива и трения трута, но, раз появившись, они превращают железо в воск, а камень — в воду. Точно так же малые события и слабые враги, если пренебрегать ими или презирать их, могут повлечь великие последствия, которые сопряжены с большими трудностями и опасностями и которые даже трудно представить себе и невозможно постичь разумом.

*Враги твои — горсть муравьев — они змеи теперь!
О шах, уничтожь муравьев, превратившихся в змей.

О шах, торопись, драгоценное время идет,
И станет драконом змея через несколько дней!

— И если падишах хочет иметь ясные доказательства и убедительные доводы, то я расскажу о том, как погиб целый город из-за капли меда и как было загублено семь тысяч человек.

— Как это случилось? — спросил шах.

Рассказ об охотнике, моде, собаке, ласке и бакалейщике

— Я читала, — начала рабыня, — что в древние времена, в минувшие века у одного охотника была дрессированная собака, широкогрудая, как барс, тонконогая, поджарая, широкозадая, с обвислыми ушами, с поднятым трубой хвостом; она сочетала ярость орла с мощью льва, мощь слона с быстротой волка и хваткой крокодила. Словно вихрь в пустыне, словно ураган на просторах, она на лету хватала птицу и догоняла в степи серну.

*С мощной грудью, худая, поджарая и молодая,
Нападает проворно она, неуемная, злая.

Видит сзади и спереди, взгляда с врага не спуская,
Как при помощи зеркала хитрость его наблюдая.

Сядет — как бедуин, что застыл у костра, не мигая,
По холмам побежит, — скажешь ты, что дорога прямая.

Ног ее не увидишь: они исчезают, мелькая,
Удивишься, как может лететь она, ног не сплетая.

Где же след ее? Или несется она, не ступая?
Словно ветер летит она, спину кольцом изгибая,
Хвост блестит безволосый на солнце, лоснясь и сверкая!

Весь заработок охотника и пропитание его семьи зависели от этой собаки. Так они и жили. Однажды охотник в горах побежал за добычей, и вдруг перед ним открылась пещера. Там он заметил щель, из которой капал мед. Он стал вглядываться и увидел рой пчел, устроивших там улей. Пчелы и днем и ночью собирали нектар с цветущих деревьев и трав в окрестностях гор. Они то садились на розы и гиацинты, то порхали над нарциссами, — припасали на зиму

мед с различных цветов. При входе в улей были расставлены пчелы-привратники для защиты от посторонних. Увидев все это, охотник подумал: «Я набрел без всякого труда на клад, без усилий мне достались сокровища. Ведь говорят: «Коли ищешь — будь упорен, коли нашел — используй». Я не знаю богатств верней и трудов праведней этих. Теперь я ежедневно буду забирать отсюда мед, и это обеспечит мне жизнь».

Охотник набрал меда в сумку и, придя в город, снес его бакалейщику. Узнав цену, бакалейщик положил мед на весы. Он уже собирался взвесить его, когда капля меду упала на пол. А он держал в лавке ласку, обученную и дрессированную, которая ловила и уничтожала мышей.

Увидев каплю меда, ласка подбежала и слизнула ее. Собака охотника, по своей привычке, зорко следила за ней. В ней проснулись инстинкт и выучка, она прыгнула на ласку и придушила ее. Бакалейщик, когда убили его ласку, вспылил, бросил камень в голову собаки, и та околела. Но тут охотник обнажил свой меч, ударил бакалейщика и отсек ему руку. Другие торговцы, увидев своего товарища в беде, стали бить охотника и забили его до смерти. Вести об этом дошли до правителя города: мол, у какого-то бакалейщика без вины отрубили руку, а базарные торговцы во время свалки убили охотника. Он собрал стражников, чтобы прекратить беспорядки и погасить пожар смуты и волнения городской черни. Но мятежники вступили в схватку со стражей правителя и произошло жестокое побоище. Кончилось тем, что было убито семь тысяч человек, а город пришел в запустение. Ведь есть же поговорка, что «сто лет насилий царей стоят двух дней мятежа черни».

— Я довела эту повесть до благословенного слуха падишаха — да дарует Аллах ему только радость, — продолжала невольница, — чтобы ему стало известно, что шип смуты подтачивает основы державы и, если не искоренить его вовремя, ее вредные качества вызовут много неприятностей и бедствий и справиться с ней будет не так-то уж легко.

*Сделай привалом для всадника мир этот дольний, Аллах,
Чтобы в сердца беззаботных вселить перед будущим, страх.

*** * ***

Кто смуте и козням конец не кладет,
В конце концов сам головы не снесет!

— Я лишилась надежды на справедливость шаха, — закончила свою речь невольница, — поэтому вынуждена обратиться за помощью в чертог всеславного творца, принести жалобу великому посланнику Аллаха, ибо тот, кто стучит во врата Аллаха, не ошибается.

Шах после этих слов пришел в ярость и тут же приказал казнить шахзаде, чтобы день казни стал датой торжества законов справедливости и правосудия, чтобы весь мир знал, что он не дает поблажки даже куску своего сердца, зенице своего ока, что ни к одному чужеземцу не проявит несправедливости, поскольку великие мужи сказали: «Главенство зиждется на наказании».

Когда весть об этом дошла до пятого везира, он велел палачу повременить с казнью.

— Погоди, — сказал он, — пока я не навещу шаха и не объясню ему вред торопливости в смертных приговорах. Я постараюсь уговорить его отсрочить казнь, посмотрим, что он повелит.

Пятый везир приходит я шаху

Пятый везир, чей твердый ум был светилом на царских собраниях, а ясный разум — ключом для разрешения самых трудных задач державы, пришел в тронный зал шаха. После оказания почестей и приветствий он сказал:

— Весь мир должен благодарить Аллаха за все новые оказываемые им благодеяния. Еще большую благодарность обязаны приносить те слуги и служители господа, которые живут под сенью милостей и благосклонности шаха, ибо все, что желают и о чем мечтают они в своей жизни, все, что только может представить себе человеческая мысль, все почести и блага обретаются благодаря щедрости вашего величества. Эти благодеяния превосходят заслуги и права тех, кому они оказываются, и нет большей благодарности, чем предупредить благородный и справедливый сан шаха от порицаемых действий и осуждаемых поступков. Если падишах по торопливости отдает приказание о казни, то я постараюсь привести доводы в пользу отсрочки ее. Сейчас шах — только по навету и поклепу, доказать которые разум не в силах, а опровергнуть очень легко — приказал казнить без причины царевича и тем самым разорвать ожерелье его жизни, которое снизано из самых драгоценных жемчужин бытия. И если шах не поразмыслит сперва над этим делом, если он не взвесит тщательно и старательно его начало и конец, то раскается, как это случилось с тем купцом-чревоугодником, который не подумал как следует вначале, и пришлось ему раскаиваться и сожалеть под конец, хотя сожаление было уже ни к чему.

Падишах велел рассказать, как это случилось.

Рассказ о купце-чревоугоднике

— Передают, — начал везир, — что жил один купец, который злоупотреблял едой. Ради корысти и выгоды он обошел почти весь свет, заключал выгодные сделки на суше и на море, совершил много путешествий по разным странам и накопил таким путем огромные богатства. Но все его помыслы были направлены на то, как бы получше поесть, чего бы отведать повкуснее. Все наслаждения мира для него ограничивались едой и питьем. От прожорливости казалось, что все его органы превратились в рот, что повсюду на теле у него выросли зубы. И, несмотря на силу и здоровье, он считал дурным всякий климат, и никакая вода не нравилась ему. По своей мелочности, придирчивости, злонамеренности он хулил даже воды *Кавсара и отворачивался от даров божьих. В какой бы город он ни вступал, он первым делом отправлялся на рынок и обходил там съестной ряд.

Однажды он, словно жаждущий верблюд или голодный дракон, сел на коня аппетита и пошел по базару, посматривая по сторонам, выискивая, чего бы поесть. Вдруг вблизи одной лавки он увидел девушку в чистой одежде; у нее был красивый поднос, на нем лежали лепешки из пшеничной муки, замешанной на масле с медом. Она устроилась с подносом на проходе и поджидала покупателей, грациозная и прекрасная. Казалось, что лепешка была диском солнца или луны или лицом гурии, что это лица отроков блестят во дворце, что *Зухра и *Муштари излучают свет.

Луною казалась лепешка в ее руках,
Полной луною, чей краешек в облаках.

Лепешки очень понравились купцу, проникли в его душу и сердце. Придя домой, купец немедленно послал на базар рабыню с наказом: «В таком-то месте стоит девушка с такими-то приметами. Купи у нее на эти деньги лепешки и договорись с ней, чтобы она впредь никому не продавала этих лепешек, так как ты будешь их брать».

Невольница, по воле своего господина, отправилась на базар и купила лепешек. Купец долгое время ничего не ел, кроме них. Но в один прекрасный день девушка с лепешками исчезла, и купец сильно тосковал в разлуке с любимым кушаньем, к которому его нутро так привыкло и привязалось. И он послал свою невольницу с приказом во что бы то ни стало разыскать жилище той девушки и привести ее к нему.

Рабыня пришла к тому месту, где обычно бывала девушка с лепешками, и стала расспрашивать соседей о местопребывании ее. Когда же узнала, где находится ее дом, то отправилась прямо к девушке и обратилась к ней любезно, вежливо и просительно, как только могла:

— Мой хозяин просит тебя пожаловать к нему.

— Добро пожаловать тебе и тому, кто послал тебя, — ответила девушка и отправилась в дом купца.

Когда она пришла, купец спросил ее:

— Почему ты больше не выпекаешь лепешек и не продаешь их?

— До сегодняшнего дня, — ответила девушка, — мы нуждались в этом, а теперь этой нужды и необходимости нет.

Купец стал расспрашивать, что за нужда это была, и она ответила:

— До этого дня у нас были причины, а теперь их нет.

Купец начал допытываться об этих причинах, и она сказала:

— У моего хозяина на ноге была раковая опухоль. Она сильно увеличилась, и лекари велели ему прикладывать к опухоли тесто из первосортной муки на меду, чтобы оно постепенно высасывало гной. В течение двух месяцев я прикладывала такой пластырь и эти примочки. Когда я снимала их с опухоли, то подмешивала еще муки с маслом, пекла лепешки и продавала их. Теперь же опухоль исчезла, содержимое ее вышло, и у нас нет надобности печь лепешки.

Выслушав ее, купец пришел в ярость и заревел:

— Будь ты проклята вместе со своим хозяином! Проклятие мне и этим моим неуместным вопросам! Ведь верно же сказано: «Тот, кто требует лишнего, несчастен». Уж лучше бы мне вовсе никогда не видеть тебя и не покупать твоих лепешек!

Купец от охватившего его отвращения вместе с пищей чуть было не выплюнул желудок и все кишки. Началась у него рвота и понос, и оба прохода его открылись. Он долго страдал от этого, и, как ни

старался забыть, вычеркнуть из памяти этот случай, ему это не удалось, и он ежечасно говорил себе:

Пусть знает Аллах, редко я вспоминаю о нем,—
Зачем вспоминать, если помнишь и ночью и днем.

*Не вспомнить мне того, что прежде пережито:
Само забвенье мной уже давно забыто.

По этому поводу хорошо сказал мудрец:

Ешь спелый плод, но удержи вопрос,
Чем был он прежде и на чем возрос.

*** * ***

— Я рассказал это для того, — сказал везир, — чтобы пресветлому уму и благородному рассудку шаха было известно, что в трудных делах следует быть предусмотрительным с самого начала, о последствиях надо думать, пока солнце истины не выглянет из-под покрова заблуждения, пока цель, словно лучезарный день, не покажет своего лика. Ведь слова и поступки женщин не заслуживают доверия мудрецов, козни же женщин не поддаются исчислению, и даже всевышний бог, при всем своем всемогуществе, считает хитрость женщин великой, как он сказал об этом: *«Воистину, их хитрость велика». И он велел сторониться и избегать их. Повелитель правоверных *Омар ибн ал-Хаттаб — да будет доволен им Аллах, — укрепивший ислам, второй из *халифов правого пути, говорил: «Ищите защиту от зла женщин у Аллаха и будьте настороже перед самыми лучшими из них». Ведь когда их похотливый взор возжелает чего-либо, они теряют веру и покой, чтобы добиться своей цели, и не придают никакого значения государству и религии. Они стремятся к мимолетным наслаждениям и не помышляют о вечном возмездии. В их природе укоренилась кривда, в их натуре собраны ложь и

лицемерие, ссора и распри. И если падишах разрешит, я поведаю о лживости и коварстве, о неверности и изменчивости характера женщин.

— Рассказывай! — приказал шах.

Рассказ о невестке, свекре и любовнике

Светлый умом и находчивый везир начал так:

— Да будет долговечна жизнь падишаха всей земли, владыки *Чина и Мачина. Да будет он пребывать под сенью разума и лучами ясного ума, да будет под ним всегда оседланный конь счастья, а земля да пребудет *под властью его перстня все годы и месяцы. Всевышний бог да покровительствует ему.

Со слов правдивых рассказчиков и справедливых мужей передают, что в Кабуле, близ *Амула, жил один земледелец, набожный и религиозный, верующий и праведный. Светлые дни он проводил в поисках хлеба насущного, в темные ночи предавался подвигам благочестия. Он был крестьянином и зарабатывал себе хлеб работой в поле. Была у него жена, коварная, как лиса, способная увлечь льва своим кокетством. Лицо у нее было светло, как день добродетели, локоны темны, как ночь греха, и был у нее любовник, стройный, как кипарис, изящный в движениях, красивый лицом.

Однажды декханин отлучился из дому, и любовник кружил вокруг его жилища, *как паломники вокруг Мекки, пытаясь достичь *Каабы свидания с ней, чтобы поцеловать *Черный камень и совершить намаз в *Священной мечети. А красавица стояла на крыше дома. Увидев любовника, она кивнула ему головой, коснулась рукой шеи, ушей и сердца и сошла с крыши. Но любовник не понял этих знаков и вернулся домой, пораженный и изумленный.

Дома он рассказал об этом старухе, *голова которой была посыпана прахом с мельницы превратностей рока, а щеки омыты шафрановой водой фокусника-судьбы. Он попросил ее объяснить ему смысл тех знаков.

— Это означает вот что, — ответила старуха. — Пошли, мол, ко мне девушку-служанку с развившейся грудью.

Человек послал к ней именно такую служанку с приветом и посланием, где говорилось:

«Судьба моя ко мне не добра,
И бога бояться мне пора!

Должна же, наконец, исцелиться боль разлуки и кончиться ночь отдаленности!»

Когда служанка передала ей привет и послание, то женщина пришла в негодование, отругала девушку, вычернила ей лицо, вывела через арык в винограднике на улицу и сказала:

— Такова участь того, кто говорит необдуманно!

Служанка вернулась к хозяину и рассказала то, что случилось. Он снова вызвал старуху и стал совещаться с ней, и та ответила:

— Она говорит тебе:

«Когда потемнеет лучезарный день и лик солнца покроется тьмой, то войди ко мне через канаву в винограднике».

По совету старухи, тот человек в час полуночной молитвы вышел из дому и проник в дом возлюбленной через канаву в винограднике. Вышла к нему красавица, постелила постель у арыка, и они легли спать вместе.

А в это время по винограднику ходил свекор той женщины. Подойдя к арыку, он увидел свою невестку в объятиях чужого мужчины. Он подошел осторожно к ним, незаметно снял браслет с ноги невестки и ушел. Когда женщина проснулась, то догадалась о происшедшем, тут же рассталась с любовником и вернулась к мужу. Пролежав с ним некоторое время, она стала жаловаться, что задыхается.

— Тебе жарко, пойдем ляжем под открытым небом, — предложил муж. Они вышли и легли в том самом месте, где только что она была с любовником.

Прошло немного времени, и жена разбудила спавшего мужа.

— Только что здесь был твой отец, — сказала она, — и похитил мой браслет. Я проснулась, но постеснялась сказать ему что-либо.

Выслушав ее, муж рассердился на отца. Рано утром в комнату вошел свекор, показал браслет и передал то, что видел ночью. А сын ответил ему:

— Оказывается, верно говорят: «Вражда свекра и его невестки — это вражда кошки и мыши, они никогда не будут доверять друг другу». Это я лежал вчера там со своей женой!

Коль у тебя для извиненья причины ясной нет,
Тогда отказ от извиненья — вот правильный ответ.

— Ты ошибся, — закончил сын.

Отец устыдился и, огорченный, оставил сына, который стал извиняться перед женой.

Соседка моя, обманули нас стрелы гаданья:
Ведь кончились счастьем жестокие наши страданья!

Невольница приходит к шаху на шестой день

До слуха невольницы дошла весть, что казнь царевича отложена из-за того, что шаха посетил один из везиров, который склонил его к этому мудрыми и настойчивыми советами, рассказав ему о коварствах и хитростях женщин истории, которые отвратили нависшую над шахзаде угрозу. Она пришла в отчаяние, испуг и страх овладели ею, и она подумала:

— Если в этом деле произойдет заминка или осечка, если на этом ристалище споткнется конь, то повод выпадет из рук, а ноги завязнут в тине. На седьмой день заговорит царевич и опровергнет все мои наветы и лживые обвинения. И тогда у меня не будет надежды на удачу, придется смириться со скорбью, даже больше, — возможно, лишат меня жизни.

Ею овладело безумие, она затосковала и бросилась перед троном падишаха, проливая скорбные слезы и посыпая голову прахом раскаяния. Она тяжко стонала, показывала горевшее в груди пламя и говорила:

Обманута тобой. Моя судьба
Давно твоя покорная раба.
Ты держишь сердца моего узду,
И невозможна для меня борьба.

Воздав шаху подобающие почести и прочитав приличествующие славословия, невольница вновь стала жаловаться и пустила в ход все свое коварство и изворотливость. Она начала так:

— Да будет навеки возвеличен и превознесен сан падишаха, тени божественной благодати на земле, — падишаха, у которого ищут защиты и покровительства все обиженные и униженные. Падишах, милостивый к добрым людям, всегда держал в руках рукоять набожности и веревку истины, он всегда был облачен в одеяния правосудия и убран украшениями справедливости. Доныне все, что

было подписано им и одобрено его совершенным умом, было под покровительством и защитой всеславного и всевышнего бога. Ныне же падишах, по наущению и навету клеветников, отрекся от пути истины и правды, отложив в сторону соблюдение законов *шариата, попрал набожность и религиозность, бросил пыль позора и осуждения в глаза веры; он пренебрег законами религии и презрел обычаи справедливости, уничтожил в саду управления побеги правосудия. Завтра, когда настанет Судный день, день страха и боязни, чем оправдает шах такое пренебрежение, и как будет он просить прощения? Как он сообразуется с изречением: *«Вы все — пастыри, и вы все отвечаете за свою паству?»

*Если вас радует то, что сказал наш завистник,
Если вы этим довольны, то нам все равно.
Не надоест вам напрасно ругать беспорочных?
Вам к человеку и к богу любви не дано.

— Я опасаюсь, — закончила невольница, — что шаха постигнет та же участь, что и льва, послушавшего обезьяну, а злонамеренных и злокозненных везиров — участь обезьяны.

— Как это случилось? Расскажи! — приказал шах.

Рассказ о воре, льве и обезьяне

— Да будет бессмертен справедливый падишах, владыка семи стран, — начала невольница, — благодаря своему правосудию и умелому управлению! Рассказывают: в давние времена, в минувшие годы у одного караван-сарая остановился какой-то караван, и каждый путник занялся своим делом. А надо сказать, что этот караван вез несметные сокровища. В караван-сарае же жил некий вор. Увидев огромные богатства, он принял решение войти в круг караванщиков, когда на мир будет накинут Смолистый покров, и поживиться, ибо такой прекрасный случай выпадает не часто и не в любом месте. «Если, — рассуждал он, — проявить беспечность и нерадивость, то будет упущен удобный случай, а сожалеть, когда пройдет время, не имеет смысла и бесполезно».

Когда желтое лицо и седые волосы горизонта окрасились дымом, когда веревки палатки мрака натянули на колышки светил и звезд, когда *шатер царя планет опустили с четырех подпорок,

> * Ночь эта — словно любовник, что ждет не дождется свиданья,
> Видя, как месяц-доносчик выглянул из-за угла.
>
> Кажется, тьма этой ночи и вправду страдает от тягот,
> Ибо светлеет, слабея, кромешная мгла.

— вор сделал приготовления и, вооруженный до зубов, вышел из караван-сарая. Ночь была темная, мрачная:

> *Эта ночь — как агаты под слоем смолы.
> *Тир, *Бахрам и *Кейван не мерцают из мглы,
>
> Ни звериный, ни птичий не слышится глас;
> Все — и зло и добро — замолчало сейчас.

Он хотел войти в круг караванщиков и утащить оттуда что-нибудь, но увидел стража, который кружил вокруг каравана, не зная ни сна, ни покоя. Как ни старался вор обмануть его бдительность, ничего не вышло, и стал он размышлять. «Если, — говорил он себе, — я устану от бега, то сяду на коня; если от молчаливого ничего не добьюсь, то хоть что-нибудь получу от того, кто говорит. Мне лучше пойти к коновязи и выбрать себе доброго коня, чтобы мои труды не пропали даром и мне бы не пришлось возвращаться с пустыми руками».

И он пошел туда, где были привязаны животные. А надо сказать, что в ту же ночь на добычу вышел лев. Он притаился в засаде около тех самых животных, боясь подойти из-за стража. Он поджидал того момента, когда страж займется чем-нибудь и когда погаснут огни каравана, чтобы поразить животное и утолить голод.

Голод и льва заставляет кидаться на падаль.

Вор в темноте продвигался осторожно и гладил рукой спины коней, чтобы выбрать себе какого поплотней, сесть на него и ускакать. Так он дошел до льва и стал гладить его по спине. Он показался ему лучше и упитаннее других, тут же вор вскочил на него верхом и погнал прочь. Лев от страха перед его мечом пустился вскачь, а вор подгонял его все больше. Лев скакал по долам и склонам, не чувствуя повода и узды, до тех пор,

Покуда розы не рассыпала заря
И не покрыла ими базилики.

*** * ***

*Приходит утро, листья золотит,
*Дворец камфарный в небесах блестит,
В шатер луны вонзились копья солнца,
Луна укрыла голову под щит.

Подул утренний прохладный ветерок, бутоны в цветнике ночи осыпались, словно из кармана горизонта высунулась белая *рука *Мусы и *его посох проглотил Голдовские веревки фараона.

Вор присмотрелся и видит, что он сидит верхом на кровожадном льве. Он подумал: «Если я сойду с него в степи, то он набросится на меня и мне не устоять против него».

И он гнал льва, пока они не подскакали к каким-то деревьям. Тут вор уцепился за ветку и подтянулся на дерево, а лев, избавившись от него, сказал:

* Воистину, Аллах добрей
Земных отцов и матерей.

*** * ***

*Пускай к Аллаху, раб, летит твоя хвала:
Ведь есть такое зло, что много хуже зла.

Лев, боясь возвращения седока, помчался быстрее прежнего и встретился на пути с обезьяной. Увидев льва, она поклонилась и воздала почести, как надлежит рабу.

— Разве с царем случилось что-нибудь? — спросила она. — На благословенном челе видны следы гнева, все тело говорит о задумчивости и размышлениях. И чем объяснить его приход в эти не посещаемые им и отдаленные места? Если я — нижайший слуга — могу сделать что-нибудь, то пусть царь прикажет, и приказание будет выполнено.

— Вчера, — ответил лев, — я охотился в таких-то местах. Там я притаился среди животных, ожидая удобного случая, чтобы наброситься на добычу. Но тут подошел бесстрашный и ловкий вор, взобрался на меня верхом и погнал меня по долам и склонам, по суше и воде, а я бежал, боясь его меча и ножа, пока, наконец, всевышний бог не смилостивился и не избавил меня от его цепкой десницы. Сам он взобрался на дерево и оставил меня в покое.

— Это просто с царем приключилась ошибка, — отвечала обезьяна. — Никто из живых существ не посмеет и не дерзнет так поступать с царем зверей и сопротивляться ему силой своих рук. Пусть лучше царь вернется и покажет мне дерево, и я приведу того вора, чтобы царь отомстил наглецу за дерзость, непочтительность и глупость.

Лев было поддался на лесть обезьяны и, словно голубь, попал в мешок ее слов. Он вернулся назад и показал обезьяне дерево. А вор, увидев льва и обезьяну, понял, что они идут на него. В дереве было большое дупло, он залез внутрь и стал ждать безмолвно. Когда обезьяна влезла на дерево и подошла к дуплу, вор высунул руку, схватил крепко самый чувствительный орган ее тела и сжал его. Обезьяна потеряла сознание, свалилась с дерева, а ее душа отправилась прямо в царство ада. Увидев такой подвиг, лев пустился наутек во всю мочь, считая бегство удачей. Он счел, что «своевременное бегство равносильно победе».

*И они отвернулись, оставив одних
Сумасшедших, напуганных, полуживых.

«Тот, кто поступает по совету глупцов и невежд, — думал лев, — никогда не добьется осуществления ни одного своего желания, не достигнет ни одной цели, не победит ни в одном деле, не управится ни с одним из коней надежды. Ведь именно поэтому говорят: «Беседа с глупцом порицаема, общение с невеждами приносит несчастье»».

Невежество вредно нраву его,
Как кашель всем тем, кто удушьем страдает.

*** * ***

— Я рассказала эту притчу для того, — закончила невольница, — чтобы шаху не пришлось, подобно тому льву, раскаиваться из-за советов глупой обезьяны, чтобы ему не пришлось сожалеть из-за этой

несправедливости. Я уповаю на величие всесильного Аллаха и жду, что везиров постигнет участь обезьяны.

Произнеся это, невольница с плачем и стонами покинула тронный зал, произнося стихи:

Ухожу, не зная счастья; рок мой злобен *и* суров,
Вижу я, ты униженье причинить всегда готов;

Если хороша была я, — хоть запомнишь ты меня.
А дурна, — ну что ж, ты спасся, друг мой, от моих оков!

Падишах был тронут этими словами и подумал; «Мудрецы сказали: «Царь бесплоден, и нет родства между царями и другими людьми». Если бы шах должен был прощать и не обращать внимания на мерзкие проступки и преступления своих детей и родных, близких и родственников, то о нем не говорили бы: «царь бесплоден», а изречение «нет родства между царем и другими людьми» было бы пустой болтовней. В действительности же эти мудрые слова означают, что верховная власть не должна терпеть преступления, что правители не должны быть мягкосердечными, что родственные узы не должны служить помехой правосудию и справедливости. Если государь будет к каждому своему родственнику относиться пристрастно и пренебрежет интересами государства, то страна придет в упадок, а враги и недруги повсюду поднимут головы, станут насильничать и лихоимствовать. И подобное пренебрежение вызовет смуту, которая приведет к гибели и падению царства».

Эти мучительные сомнения и опасения до такой степени возобладали над шахом, что он немедленно приказал казнить сына и объявить этот день днем установления справедливости и правосудия.

Шестой везир, служивший для державы как бы четырьмя опорами, бывший царем звезд на небе государства, услышал, что шах велел казнить сына, и немедленно отправил к палачу гонца с поручением:

«Повремени с казнью царевича, пока я не навещу шаха и не поговорю с ним о пользе медлительности и вреде торопливости в

важных делах, чтобы доказать ему похвальность отказа от поспешности».

Шестой везир приходит к шаху

Сообразительный и покорный шаху везир, умевший рассуждать и давать советы, явился к падишаху и после почестей и приветствий приступил к делу:

— Мирозавоеватель-шах одарен пресветлым умом, озаряющим небесные светила и наставляющим звезды, обладает одновременно умом *Аяса, прозорливостью *Амра Аса, разумом *Нумана и мудростью *Лукмана, разрешает трудные задачи и устраняет превратности судьбы. И я удивлен, что он ошибается в столь явно очевидном и прозрачном деле, что лживые и обманчивые слова глупой твари могут прикрыть завесой озаряющее мир солнце разума падишаха. Он отдает приказание в таком важном деле, не имея убедительных доказательств и очевидных доводов, считает допустимым столь странный случай и хочет поставить на одну чашу весов сына, которому с точки зрения разума в мире нет замены, и ту, которую можно заменить кем угодно, — он отдает предпочтение свинцу перед чистым золотом. Все это недостойно совершенного разума и прозорливости падишаха и близко к умопомешательству, расстройству рассудка. Если этот важный приговор будет приведен в исполнение и если об этом услышат другие властелины наших дней, то они сочтут разум нашего падишаха в убытке и на ущербе; по всем краям и странам, во всем мире поднимут голову враги и недруги, начнут вступать между собою в союзы, будут алчно взирать на нашу державу, вторгнутся в нашу страну, чтобы уничтожить основы государства и искоренить наши обычаи и законы. И тогда ни горе и скорбь, ни сожаление и раскаяние не помогут, окажутся тщетными. А падишаха постигнет участь, доставшаяся тому глупому отшельнику, который послушал жену.

— Как это случилось? — спросил шах. — Расскажи!

Рассказ об отшельнике, джинне и совете жены

— Да будет шах вечно жить на благо доброжелателям! — начал везир. — Рассказывают, что в стране Кашмир жил один отшельник. Дни он проводил в делах благочестия, ночи — в молениях, вся жизнь его протекала в границах религии и набожности, в одеяниях веры и добродетели.

С этим отшельником дружил и часто бывал у него один известный *джинн из числа добрых духов. Он часто навещал его, и они проводили вместе время. И если, бывало, с отшельником приключалась беда или еще что-нибудь в этом роде, джинн помогал и содействовал ему по мере своих сил и возможностей. Одним словом, благодаря дружбе и общению с ним отшельник не нуждался ни в чем, обладал всем, что было нужно.

Однажды отшельник находился на своем обычном месте. Он только что окончил свои молитвы и сидел, прислонившись к *михрабу, как вдруг к нему вошел джинн, опустился перед ним на колени и сказал:

— О искренний друг, о верный товарищ! У меня важное дело, и я вынужден отправиться в Ирак. Трудно сказать, как сложатся обстоятельства и сколько я пробуду там. Я пришел проститься с тобой и попросить у тебя разрешения на отъезд. Тебе же я принес в подарок *три имени всеславного бога. Они — самые лучшие из всех имен — исполняют моления взывающего, открывают врата благ и благодеяний. Если у тебя будет какой-нибудь трудный случай или неразрешимое дело, ты разрешишь их при помощи этих имен.

Ухожу, и да не будет жизнь приятна без тебя!
Пусть придется мне в разлуке жить, тоскуя и скорбя
Если смерть меня не тронет, позови, и я приду,
И тебе служить я буду, как всегда, тебя любя.

Отшельник огорчился разлуке с другом и сказал:

— Да, таков обычай обманчивого света и коварного времени. Они разлучают искренних друзей, заставляют привязанных друг к другу

товарищей испить горький настой разлуки.

*Да, такова судьба, закон ее жесток,
Все в мире нам дано на очень краткий срок.

— Однако, — продолжал отшельник, — искренняя дружба зиждется на близости умов и тайных законах, а не на видимых признаках. И как бы искренние друзья ни были удалены друг от друга, они читают тайные мысли друг друга и знают сокровенные чувства благодаря чистому свету разума, близкой дружбе и общности душ, видят и знают содержимое умов и потаенные думы друг друга, и потому они говорят:

Моя душа — твоя душа, твоя душа — моя;
Кто видел в теле две души, зрел чудо бытия?

*** * ***

Если разум чистых очищается,
Сердце видит все, что видно глазу.

Затем отшельник запомнил три великих имени и простился с джинном. От самого утра до позднего вечера он проливал слезы скорби, ворочался на подстилке огорчения и повторял:

Хотел он, чтоб я остался, а не они,
У них терпенье было, краса — у меня.
Нет в мире горше мира ничего,
И сердца нет печальней моего.

О звезд игра, ты сердца не щадишь,
И гнев небес не пощадит его.

Из всех несправедливостей судьбы

Разлука для сердец страшней всего.

Жена отшельника, видя огорчение мужа, посочувствовала ему и спросила его ласково и заботливо:

— Что с тобой? Почему на твоем челе видны следы скорби и огорчения, расстроенности и рассеянности?

Он ответил сначала стихами:

В Ираке мы прожили краткое время,
Похитив его у неверного рока;

У нас сохранится о днях этих память,
Запавшая в душу глубоко-глубоко.

Плеядами явились мы на свет,
Хотели избежать разлук и бед.

Похоже, что судьба нас обманула:
Как звездочки, рассыпал нас *Изед!

— Мой друг из джиннов, которому я всецело доверял, — продолжал он, — мой товарищ из рода духов, чья дружба была мне поддержкой в жизни, дни общения с которым были для меня лучшими драгоценностями и дарами жизни, сегодня отбыл в дальнее путешествие и оставил мне такое сокровище, что поможет мне и окажет поддержку в трудные дни и при бедствиях. Говори теперь, что нам нужнее всего, чтобы я мог использовать ради этого три имени и попросить это у великого бога, помолившись в великолепном чертоге всеславного владыки.

И мы получим достаток, которого хватит на всю нашу жизнь, и проживем без тревог и забот оставшиеся дни. Этот дар от бога для нас лучше и дороже сокровищ *Каруна.

— О муж мой, — отвечала жена, — женщина ни в чем не нуждается более, чем в том, чтобы мужская сила была велика, чтобы ей быть спокойной и уверенной на этот счет. Глаза женщин не смотрят

ни на что другое, их помыслы направлены только к тому. Помолись-ка ты и назови одно из этих имен, чтобы всевышний бог увеличил пригодные к тому органы.

Отшельник, как и все глупцы, попался на эту приманку и проглотил ее. Он встал, совершил омовение и молитву двух коленопреклонений. Он высказал свою тайную просьбу *тому, кто ни в чем не нуждается, воздел в мольбе руки и заговорил смиренно и покорно:

— О Аллах! Исполни мою молитву, ибо ты воистину исполняешь просьбы. Удовлетвори мою нужду, ибо ты воистину удовлетворяешь нужды. Ты сам знаешь сердечную тайну своего раба. Во имя твоего великого имени исполни мою мольбу!

Не успел он окончить молитву, как уже стали появляться признаки удовлетворения его просьбы: на каждой части его тела выросли органы любви.

Праведник, увидев себя в таком состоянии, испугался, повернулся к жене и закричал:

— Проклятие тебе и твоей просьбе! Ты изуродовала меня! Ведь мудрецы сказали: «Тот, кто будет поступать по совету глупцов, никогда не достигнет своих желаний, никогда не увидит своего дела завершенным».

Чуда нет, что твоим я поверил словам:
Ведь *Иблису поверил сначала Адам.

— Что это ты мне посоветовала? Что это было за желание?

— О муж, — отвечала жена, — не горюй, не отчаивайся: ведь у нас осталось еще два имени, которые помогут исполнить нашу просьбу. Помолись еще раз, чтобы всевышний бог сделал все так, как было раньше.

Праведник воздел еще раз руки и промолвил смиренно и покорно:

— О Аллах! О ты, исполняющий просьбы униженных! О боже! Возьми назад то, что ты даровал мне, и прости меня за дерзость!

Не успел он произнести эти слова, как вдруг исчезло все новое вместе с тем, что было раньше, и праведник остался без всего, словно скопец. Он снова закричал на жену:

— Эй, несчастная мерзавка! Ты погубила меня! По твоей воле я стал таким, по твоему совету я лишился части своего тела, перестал быть мужчиной… Кто в этом виноват? Из-за кого это произошло?

— О муж мой, — отвечала жена, — ты знаешь еще одно великое имя, произнеси его и попроси вернуть тебе твое.

Отшельник в третий раз взмолился, произнося третье имя, и всевышний бог вернул ему все в его прежнем виде. Так он лишился трех великих имен, не достигнув ни одной желанной цели. И сказал он:

— Такова участь всякого, кто будет советоваться с женщинами, кто будет слушаться их.

О друг, жалеть ты будешь без конца
О том, что сделал, слушая глупца.

Ведь сам ты стал глупей глупца любого,
Коль не хотел ты слушать мудреца!

— Пропало три великих имени, — продолжал отшельник, — которые могли пригодиться мне в великих делах, которые благодаря святости того мужа избавили бы меня от тягот до конца дней моих. И я так ничего и не достиг, не устранил никакой беды и опасности, чтобы это могло пригодиться мне в дальнейшем:

Если б науку эту могли познавать мы мечтою,
Круглых невежд на свете не было бы тогда.

*** * ***

— Я рассказал эту притчу затем, — продолжал везир, — чтобы падишах знал, что советы и наставления женщин не приносят пользы, а лживые слова и коварные поступки их всегда вызывают вредные и тяжелые последствия. Тот, кто ступит в долину увлечения ими, никогда не прибудет к *Каабе успеха, не достигнет счастья и не добьется

желанной цели. Шах знает, что мои наставления и советы исходят от чистого сердца и искренни, ибо верные рабы считают своей обязанностью и долгом давать наставления, дабы шах не вверг во власть крокодила смерти своего сына, жемчужину из раковины божественной милости и башню из величественного дворца шаха, а самого себя — в когти орла раскаяния.

Кто любит женщин, пред творцом за многобожие в ответе,
Они для любящих сердец плетут мучительные сети.

Не пробуй думать и гадать о женских тайнах и пороках:
Воображеньем не проник в капризы их никто на свете!

— У женщин много хитростей и коварства, и сосчитать их нет возможности. Легче пересчитать песчинки в пустыне, чем их козни.

Женщин любить ли? В кувшины с бузою
Женщины превращают мужчин:

Покуда полон, его целуют,
А выпьют — и выбросят кувшин.

— И если будет дозволено, — заключил везир, — я расскажу еще о плутнях женщин.

— Рассказывай, — приказал шах.

Рассказ о старухе, юноше и жене торговца тканями

Твердый в суждениях и рассудительный везир, обладавший счастьем юноши и умом старца, начал:

— Передают, что в давние дни и минувшие времена жил некий юноша, подобный живописной картине благодаря вьющимся волосам, благоуханному аромату, прекрасному лицу, щекам, как *Муштари и розы. Лицо его было подобно локону и родинке красивой девы, его стан — словно кипарис в роскошном саду.

Лицо ее — утреннее сиянье, сплетенные волосы так темны,
Что, кажется, ночь настает на свете от завитков ее кудрей;

Думаю, мрак становится черным от завитков на ее висках,
От глаз ее, от ее коварства или от горя в душе моей.

Он гулял в окрестностях города, переходил с одной дороги на другую в поисках наслаждений, дружбы и сочувствия для тоскующей души и страдающего тела. Утешая свое печальное сердце и скорбящую душу, проходил он мимо дома луноликой красавицы. Это был стройный кипарис в саду, которому завидовала чинара. Ее кокетливые взгляды были смертоносными копьями. Она была румяна, как ранняя весна, и коварна, как судьба. Ее красоте завидовало сердце, ее лик вызывал зависть луны. Грациозна, приветлива, стройна, крутобедра…

На щеках его румянец, зубы у него — как жемчуг,
Зорок он, как будто сокол, талия его стройна;

То не финики и листья, это на губах-рубинах
Золотой пушок; а щеки — словно полная луна.

Юноша, увидев красивую женщину, тут же лишился власти над своим сердцем: разгорелся пожар страсти и спалил дом благоразумия, желание мигом развеяло терпение по ветру, владыка любви поселился в сердце, страж разлуки упустил поводья терпения, и в его сердце стало полыхать пламя вожделения. Он не мог перенести всего этого и говорил:

*Сколько страдальцев убито, как я сегодня убит,
Сиянием нежной кожи, огнем румяных ланит!

*** * ***

Трепещет сердце у нее в плену,—
Мне не уйти, люблю ее одну.

За то, что я ей сердце подарил,
Я горько плачу и себя кляну.

Юноша вздохнул тяжко, пролил горючие слезы, не спал всю ночь и все время говорил стихи:

*Бессонница за бессонницей… подобные мне не спят,
Растет моя страсть безудержно, и слезы в очах кипят.

Поверь, любовь постарается, и будешь такой же ты:
Сердце забьется мукою, попросит пощады взгляд.

По соседству с ним жила женщина преклонных лет, юность ее уже давно прошла. Она была из тех хитрых и плутоватых созданий, которые внешностью похожи на *Рабиу, а сущностью — на *Зав-бау. Хитростью она могла опутать *Иблиса, коварством— сковать ноги *дива, она месила тесто сводничества и продавала амулеты любви.

И вот рано утром к ней вошел влюбленный юноша и рассказал ей о своем состоянии и страданиях. Он дал ей пощупать пульс своей

любви и сказал:

Влюбленного сердца послушай стук
И мне помоги исцелить недуг!

Старая сводница расспросила его и сказала:

— Муж этой красавицы — торговец тканями.

Завтра, когда взлетит серый сокол утра, а ворон ночи скроется в своем гнезде от страха перед ним, отправляйся к нему и купи у него платье первосортного атласа, какую бы он ни заломил цену. Скажи ему, что ты покупаешь для возлюбленной. Потом отдай мне это платье со словами: «Отнеси это моей возлюбленной, попроси от моего имени извинения и скажи, что впредь я буду делать ей подарки, насколько мне позволят обстоятельства».

На другой день юноша по советам и указаниям сводницы осуществил этот план. Он купил дорогое платье у торговца, отдал старухе со словами, о которых они договорились, и добавил: «Отдай этот ничтожный подарок и попроси извинения».

И они вдвоем вышли из лавки. Сводница подождала с час, пока не взошел на небо *властелин планет, потом взяла платье и отправилась прямо в дом торговца. Она приветствовала его жену, стала выказывать к ней дружеское расположение и любовь, симпатию и дружбу и, наконец, сказала:

Пускай забыла ты теперь мои недавние услуги,
Но помню я, что находил в тебе надежную опору.

Она стала опутывать ее лестью и обманом, напросилась на угощение. Хозяйка стала готовить кушанья, а сводница в это время украдкой сунула платье под подушку. Потом, отведав угощение, она ушла, а жена торговца ничего не. знала о ее проделке.

Вечером торговец, освободившись от своих дел в лавке, пришел домой. Он случайно взглянул на подушку и заметил в ней какую-то перемену. Поднял ее и нашел там платье, которое продал утром незнакомцу. В его голову закрались дурные подозрения, его душой овладели сомнения, опасения проникли в его сердце, и он подумал:

«Платье-то, оказывается, купили для моего дома, и этот юноша, стало быть, любовник моей жены».

Догадки и предположения терзали его; он, наконец, вышел из себя, рассвирепел, схватил палку и отколотил как следует жену, преподав ей хороший урок. Жена, не зная причин этого наказания, ушла из дому и отправилась к своим родителям.

На другой день старая сводница пришла в дом торговца, разузнала обо всем, отправилась к его жене и сказала голосом дружелюбия:

Не покину я светлый лик, благородной луне подобный,
Не покину души твоей, если рок ее гонит злобный.

Затем старуха приступила к расспросам:

— В чем причина этой ссоры и драки? Ради чего он избил и исколотил тебя?

Жена торговца стала жаловаться, рассказала обо всем.

— О мать! — говорила она. — Как ни думала я, никак не могу уразуметь, чем была вызвана вспышка гнева, из-за чего он рассвирепел на меня, невинную и безгрешную, и причинил мне столько мучений. Я не вижу за собой ни вины, ни причины для подозрений, чтобы он мог так упрекать и истязать меня. Я строю всякие предположения и догадки, но ни к чему не могу прийти.

— В каждом деле есть конец, и для любой болезни находится лекарство, — сказала старуха. — Я знаю одного мудреца, искусного звездочета, который великолепно знает астрономию и астрологию. Он отгадывает также потаенные мысли и сокровенные чувства, знает невидимое глазу, говорит то, чего сам не слышал. В нашем городе каждый, с кем приключится беда или у кого есть какое-нибудь серьезное дело, обращается к его пресветлому разуму, и он разрешает это затруднение. В делах любви и ненависти, в колдовстве и чарах он обладает *рукой Мусы и *дыханием Мессии, он своим колдовством ловит рыб в море и птиц в воздухе.

И столько она наговорила таких лживых слов, что уговорила женщину немедленно же пойти к этому звездочету.

— Подожди пока дома, — сказала старуха, — а я пойду и посмотрю, дома ли он.

И она отправилась к юноше и сказала ему:

— Будь готов, исполнится желание, придет желанная.

В это утро ненависть свою прихотливый рок сменил участьем,

Значит, предсказание сбылось, — пей вино и наслаждайся счастьем.

*** * ***

Восток уже зарею багряной заиграл,
Вставай скорей, красавец, наполни свой фиал.

Затем она вернулась к жене торговца и произнесла:

Радуйся! Снова с тобой
Дружба, победа и счастье!

— Вставай, — сказала она, — пойдем в благословенный час к звездочету.

Они пришли в назначенный срок в дом юноши. Некоторое время они беседовали о том о сем, между ними установилось понимание, а спустя час старуха под каким-то предлогом вышла из комнаты и оставила их наедине.

Они провели время вдвоем, беседуя и обнимаясь весь день до самого вечера, предаваясь неге и покою, наслаждаясь и веселясь. Вечером, когда птица востока достигла запада, красавица вернулась домой. А юноша стал благодарить и одаривать ту старуху.

— О мать! — говорил он. — Ты затопила меня своими благодеяниями и милостями, прибавив к ним сочувствие. Но осталась еще одна просьба. Если ты удовлетворишь ее, то она украсит твои прежние милости.

— В чем дело? Что тебе нужно? — спросила сводница.

— Ты должна помирить мужа с женой, чтобы между ними воцарилось согласие, чтобы обида была забыта, а путь к дружбе приведен в порядок и распря была искоренена.

Она ответила поговоркой: «Ты даровал лук тому, кто сделал его, и поселил в доме самого строителя», а затем продолжала:

— Завтра утром будь у лавки торговца. Как увидишь меня, скажи: «Что ты сделала с платьем?»

На другой день в условленный срок они пришли к лавке.

— О мать! — начал юноша. — Ты передала то платье? Успокоила мое сердце?

— Она не взяла его, — ответила сводница, — и вернула мне. Я отнесла платье в дом господина торговца, но его не было дома, и я оставила его там, чтобы он вернул деньги.

Торговец, услышав этот разговор, понял, что он совершил ошибку и поступил опрометчиво. Он раскаялся в своих поступках, стал упрекать себя и говорить:

Всякое блаженство в мире разбивается разлукой,
Разве есть на свете счастье, что не омрачится мукой?
Торговец тут же вернул плату за платье, порицая старуху.
*Воистину, когда в делах тебе встречается преграда,
Терпенье может подсказать, на что питать надежду надо.

Затем он отправился к родителям жены, стал просить прощенья за прошлое, с почетом привел жену домой и прочел при этом стихи:

*Пусть бог презрит необходимость,
Что портит нрав благих мужей.

*** * ***

Поступай, о красавица, как подобает тебе.
Я же сделал лишь то, что достойным мужам подобало,

— Я рассказал эту историю затем, — закончил везир, — чтобы уму шаха стало известно, что разновидности коварства и разветвления хитрости женщин неизмеримы и превосходят пределы

предосторожности и осмотрительности, а просветленный разумом мудрец не обращает внимания на их болтовню и не придает значения их мерзости, пакости и грязи, он не начнет ни одного важного дела по совету и наущению женщин, так как последствия этого пагубны, а результаты позорны. В силу этих соображений, основанных на разуме и вере, благородстве и великодушии, недостойно из-за поклепа и навета существа, лишенного разума и не обладающего рассудком, наказывать сына, на челе которого блистают черты правдивости, на лбу которого видны следы благородства и признаки великодушия, способности которого очевидны вельможам государства и независимый дух которого ясен великим мужам страны, и лишать престол страны такого украшения и наряда, ибо завтра, когда ночь подозрения, словно лучезарный день, покажет свой лик и солнце истины выйдет из-за завесы туч неведения, когда лицо этого позорного события выглянет из-за покрывала торопливости, тогда раскаяние будет бесполезным, отчаяние — безрезультатным, нога отмщения будет бездействовать на арене желания, рука исправления окажется короткой на пути достижения цели стремлений. А ведь рассудок говорит: «Ты бросил разум ради видимости».

Если верное решенье принял разум твой,
От него не отступай ты и на прежнем стой.

Услышав эти объяснения, выслушав такие речи, шах приказал отвести царевича в темницу и отсрочить казнь.

Услышав эту весть, рабыня дрожала всю ночь, словно живая дичь над пламенем, трепетала, как ртуть. Она простилась со сном и рассталась с отдыхом и спокойствием, в ее груди загорелось пламя, она устремила взор к небу и произнесла:

*Раскололась бы скала, если б испытала муки,
Что испытываем мы в черный день, в канун разлуки.

*** * ***

Тяжкий груз, что на сердце упал мне в этот горький расставанья час,
Знаю только я да тот, кто создал и обрек на эти муки нас.

Всю ночь, словно матери убитых и отцы погибших, не зная ни сна, ни покоя, положив голову на подушку скорби, грудь — на ложе печали и горя, в молчании, лишившись терпения и спокойствия, она проливала скорбные слезы и читала такую газель:

Хотите, чтоб тоску я превозмог?
Но как же быть, когда я одинок?

Всю ночь со мною звезды говорят,
Но вот — зарею гасит их восток.

А утром вновь страдаю я один;
Друзей меня лишил капризный рок!

Когда первые лучи светозарного шатра солнца показались на горизонте с востока, а знамена и стяги *Тира и *Нахид склонились долу на западе, когда отряды подвижных и неподвижных звезд в страхе пред ударами занесенного меча солнца побросали в бессилии щиты, а светила вращающегося небосвода от стыда пред блестящим ликом солнца скрыли голову под завесой, когда упали веревки шатра мрака в лазурном саду небосвода, когда

Сокол утра над миром взлетел, далеко на востоке паря,
А на западе ворона ночи прогнала с небосклона заря.

*** * ***

Когда из лазурного сада лазурных небес
Ночи зеркальный шатер без остатка исчез,

невольница взяла бутылку с нефтью и направилась к престолу шаха с плачем и причитаниями. Воздав хвалу и должное почтение падишаху, она сказала:

Ужель должна я умереть от жажды,
Хоть водоем передо мной бушует?

— Теперь, — продолжала она, — коль совершенная справедливость и высокое благородство не воздают этой нижайшей рабе по заслугам и не обращают внимания на низкий поступок, совершенный по отношению к ней, поскольку шах не проявляет милости к обиженным и не оказывает благосклонности угнетенным, коль скоро сын шаха совершил такую мерзость в шахском гареме, священном и неприкосновенном, словно святыня, а справедливость шаха медлит с наказанием этого предосудительного поступка, поскольку шах считает дозволенным подобный позор и гнусность, такой грех и преступление, достойное возмездия в том мире и наказания в этом, то я сожгу себя, но выступлю с притязанием в великий Судный день. Там расскажу я все о себе, о насилии и несправедливости, проявленных по отношению ко мне шахом, его сыном и его везирами, в славном чертоге всеславного господа, в тот день, *«когда не помогут ни имущество, ни дети, кроме как тому, кто пришел с праведным сердцем», в тот день, когда справедливым и безупречным судией является тот, кому не дозволены ошибки и прегрешения, в день, когда адские стражи наказывают геенной, когда от насильников-тиранов требуют ответа за слабых и обиженных, когда праведным воздается за добрые дела, а грешникам — за злые. И ясно как день, что падишах подвергнется наказанию и возмездию по вине злокозненных везиров, ибо они препятствуют ему совершать добрые и праведные дела и тучей-завесой насилия прикрывают его разум-солнце, восходящее на горизонте справедливости. А падишах из-за их наветов и обвинений подозревает меня, считая мои правдивые слова ложью и клеветой, и тем самым топчет ногой насилия и жестокости прекрасный лик справедливости и правосудия. И я не знаю, какие оправдания и извинения приведет падишах в день воскресения, а также боюсь, что если он будет настаивать на своем отказе и верить и

доверяться коварным везирам, то с его советниками произойдет то же, что произошло уже однажды с везирами, предавшими своего шаха.

— Как это случилось? Расскажи, — приказал шах.

Рассказ о царевиче и везирах

— В минувшие часы, давние времена, прошедшие месяцы и умершие годы, — начала невольница, — царствовал в Кабуле некий падишах, похвального поведения и достойных помыслов, красивой наружности и правдивой души. Он избрал законом справедливость и благоденствие страны. Люди говорили о его прекрасных душевных качествах и описывали его высокие деяния. Он был украшен сокровищами благородства, одет в одежды великодушия.

Был у него единственный сын, благородный юноша редкой красоты и добродетели, усердный и богобоязненный, украшенный царскими достоинствами. На челе его запечатлены были следы прозорливости, блистали лучи проницательности.

Отец сосватал сыну благородную дочь *хакана Чина и стал готовить пышную свадьбу. И вот наступили дни свидания, и настал срок соединения, и было решено, что царевич отправится во владения хакана Чина. Когда пришла пора отправляться, падишах велел приготовить все необходимое для дальней дороги и произнес:

*Пускай Аллах тебе поможет впредь,
А мы должны Аллаху славу петь.

И падишах поручил сына везирам, чтобы те охраняли его высокую особу и сопровождали его в качестве спутников. Они двинулись в *Чин в сопровождении отряда отборных слуг и свиты вельмож.

А на пути их был источник, известный под названием «Родник хана». Он находился в долине, расположенной поодаль от проезжей дороги. Вода этого родника обладала чудодейственной силой: если пил ее мужчина, то облик его изменялся, и он превращался в женщину. Везиры знали об этом свойстве источника, но они скрыли его от царевича, не приподняли завесы над тайной.

Царевич был страстный охотник и очень любил гоняться за дичью. В один прекрасный день ему захотелось поохотиться. Он вскочил на коня, породы укай, из рода коней *Муавии, белоснежного, с

чулками на задних ногах, со звездой на лбу, *Муштари по красоте, перескакивающего через скалы, пролетающего степи, статью подобного скале, повадками — туче, ржанием — грому, бегом— молнии, устрашающего, как гроза, с крупом онагра, с глазами газели.

В узде он бьется, словно в челку его забрался муравей,
А волны гривы серебристой напоминают водопад.
Когда он иноходью мчится, небесный рай в нем воплощен,
Когда он яростью охвачен, то, кажется, бушует ад.

Вихрь уступал ему в быстроте, ослепительная молния на расстоянии двух коней отставала от поднимаемой им пыли.

*И нападает, и убегает, от нас уходит, на нас идет, —
Словно камень, которым играет горный бушующий водоворот.

*** * ***

*Пришпорь его сегодня ты, он мир мгновенно обежит,
Ты только ахнешь, а уж он в день завтрашний тебя примчит.

Царевич на своем скакуне ехал впереди свиты, разя дичь. Вдруг перед ним пронесся онагр, похожий на *Бурака, подобный молнии, быстрый, как ветер, резкий, как пламя:

На спине его пятна Когда он скачет,
Небеса — на хвосте у него пятно,
И трясется земля, и летит на землю
Из небесного колоса вниз зерно.

Царевич погнал коня, а онагр бежал перед ним. Он так мчался, что исчез из видимого пространства и обозримых просторов. Царевич

был уже утомлен погоней, а конь — бегом, так как летний зной метал искры и пламя играло язычками.

Когда онагр исчез с горизонта, шахзаде захотел пить, ибо жара все увеличивалась. И вот по воле небес и желанию бога он остановился перед «Родником хана». Не зная о свойствах воды этого источника, он сошел с коня и подошел к нему. Дав коню отдохнуть, он выпил несколько глотков воды. И как только вода заполнила его желудок, его мужской облик изменился на женский.

Увидев это и вполне убедившись в происшедших изменениях, царевич очень испугался и склонил в раздумье голову на колени. Из глаз его фонтаном полились скорбные слезы, печальные капли потекли по его щекам.

Везиры, увидев шахзаде в таком состоянии, отвернулись и покинули его. Прибыв к падишаху, они заявили, что царевича растерзал лев.

Падишах был очень опечален смертью сына, он долго скорбел и, согласно обычаю, не выходил семь дней из своих покоев, соблюдая траур, привязав полу скорби к вороту печали. Он беспрестанно говорил:

Наши беседы больше в мире не прозвучат,
Не расцветем мы, встретесь, словно весною сад.
Расстались мы. Место встречи, увы, неизвестно нам.
Ужель не вернет свиданье тягчайшую из утрат?

А царевич у родника обратился с мольбой к всеславному владыке, скорбно вздохнул и произнес:

— О всемогущий, Превративший жало комара в меч, покаравший *Немрода, *сделавший ком земли средством победы *Дауда, превративший утробу рыбы в обиталище для *Юнуса, извлекший из груди скал *верблюдицу Салиха. Во имя могущества твоего сжалься надо мной, освободи меня от этих чар, избавь от срама и замени мужским этот женский облик, который ты послал мне:

О господи! Всеведущ ты и благ,
И я душой перед тобою наг.

Простишь меня, скажу: безмерно добр!
Решишь карать, скажу: да будет так!

Всевышний бог внял ему и повелел ангелу, приставленному к тому роднику, коснуться своим крылом тела царевича. Вернувшись в свое прежнее состояние, шахзаде восславил бога, преклонив в молитве колени, и дал обет раздать милостыню и подаяние, совершать *молитвы сверх пяти предписанных. Потом он сел на коня и отправился через бескрайнюю пустыню в путь к отцовскому дворцу.

Ничего — ни живого, ни мертвого — не было там, кроме звезд;
Ни зверей и ни птиц, — только ветра холодного вой.

Спустя десять дней царевич прибыл к отцу, приложил к очам прах перед его троном и рассказал о всем случившемся, о том небрежении, которое проявили везиры, скрыв от него тайну родника и ввергнув его в позор и скорбь. Шах опечалился этим и приказал наказать дурных советников, согласно велениям закона.

— А природа этих везиров, — продолжала невольница, — такая же, как и у тех. И я уповаю на всевышнего бога, что их постигнет такая же кара.

Козни глупцов для них же самих превратятся в источник бед,
Гнев сильных мира — находка, она нашедшим приносит вред.

Произнеся эти слова, она покинула тронный зал, рыдая и плача, стеная и причитая. Падишах стал размышлять о божьем гневе и о возмездии в том мире и отдал приказание казнить царевича, чтобы эта казнь послужила символом его справедливости и заглавным листом законов владычества.

Седьмой везир, который был *Зухалем благородства и *Муштари счастья, услышав эту весть, послал человека к палачу с просьбой: «Не

спеши с казнью, пока я не отправлюсь к шаху и не скажу ему о том, как порицают люди поспешность в вопросах смерти».

Седьмой везир приходит к падишаху

Везир с высокими помыслами, на которого упала *тень Хумая, отправился в тронный зал.

— Да будет вечно и неизменно тело шаха, — начал он, — являющееся основой процветания других людей, да продолжает его ангелоподобный дух подниматься по ступеням моральных совершенств и обретения похвальных деяний.

Украшающий весь мир разум падишаха, от стыда перед которым бездействует ^волшебная чаша, из зависти к которому заржавело зеркало солнца на вращающемся куполе небес, знает, что в трудных делах и при тяжких несчастьях нет лучшего качества, чем размышление и рассуждение, и нет более порицаемого обычая, чем поспешность и торопливость. Вняв благоразумию и предусмотрительности, мудрый не торопится подписывать решение важных дел и чрезвычайных обстоятельств. Мудрецы, осмотрительные люди и благоразумные мужи не одобряют тех, кто следует советам женщин и смиряется перед их хитрыми кознями. Законы и обычаи разума гласят, что «женщины — западня шейтана», то есть у женщины характер и природа злых духов. Когда ее натура и страсть пожелают чего-либо, то природная алчность и душевное желание опускают перед разумом и рассудком завесу неведения, страсть сердца и вожделение тела становятся стеной против веры и религиозного чувства, женщина подавляет стыд и скромность и предается страстям, приникает лицом к ступне вожделения и наступает пятой на лицо стыдливости.

Хотя они *Зухрой, Плеядами горят,
Но место лучшее для них — угрюмый ад;
Они причина войн, позора и обид,
На них идет калым, они — источник трат.

— Ведь столько совершенных мудрецов и превосходных мужей из-за бесед и дружбы с ними подвергались бедствиям и несчастьям, выставив на арену гибели и уничтожения движимое и недвижимое имущество, терпение и добродетель. Истории *Хабила и Кабила,

*Харута и Марута, *Юсуфа и *Дауда известны и распространены в сказаниях и легендах, записаны в свитках и рукописях.

Кто прекрасного Юсуфа мог так мучить и терзать,

Что он сделает с другими? От него добра ли ждать?

— И если падишах в поспешности бросил в пасть крокодила смерти единственную в своем роде жемчужину своего бытия только из-за навета корыстолюбивой и поклепа недобродетельной женщины, клятвы которой насквозь противоречивы, а разум ущербен, то он, несомненно, раскается в принятом решении, точно так же, как тот падишах-женолюб. А когда повеление исполнено, раскаяние не поможет, сожаление не спасет и не принесет пользы.

— Как это случилось с тем падишахом? Расскажи, — попросил шах.

Рассказ о государе-женолюбе

— В незапамятные времена, — начал везир, — в далекие годы жил-был падишах по имени Пируз, внушавший страх, облеченный в одеяния величия, украшенный сокровищами добродетели.

*На него возлагали надежду, гнева его боялись,
Утром и вечером пил он чашу похвальных дел.

При всем своем величии и строгости, благородстве и проницательности он не мог устоять перед кокетством женщин и был опутан их локонами и кудрями. Он всегда был в плену розовых щек луноликих и ранен шипом разлуки с кудрявыми красавицами. Ни одной ночи не проводил он без пиров и оргий.

Однажды шах пустил с крыши дворца в небо сокола, то есть стал смотреть на крыши и двери домов, думая поймать газель или захватить в силок красивую паву. В ожидании дичи и ветерка, пастьбы и колодца он горячил коня страсти на ристалище вожделения, вонзая в него шпоры поисков. В этот момент дозорные его взгляда и передовой отряд его зрения наткнулись на лицо луноликой, в лучах яркой красоты которой солнце сгорело, как мотылек, и испепелилось в пламени зависти, словно свеча. Она была прекрасна, пленительна, как луна, и светла, как солнце, щеки ее рдели как *Муштари; обликом она походила на *Зухру. Благодаря её изяществу, стройности, луноподобному лику, благоухающим кудрям, жасминовым ланитам огонь ее любви был живой водой для душ, прах ее порога — местом, которое лобзали сердца.

Любя кокетку, выбьешься из сил, ее расположенья достигая,
Но жизнь отдавший в жертву красоте за это обретает гурий рая.

Падишах, увидев ее кокетство и грацию, красоту и прелесть, влюбился и стал жаждать свидания. Он тут же приказал узнать, где

находится дом и обиталище, местопребывание и жилище той черноокой гурии, *подобной созвездию Близнецов, и кто ее муж.

— Ее муж, — ответили ему, — богатый, состоятельный купец, сейчас он поехал по торговым делам в дальнее путешествие, в Ирак.

Падишахом овладело желание увидеться с ней, и он произнес:

Когда, когда смогу прильнуть к тебе? Я преклоненьем встречу твой приход!
Так вновь разбогатевший человек к сребру и злату жадно припадет.

Когда ночь, темная, как агат, набросила на плечи серебристую накидку, а на лицо черное покрывало, когда небо украсило плащ цвета сурьмы жемчужными ожерельями,—

Как будто мрак и алая заря,
И ворон с красным клювом надо мною,
А в середине неба месяц плыл —
Или щека в кудрях была луною? —

переодетый падишах вышел из дворца с одним из приближенных и направился к дому купца. Когда добродетельная женщина увидела, что падишах ищет сближения с ней и домогается ее расположения и любви, она встретила его приветливо, выразила радость и сказала:

Без спутника и без проводника
Явился слон в жилище паука.

Извинившись, женщина пошла готовить угощение. А в доме купца была одна книга. Принеся ее, жена предложила:

— Пока я займусь приготовлением угощения, пусть падишах почитает эту книгу.

Падишах взял книгу, стал листать ее и дошел до того места, где было написано: «К тому, кто постучится в чужую дверь пальцем, постучат кулаком».

Судьба, что для твоих души и тела, как сам ты говоришь, нехороша,
Не может быть хорошей для другого: и у него есть тело и душа.

Эти слова произвели на шаха сильное впечатление: невеста этой мысли показала ему свой лик из-под завесы слов и шатра речи. Он понял, что ступил на неверный путь, открыл для себя врата грехов и преступлений, что, совершая недозволенное религией и поступая вопреки разуму, он удалился от благородства и величия души, что он недостоин быть причисленным к великодушным мужам, что путь удовлетворения похоти приводит только в пучину ада, что разумный и благородный муж сторонится мирских соблазнов, дабы избежать загробного возмездия.

*В слове «бесчестие» буква «нун» из слова «похоть» украдена,
Поэтому бедный похоти раб будет бесчестьем сражен,

Я унижен, побежден. О любви жестокой сила!
Неужели мать любви и бесчестье породила?

Падишах тут же встал со своего места, извинился перед достойной женщиной и дал клятву более не ступать с вожделением ни в чей гарем, смотреть на чужих жен лишь с уважением и скромностью. Но, покидая дом, падишах по ошибке надел не свои башмаки.

На другой день купец вернулся из путешествия, увидел башмаки и опознал их. Заподозрив жену в измене, он выгнал ее из дома. Женщина прожила некоторое время в доме своих родителей, но муж не приходил за ней. Тогда братья жены повели зятя к падишаху и принесли жалобу:

— Мы сдали в наем этому человеку плодородную целинную землю. Он обрабатывал ее долгое время, а теперь вернул назад и не хочет платить арендной платы.

Падишах обратил лицо к купцу и спросил его о причинах отказа от жены, приведения в негодность земли.

— Да будет владыка нашего времени, шах земли, повелитель вселенной всегда славиться и вечно царствовать, — ответил купец. — Я не жаловался на эту землю. Но когда я вернулся из последней поездки, то увидел на ней следы львиной лапы. И я стал опасаться, что у меня не будет сил справиться со львом.

Падишах понял, что купец — муж той женщины, и заявил:

— Да, лев ступил на эту землю, но не принес никакого вреда и не совершил насилия. Успокойся на этот счет и не оставляй землю без ухода.

Купец, услышав подобную речь падишаха, радостно вернулся домой, попросил прощения у жены, обошелся с ней ласково и привел опять в свой дом.

Для любого венценосца отреченье неизбежно, — вечно царству не сиять.

О судьбы непостоянство! То она узлы завяжет, то распутает опять.

— Я потому рассказал эту историю, — продолжал везир, — чтобы падишах не торопился с подобным приговором, дабы не раскаиваться и не сожалеть о последствиях. Мудрецы считают целесообразным помедлить и подумать даже после подписания приговора, в особенности, когда дело идет о пролитии крови, казни человека, лишении жизни живого существа. Ведь шах и сам знает изречение, что «поспешность— от дьявола». А люди в своих поступках подражают этим стихам Корана: *«О вы, которые уверовали! Если к вам прибудет грешник с вестью, то знайте, что из-за невежества пострадает целый народ, и вы раскаетесь в том, что вы сделали». И великие мужи изрекли: «В делах жизни, если ты разумен, не верь словам женщин и будь предусмотрителен, ибо хитрости и коварству женщин нет предела, и разум и рассудок не могут и не способны измерить и исследовать их». Если даже человек положит на это всю жизнь, то не перечислит он и частицы их. Если падишах позволит, я расскажу о тонкостях их хитрости и коварства.

— Говори! — приказал шах.

Рассказ о мужчине, собиравшем истории о коварстве женщин

— В незапамятные времена и минувшие дни, — начал везир, — некий муж, выдающийся человек своего времени, дал обет странствовать по свету и собирать рассказы о хитрости женщин и искусстве их козней, чтобы после женитьбы находиться под сенью безопасности и покровом предосторожности. Он решил не жалеть времени, если даже уйдет на это вся его жизнь.

И он сел на коня путешествия, взобрался на мула странствия, тронул гнедого коня и простился с близкими и родными.

Шлю привет я скитаньям, что дарят родник,
Что пустыню, где северный ветер, дарили,
Странно мне, что, разлуки холмов не боясь,
Мы когда-то в долине свиданья бродили.

Переходил он из одной пустыни в другую, словно резкий ветер, и пересекал пространства шагами путешествия.

От подножья к подножью, из степи в степь,
Из долины в долину, к скале от скалы.

В каждом городе, который посещал, он виделся с мудрейшими мужами и говорил с ними о своем деле. И вот в один прекрасный день в конце странствия ему указали на человека, который, охваченный тем же желанием, потратил цвет своей жизни на то же дело и написал труды и сочинения о коварстве женщин. И отправившись к этому ученому мужу и рассказав ему свою историю, он оставался у него тридцать три года, не отличая дня от ночи, и переписал все книги о коварстве и кознях женщин.

А когда его дело стало подходить к концу, вознамерился он вернуться на родину и вскоре отправился в обратный путь. По дороге караван остановился в одном селении. Один из местных жителей

пригласил нашего путешественника к себе, повязался поясом служения гостю и внушил домочадцам мысль хорошо обращаться с ним:

Наш дом — это нашего гостя дом,
Да будет он дома в краю чужом!

Сам хозяин пошел куда-то по делу. Гость втащил в комнату свой сундук с книгами и поставил в стороне.

— Что у тебя в сундуке? — спросила его жена хозяина. — Откуда ты везешь все это? Что это такое, для чего предназначено?

— Это книги и рукописи, — ответил гость.

— О чем эти книги? — опять спросила женщина.

— О коварстве и хитрости женщин, о кознях и проделках их, — был ответ.

Женщина изумилась, стала расспрашивать, и он рассказал ей свою историю.

— Выучил ли ты все хитрости, которые способны поместиться в женском разуме и приходят им на ум? — спросила она.

— Да, — ответил он, — а женщина, которая была красива и грациозна, только улыбнулась и начала строить ему глазки, кокетничать и заигрывать. Гость в вожделении забылся, и они, забыв о скромности и стыде, долго предавались любовным утехам. Поскольку дома никого не было, они выбрали отдаленную комнату и уединились там. Когда окончились любовные ласки и прекратились страстные объятия, жена хозяина вдруг дико закричала:

— О люди! Избавьте меня от этого насильника!

Гость, увидев такой оборот дела, от испуга и страха упал без сознания. Тут подоспели люди и спросили женщину:

— Что случилось с тобой? Из-за чего ты так кричала и вопила?

— Мой муж, — отвечала она, — приводит каждый день голодного гостя, сам старается и меня заставляет кормить смертельно голодного человека быстро, так, чтобы пища застревала у него в горле и оправдались слова всевышнего бога: *«Он пьет глотками, не может легко глотать, и к нему приходит смерть со всех сторон, но он не мертвый». У этого мужчины только что застряла кость в горле.

Я испугалась, что он умрет и сделает нас рабами стражи и султана. Поэтому-то я и кричала.

Гость меж тем пришел в себя, слышал ее слова и сидел молчаливый, словно рыба. Люди побрызгали на него водой, усадили и сказали:

— О муж! Ешь помедленнее, глотай куски в меру и по надобности, чтобы не угодить более в беду и не стать мишенью для стрелы смерти и дротика напасти, чтобы не подвергнуть себя беде, а людей — позору.

Когда ты голод удовлетворил,
Все кушанья едины для тебя!

— Впредь я буду идти именно этим путем, — ответил им гость, — и не преступлю черты, указанной вами.

Когда ушли люди, женщина сказала:

Уплатить старинный долг — справедливое решенье,
Но не думай, будто ты этим сделал одолженье!

— Записал ты эту хитрость? Знал ли о ней? — спросила она.

Он ответил:

Это ночь после ночи и день после дня,
Так и месяц за месяцем вечно идет.

И он понял, что измерить море чашами и пересчитать пустыню по песчинкам легче, чем познать хитрость женщин. Он тут же вынул из сундука свои книги и сжег их со словами:

У логовища льва обуздывай свой гнев;
К познанью не стремись, когда познать не можешь;
И знай: осиных жал ты испытаешь яд,
Когда осиное гнездо ты потревожишь.

— Клянусь, — продолжал он, — я больше не ступлю в это море и не нырну в эту пучину. Я убедился, что ни одна тварь божья не может состязаться с вами.

*Скитался я по свету, пока с теченьем дней
Не стало возвращенье добычею моей.

*** * ***

Искал я выгод в мире, а потом
Я потерял и то, с чем свой покинул дом.

*** * ***

— Я рассказал эту историю для того, — продолжал везир, — чтобы падишаху стало известно, что хитростям и коварству женщин нет счета, рука разума не сможет достать их, нога рассудка не сможет ступить на них. Да не скроется от просвещенного внимания падишаха гороскоп, составленный мудрецами при рождении шахзаде. Там говорилось о семи днях опасности вследствие учетверения *Зухаля под его звездой и об исчезновении опасности спустя семь дней ввиду сокращения несчастия и приближения счастья. И вот уже эти семь дней прошли, и кончились времена тягот и часы напастей.

Выслушав эту речь и вняв доводам, падишах приказал отвести царевича в темницу. Везир покинул его, и беседа прекратилась.

О том, как заговорил шахзаде на седьмой день

Когда истекли семь дней, которые были днями отчаяния и временем бедствий, периодом несчастий и напастей, когда счастливые звезды вошли в гороскоп царевича, а опоры счастья стали выпрямляться, когда светила радости сочетались со звездами удачи, — судьба стала покровительствовать шахзаде, он заговорил и послал весть великому везиру:

Встань и приди, убрал я свой покой,
Настал твой час беседовать со мной.

— Прошли дни бедствий и горя, настала пора веселья и радости. Возьми на себя труд и укрась мою комнату своим присутствием, ведь говорят:

*Если принял решение ты, пусть отныне не дрогнет рука:
Можешь выбрать ты смелость советчика, можешь выбрать совет смельчака.

Когда прибыл гонец и вручил послание, везир изумился и удивился и немедля отправился к царевичу. Тот вышел навстречу ему, оказал должный почет, восславил и воздал хвалу, принес множество извинений, поблагодарил и похвалил за покровительство и заступничество, оказанное достойными везирами, за изящные рассказы и изысканные истории, рассказанные в виде назидания и наставления. Он поблагодарил их смиренно и продолжал:

— Тонкая душа и благородная натура моя оказались на краю гибели и уничтожения, но заступничество и справедливость везиров были помощниками и друзьями моего счастья. Когда благоденствие и радость будут нам сопутствовать, мы, как это подобает нашему благородству и великодушию, как требует того величие нашей души,

воздадим каждому по заслугам, в особенности же великому везиру, похвальное усердие и достойные поступки которого восприняты с благодарностью.

Жизнью твоею клянусь я, что, к месту ль, не к месту ль добро,
Отдано лишь на храненье в другие руки оно.
Некоторые забыли благодеяния свет,
Многим другим, однако, забыть его не дано.

При этом царевич добавил:

— Ступай к престолу шаха и выполни поручение твоего нижайшего раба. Попроси его созвать вельмож престола и государственных мужей, чтобы они могли проверить знания, приобретенные мною за время обучения, и убедиться в моей мудрости, образованности, учености и благовоспитанности.

Везир вошел к шаху и сказал:

Радуясь сегодняшнему дню, счастлив будь стремленьем к вечной славе.

Он передал шаху весть и высказал переданную просьбу: «Пусть шах созовет мудрецов и везиров, чтобы участвовать в ученом споре, в совете на арене знания, задавать вопросы и выслушивать ответы с тем, дабы убедиться в высоких достоинствах шахзаде и в том, как он познал сущность наук».

Услышав это, шах удивился, в саду его созерцания расцвели цветы радости, и он приказал собраться всем вельможам, сановникам и государственным мужам. К ним прибыл царевич. Явился и Синдбад. Шахзаде поклонился падишаху, остановился перед троном, поцеловал землю служения и произнес:

Жажда удачи твоя да будет щедро судьбою утолена;
Пусть, охраняя тебя от бедствий, радость дарует тебе она.
Знает господь, постигший все тайны, что полагаюсь я на тебя,
Жизнь моя только твоею волей прервана будет или продлена.

* * *

Если дни благословенны и на помощь друг придет,
То свое оружье наземь бросит злобный небосвод.

— Да будет жизнь падишаха всегда в безопасности, да увеличатся его нравственные совершенства и да продлится жизнь его тысячу лет! Да будут указы судьбы начертаны по его желанию, да будут веления рока составлены по его воле! Да не скроется от пресветлого ума, проявляющего заботу о стране и творящего справедливость разума, перед которым солнце темнеет, словно тень, перед помыслами которого луна тускнеет, словно неясная звезда,—

Сиянье помыслов его нам к цели озаряет путь,
В решеньях непреклонен он, его не пробуй обмануть.

* * *

Перед мудростью твоею потускнеет лик луны,
Солнечных лучей потоки рядом с нею не видны.
В виноградине, как в жбане, превратится сок в вино,
Ибо воле шаха мира в мире все подчинены; —

да не скроется от него, что решения судьбы всегда противоречат намерениям людей. Каждое существо, образованное слиянием ^четырех основ человеческой природы и вступившее в круг явлений и возможности, поступает согласно велению судьбы, а вращающийся небосвод сеет то зло, то добро.

*Мир этот создан для скорби был,
Беги от соблазнов его скорей!
Тревоги его не кончаются в час
Ни для народа, ни для царей.

Мир гонит влюбленных, но любит их,—
И нет страннее его затей!

— Со мной, — продолжал царевич, — было то же самое. Руда моей природы была на несколько дней помещена в горнило бедствий и испытаний и очищена огнем гнева и ярости. Несправедливая судьба одержала победу на арене событий, а коварное и капризное небо нанесло рану в глаз. Однако разумность везиров государства, справедливость и предусмотрительность падишаха были надежной крепостью и твердой броней против козней коварного врага, предотвращая беду и устраняя напасть, и коварство злоумышленника оказалось недейственным. «Предначертания калама отложены до Судного дня». Поэтому конец был счастливый, исход — благоприятный, вред не пробил плотины предусмотрительности и предосторожности, и благодаря старому уму и молодому счастью царя намерение врага не осуществилось. Противник не увидел в зеркале своего желания лица торжества, мечта его не осуществилась, а раздражение и ярость в характере падишаха не одержали верх.

Таким образом, враг потерял удобный случай.
С лицемерьем невозможно спутать истинную кротость,
Лишь одной сурьмою можно людям подсурьмить глаза.

*** * ***

Кротость твою захочется взвесить вдруг небесам,—
Сломаются обе чаши, не сдобровать весам!

Царевич рассказал падишаху о том, что произошло между ним и рабыней, и доказал свою правоту убедительными доводами и ясными аргументами, и пыль ненависти на зеркальной поверхности благословенного разума падишаха была стерта полировкой любви и благосклонности.

Под тяжестью благодеяний добрых
Склоняют люди головы свои.

— На этот случай, — продолжал шахзаде, — очень похожа одна история. Если украшающий мир разум шаха позволит, то я расскажу.

— Расскажи! — приказал шах.

Рассказ о хозяине и гостях

— Да будет вечен великий царь, да будет он всегда победоносен и могуществен, — начал царевич. — Рассказывают, что в минувшие века у древних народов один человек захотел пригласить к себе гостей, как это водится у добрых друзей и хороших приятелей, и соблюсти все правила и обычаи угощения, ибо в этом — признак щедрости.

То, что по наследству приобрел он, первому же нищему отдаст,
Им самим добытое добычей первого же алчущего станет

Послал он на базар служанку за молоком. Она заплатила деньги, взяла молоко, поставила на голову незакрытый сосуд и направилась домой.

Веление бога и судьбы небес предначертали, чтобы в это самое время над открытым сосудом с молоком пролетел аист со змеей в клюве. Из пасти змеи в молоко капнуло несколько капель яда, и никто не догадался об этом. Ведь правду же сказали:

Судьба затем судьбою и зовется,
Что отвратить ее нам не дано;
Для стрел ее что занавес из шелка,
Что щит из крепкой стали — все равно!

Служанка понесла молоко на кухню и там на нем сварили рис. После того как гости отведали всевозможных яств и различных пряностей, настала очередь молочного риса, и каждый, кто ел его, умирал на месте.

*** * ***

— Так кто же виноват в этом преступлении? — спросил царевич? — Кого винить? Кого следует наказать.

*Порой друг с другом рядом не уживутся люди,
Хоть выживут другой раз под остриями копий.

Один из присутствующих ответил:

— Виновата служанка, так как она не приняла мер предосторожности и не закрыла молоко, отчего в него и попали капельки яда.

— В этом преступлении виноват аист, — перебил его кто-то, — он и был причиной смерти этих людей, так как он пронес над молоком змею, яд которой капнул в молоко.

А третий сказал:

— Причиной смерти людей был яд змеи, ибо смерть человека, расставание души с телом — дело распространенное и естественное. Этот же вред и гибель людей — от яда.

— Виноват хозяин, — сказал четвертый, — он не попробовал сначала сам кушанья и не сумел отличить полезное от вредного.

А царевич ответил им:

— В этой истории нет никого виновного, ибо веления рока не совпадают с намерениями людей, и рука человека бессильна перед ними.

Уходят дни, приходят в свой черед,
Неся нам чашу бедствий и невзгод.

— У событий, ниспосланных небом, и случаев, порожденных небосводом, много поводов и достаточно предлогов. Сама небесная судьба предопределила, что мир телесных явлений и акциденций не существует вне событий и случаев, не образуемся без изменения обстоятельств и превращения явлений. У событий и случаев есть причины, и бывают они двух видов: телесные и духовные. Телесные причины — это те, которые постигаются внешними чувствами, духовные — те, которые постигаются чувствами внутренними. Чтобы явление было осуществленным, у него обязательно должен быть

создатель (движение, например, создается двигающим), поэтому явление называют следствием или результатом, действием или случаем. Все это происходит в силу ряда причин, порожденных главной причиной, именуемой причиной причин или необходимо-сущим. Это и есть всевышний бог.

Аллах могуществен в делах своих! Каждый раз, когда судьба ниспосылает что-либо, это происходит по какому-либо поводу. В данном случае поводом смерти и гибели тех людей послужили названные обстоятельства, события и факты. Перед божественным предопределением не может быть никакой преграды, брони, кольчуги или препятствия, ибо «когда явилась судьба, слепнет зрение».

Тот ключ, который ищешь ты повсюду,
В руках судьбы, иди своей дорогой.
Аллаху твой насущный хлеб не нужен,
Ни жизнь, ни смерть, — так уповай на бога.

— Поскольку срок моей жизни, — продолжал шахзаде, — не истек, не кончились дни моего существования, то появилась причина, препятствующая уничтожению моего тела, способствующая продолжению моей жизни, так что я из пучины опасности выплыл к берегам безопасности, спасся из гибельной пропасти. Причина этого — в разумности и рассудительности, избытке знаний и остром уме падишаха, в твердости духа, предусмотрительности и сообразительности шахских везиров.

У всех, кто обнажит свой меч или копье,
Копье зазубрится, затупится клинок.

Шах, выслушав эти доказательства и доводы, увидев смелость мысли и ясность изложения, убедившись, что шахзаде подготовлен к важным делам и высоким обязанностям управления страной и государством, изумился и удивился. Ему понравились его примеры, намеки и указания. Он восславил всевышнего бога, поблагодарил его, раздал нуждающимся милостыню и дары и стал исполнять обеты и обещания. Он одарил Синдбада почетными одеяниями и знаками

внимания, вознаградил его похвальное усердие, проявленное при обучении и воспитании царевича, и велел оказывать ему уважение.

— Расстройство ума и рассеянность мысли, которые поразили моего сына, — добавил падишах, — были устранены и уничтожены благодаря назиданиям Синдбада и его воспитанию. Поэтому наступило полное успокоение души и настало совершенное спокойствие духа. Мой сын, благодаря приобретенным знаниям и мудрости, стал достойным царского трона и подходящим для венца и царствования, и у Меня теперь нет ни желания, ни охоты сидеть на престоле и царствовать.

*Пускай десятки тысяч раз по всей земле звучит хвала
Тому, кто щедро одарил хваливших добрые дела!

Синдбад поднялся и стал благодарить и славить падишаха. Затем он сказал:

— Насколько это было в пределах возможности и умения нижайшего раба, я, не жалея сил и не покладая рук, трудился, чтобы обучить и воспитать царевича. И если падишах — да будет он жить вечно на радость добронравным! — захочет убедиться в этом и удостовериться в правдивости моих слов, то пусть прикажет мудрецам и ученым мужам задать шахзаде вопросы по всем разделам науки и мудрости, чтобы его просвещенный разум мог различить неиссякающее и бесплодное, тучное и тощее, чтобы утро истины выглянуло из-за ночи сомнения, чтобы правда отделилась от лжи, чтобы твой благородный и светлейший рассудок знал, что я не проявил нерадивости и беспечности в службе и порученном деле. Но в течение некоторого времени мои старания были бесполезны и мое усердие не приносило плодов потому, что у всякого явления есть свое время, а вещи и предметы зависят от них. Примером тому служат деревья и растения, цветы и плоды, которые приурочены к весне и осени; зима же является периодом перерыва и отсутствия. Если кто-либо пожелает в разгаре зимы взрастить на деревьях листья и цветы, то пусть даже для этого будут некоторые условия, но, поскольку это нелепо и невозможно, труды и старания будут напрасны, усердие и прилежание не дадут результатов. Сколько ни проявить в этом деле

изобретательности и терпения, пользы все равно не будет. С царевичем было точно так же, так как одни обстоятельства были в пределах возможности, другие же — в границах невозможности и невыполнимости. В силу этого не удалось сначала достичь желаемого. Теперь же, когда налицо все обстоятельства, условия и явления, красота желания показала во всем блеске лик из-под покрывала поисков, а обстоятельства неудачи сменились обстоятельствами удачи, как говорит всевышний бог: *«Воистину удаче способствует неудача, а неудаче — удача».

Тебя одолевают неудачи, ну что ж, подумай, *«не раскрыли ль мы»,
Удачи были, значит, будут снова. Об этом вспомнив, выйдешь ты из тьмы.

— Все это в совокупности — поучительный пример, а основа этих условий и суть обстоятельств — это благородство и благословенный взгляд падишаха, обладателя высоких помыслов, блеск его благодати и добрый знак его счастья и судьбы, падишаха, который облегчает трудности и приводит все недостижимое в пределы возможности.

Если он повелит, то недвижными звездами станут
Семь планет, что путями своими идут в небесах;
Гневен он, — небосвод над землей перестанет вращаться,
Дни не станут сменяться, когда повелит падишах.

Когда шах выслушал эти речи, на его благословенном челе показались признаки удивления и изумления. Он приказал одарить Синдбада драгоценными подарками и почетными одеяниями, достойными щедрости и великодушия такого падишаха. Затем он сказал шахзаде:

— Приведи пример, объясни причину и расскажи обстоятельства расстройства ума вначале и овладения всеми науками в конце, причину неудачного начала и похвального конца.

— Да будет вечен падишах страны и государь эпохи! — ответствовал царевич. — Да будет он процветать вечно, всегда побеждать и повелевать! Да будет Аллах покровительствовать ему постоянно, да будет его счастье неизменно возрастать, а его нравственные качества совершенствоваться! Если падишах желает, да не скроется от пресветлого разума, озаряющего весь мир, от благородного царского рассудка, поддерживающего блеск лучей солнца, затмевающего лунный свет, что молодость — это разновидность безумия и одержимости, что в ней налицо расстройство рассудка и отсутствие орудий понимания. Природа юноши устремлена к играм и забавам, в молодости много причин, отдаляющих достижение душевного покоя.

Коней своей юности гнал я к цели —
И вдаль без поводьев они летели.

*** * ***

Кто на любовь не потратил юности дни,
Знает пусть тот, что без пользы прошли они!

А затем наступает истинный рассвет, и юноша в конце концов воспринимает благотворное влияние, обнаруживает способности, совершенствует чувства и развивает разум. О подобных случаях и событиях сложили одну историю. Если шаханшах соизволит выслушать, то я расскажу.

— Расскажи! — сказал ему шах.

Рассказ о жене, ребенке, колодце и веревке

— В минувшие месяцы и далекие годы, — начал шахзаде, — жила женщина, потакавшая бесовской похоти и пристрастившаяся к животным наслаждениям. Она была жадна в страсти, ненасытна в сластолюбии и желании и проводила все время в поисках наслаждений, с неизменной песней на устах:

Дай кувшин вина и чашу, о любимая моя,
Сядем на лугу с тобою и на берегу ручья.
Небо множество красавиц, от начала бытия,
Превратило, друг мой, в чаши и в кувшины, знаю я.

Однажды, взяв кувшин и веревку, она пошла за водой к колодцу. На руках у нее был грудной ребенок.

Подойдя к колодцу, она увидела своего возлюбленного, остановилась у колодца с глазами, полными вожделения, и произнесла:

Я гибну, разлучась с тобой, так ждать не заставляй меня.
Ведь ожиданье во сто крат воды страшнее и огня!

Короче говоря, случилось так: когда женщина увидела желанного возлюбленного, то настроение ее переменилось, так что светлый день показался ей черной ночью. Конь страсти вырвал из ее рук поводья терпения и скромности, она отпустила узду, поднялась на стременах, понеслась по степи безумия, начала сражаться на ристалище любви и страсти.

Что ты такое, любовь? Состязаешься с бурей ты в силе?
Даже из быстрой воды вздымаешь ты облако пыли!

Прошло порядочно времени, и ее помыслы вернулись к дому. Она хотела обвязать веревкой кувшин, но дым страсти все еще застилал ее

глаза завесой беспамятства, так что она не смогла отличить кувшин от ребенка. Сгорая от сладострастия, она обвязала веревкой шею ребенка и опустила его в колодец. Как ни кричал ребенок, все было бесполезно и тщетно, ибо во сне неведения она видела желанные предметы и шла через гумно страсти, опьянев от чаши праздности. При этом она произнесла:

*Укоряющий влюбленных, удержи свои упреки!
Верный путь ты не сули им: сам Аллах их сбил с пути.
И поверь, твои упреки не достигнут благородных,
И тебе к их пониманью никогда не подойти.

Но тут подоспел ее муж, увидел печальное положение ребенка и вытащил его из колодца.

* * *

— Я был в таком же состоянии, — продолжал царевич, — я подхватил в степи юности на ристалище состязания *чоуганом неведения мяч страсти, вручил повод разума в руки беса искушения, в пучине страсти отдал узду своенравия в руки демона неведения и избрал уделом игры и забавы. Когда прошла пора юности и настало время разума и опытности, я сошел с пути невежд и стал приобретать знания, изучать науки и собирать мудрость. Тогда я узнал, что мир невежества — это темнота, а мир знания — это свет, и наука в нем — словно живая вода. Все явления и предметы — камень и гончарная глина, черепки и ракушки, а рубин и жемчуг среди них — это мудрость и знания. И все это создано для того, чтобы мудрецы искали во мраке живую воду мудрости, извлекали из гончарных черепков и известковых ракушек золото и жемчуг знания для совершенствования души.

*В знанье — величие и краса,
Знанье дороже, чем клад жемчужин:
Время любой уничтожит клад,

Мудрый и знающий вечно нужен.

— Когда же мои помыслы и стремления стали истинными, я обратился к исправлению своей нравственности и перестал идти стезей страсти, обратив все рвение и усердие на приобретение знаний и мудрости. При этом я сказал:

Я участью доволен, что мне послал господь:
Моим врагам богатство, зато познанье — мне.
Богатство станет прахом, когда настанет час,
А мудрость и познанья всегда в большой цене.

Тогда шах спросил царевича:

— О зеница ока владычества! О плод дерева счастья! Видел ли ты кого-либо ученее себя? Слышал ли ты о ком-либо, кто поступал и говорил бы лучше тебя?

— Да, — ответил шахзаде, — три человека превосходили меня своей опытностью и были выше меня по проницательности и сообразительности: первый — двухлетний мальчик, второй — пятилетний мальчик, третий — слепой старец.

— Расскажи нам историю о двухлетнем мальчике, — попросил падишах.

Рассказ о двухлетнем мальчике

— В минувшие времена, — начал царевич, — некий воин был влюблен в одну женщину. Он выказывал ей всевозможные знаки любви. И вот однажды она послала ему известие:

*Приди, покой моей души, тебе я душу подарю,
Побудь со мной, иначе я в тоске мучительной сгорю.

Воин, получив привет и весточку от возлюбленной, счел это посланием судьбы и лучшим подарком рока. Он произнес:

*Кто я, чтобы надеяться на радостное свиданье?
Кто я, чтоб стало радостью страсти моей страданье?
В сад твоих грез никто еще так и не смог проникнуть,—
Как я могу надеяться осуществить мечтанье!

Затем он приготовил дары и гостинцы, достойные его единственной несравненной возлюбленной, и направился прямо в ее покои. Когда он достиг цели и увидел ее лицо, они провели целый час за беседой, переходя от грусти к радости.

Потом воин захотел уединиться с ней. А у этой женщины был двухлетний сын, очень смышленый, сообразительный и умный.

— Подожди минутку, — ответила она возлюбленному, — я приготовлю ребенку поесть, чтобы отвлечь его внимание и чтобы он не догадался о нашей тайне.

— Пока ты будешь готовить, пройдет много времени, — возразил любовник. — Нам надо остерегаться напастей судьбы, не следует упускать удобный случай и отказываться от такой удачи. Жизнь наша уже находится в пути, и каждому ушедшему мигу мы не найдем замены — тем более минутам свидания, которые «проходят, словно облака, и уходят, словно метеоры».

Воистину мы вправе говорить: удача не сопутствует тому,

Кто получает благостыни свет, чтобы познать несчетных бедствий тьму.

*** * ***

Требуй вина, поцелуй лови, радость вкусить не мешкай, Иначе время, от нас уходя, тебя наградит насмешкой.

— Дай ему кусок хлеба, — продолжал воин, — чтобы он занялся им.

— Ты не имеешь представления о его сообразительности и смышлености, дальновидности и прозорливости, не знаешь о его придирчивости и привередливости, — отвечала женщина.

*Глаз засоряет песчинка одна,
Наглый комар раздражает слона.
Его характер так сварлив и зол,
Что я предпочитаю воздержанье.

— Если так, — ответил любовник, — то тебе лучше знать. Поэтому делай то, что считаешь нужным и благоразумным, — ибо «матери знают своих детей», — чтобы он не заподозрил нас и не заставил раскаиваться.

Женщина поставила на огонь котелок, чтобы сварить мальчику рис. Когда кушанье было готово, она положила ребенку вареного рису.

— Этого мне не хватит, — сказал мальчик, — положи побольше.

Она положила еще немного, но он снова сказал:

— Этого слишком мало, мне не хватит, и я не наемся.

Мать положила ему еще, но он опять остался недоволен и стал спорить с матерью, требуя больше. Когда кончился весь рис, он стал просить:

— Хочу сахара с маслом!

Мать принесла ему и этого, но мальчик требовал все больше. Наконец, воину стало невмоготу от алчности, жадности, прожорливости и настойчивости мальчика, и он закричал:

— Эй, глупый негодяй! Доколе ты будешь надоедать и привередничать? То, что съедаешь ты, ребенок, хватило бы на трех взрослых мужчин!

— Это не я глупый негодяй и мерзавец, а ты, — отвечал мальчик. — Если ты умен и воспитан, то должен знать, что совершаемые тобой поступки и твое поведение — здание, находящееся *«на берегу реки» или *«поблизости от пожара». В этом мире тебя порицают люди, в том мире постигнет божья кара. Каждый час небо смеется и судьба плачет над твоим нравом и семенами, которые ты сеешь, а язык рока говорит тебе:

Ужели в поклоненье плоти удел свой вправду видишь ты,
Иль там, где терпят все убыток, ты ищешь прибыли, глупец?
Ты душу делай совершенной, о ней заботясь каждый миг,
Благодаря душе, не телу, муж станет мужем, наконец.

— Ты проводишь свою жизнь в неведении, — говорил мальчик, — расточаешь время на недостойные поступки. И чем скорее ты пожнешь урожай с этих посевов, тем раньше

Увидишь, когда рассеется пыль,
Конь под тобою или осел.

— И если я проявил настойчивость ради вареного риса, то я ведь и получил его. Получил я и сахар, и масло. Благодаря слезам и внутреннему жару расслабла прозрачная и соленая влага, очистился мозг, просветлели глаза. А тем временем рис в животе улегся. Тогда я добавил сахар и масло, и все смешалось, и ускорилось пищеварение. Ведь частички сахара по приятности своей природы смягчили кусочки пищи, очистили ощущения и укрепили мозг. Вот это и есть результат моего злонравия. Результат же и плоды твоих желаний— это ослабление зрения, вред мозгу, возобладание холода и сухости, распространение жара, рассеяние силы, расслабление членов, нервов и жил, сокращение жизни, укор людей в этом мире, гнев и кара бога — в том, бездна ужасных мук и тяжких страданий. Так кто же из нас мерзок и глуп?

Воин был умный и рассудительный человек. Услышав разумные слова и справедливые доводы мальчика, он удивился и произнес:

*Что это? Сон или явь? Не бывало такого вовеки!
Может быть, род наш людской возродился в одном человеке?

Воин признал, что ребенок прав, а сам он впал в ошибку, открыл для себя врата греха, преступления, прегрешения и проступков, что за все это его будут порицать, укорять, хулить и ругать. Он встал, попросил у мальчика прощения и дал себе обет не совершать более подобных грехов, не подвергаться ни наказаниям в этом мире, ни каре в будущем и не возвращаться более к такому образу действий. Затем он сказал:

— О мальчик! Прости меня за проявленную мной дерзость. Ведь я полагал, что прибыл в дом своей любовницы и не думал, что это дом * Бократа и Сократа, где я услышу столько полезных советов, найду так много выгод.

А женщине он сказал:

— Уступаю тебя этому мудрому ребенку.

И он покинул дом и пошел своей дорогой.

*** * ***

— А какова история о пятилетием мальчике? — спросил падишах. — Расскажи.

Рассказ о пятилетием мальчике, старухе и ворах

— Рассказывают, — начал шахзаде, — что в минувшие века и незапамятные времена трое искусных и расторопных мужей вели совместно торговые дела и делили поровну прибыль. Когда у них накопилась тысяча динаров, двое предложили:

— Давайте поделим их.

Но третий, более сообразительный и разумный, бывалый и опытный, возразил:

— Трудно разделить тысячу динаров на три — кому-нибудь достанется меньше. Давайте-ка отдадим этот кошелек на хранение честному человеку, чтобы поделить, когда наберется полторы тысячи динаров. И тогда каждый получит равную и достаточную долю, которая обеспечит его достаток и спокойствие на всю жизнь. Ведь трудно и даже невозможно достичь желаемого без состояния, а тот, кто пренебрегает деньгами и презирает их, лишается покоя и радостей жизни.

Тогда они все втроем взяли кошелек и отправились к одной старушке, известной прямотой и правдивостью, честностью и добропорядочностью. Они сказали ей:

— Мы оставляем тебе эту тысячу динаров на хранение с условием, что ты вернешь их только в том случае, если мы придем к тебе все втроем.

После этого они покинули дом старушки. Мало ли, много ли времени прошло, но вот друзья в один прекрасный день решили помыться в бане. Один из них предложил:

— По соседству с домом той старой женщины есть баня. Пойдемте туда, а по пути возьмем у нее гребешок и *глину для мытья.

Когда друзья прибыли к дому старушки, старший сказал:

— Вы оставайтесь здесь, а я зайду за гребнем и глиной.

Он вошел к женщине и попросил:

— Отдайте мне тот кошелек с деньгами.

— Пока вы не придете втроем, я не верну отданное мне на хранение, — возразила она.

— Два моих друга стоят у твоего дома, — ответил он. — Поднимись на крышу и спроси их: «Отдать ли вашему другу то, что он просит?»

Старуха поднялась на крышу и крикнула:

— Дать ли вашему другу то, что он просит?

— Отдай, это мы его послали, — ответили те.

Старуха, решив, что они имеют в виду кошелек с деньгами, спустилась с крыши и отдала пришедшему кошелек. Он взял кошелек и вышел.

*С добычей я вернулся из сраженья,—
Так к женщинам стремятся украшенья.

А те двое напрасно прождали его. Наконец, они пошли к старухе и спросили:

— Где же наш товарищ?

— Забрал кошелек с деньгами и ушел, — ответила она.

Они были поражены и набросились на старую женщину:

— Врешь! Верни наши деньги!

Потом они потащили ее к городскому судье и предъявили иск на свои деньги. Старушка рассказала, как все было, и закончила словами:

— Я отдала деньги их товарищу.

Судья, выслушав, принял решение:

— Верни им деньги, так как было условлено, что ты должна вернуть деньги в том случае, если они придут втроем. Зачем же ты отдала деньги одному? Ты должна понести наказание и уплатить долг.

Как ни билась старушка, ничто не помогло. И она покинула судью, плача и причитая. По дороге как раз проходила группа ребят. Пятилетний мальчик подбежал к старухе и спросил:

— О мать! Что случилось с тобой? Чем ты огорчена и опечалена?

— Сынок, — ответила она, — дело мое запутанное и трудное. Тебе не решить его и не распутать.

Иди, играй! Не по плечу тебе пока любовь.

Но мальчик стал настаивать, заклинать и упрашивать ее, и она рассказала ему всю историю. Тогда мальчик спросил:

— Если я устраню эту напасть, разрешу трудность и освобожу твое сердце от этой заботы, купишь ли ты мне фиников на одну монету?

— Куплю, — был ответ.

— Для решения этой задачи и преодоления этой трудности, — посоветовал мальчик, — немедленно возвращайся к судье, вызови истцов и попроси рассказать в присутствии уважаемых и справедливых мужей историю от начала до конца, от шеи до колена. Призови присутствующих в свидетели, а затем скажи: «Да будет жизнь судьи долговечной! Их кошелек находится у меня, а деньги в нем. Но между нами было условлено не возвращать отданного на хранение, пока они не придут все втроем. Прикажи привести третьего товарища, пусть они заберут свои деньги».

Старушка запомнила доводы мальчика и тут же отправилась к судье и произнесла:

*Подбери жемчужины эти, ими я усыпал твой путь,
Но подделки мошенников бойся, осторожней, внимательней будь.

И она поступила точно в соответствии с советами мальчика. Судья, видя перемену в ее словах и убедившись в справедливости ее доводов, поразился, вынес решение и обратился к истцам:

— Ступайте-ка и приведите третьего товарища. Тогда и получите свои деньги. Это и есть справедливость, решение по *шариату.

Истцы покинули судью, обманувшись в надеждах и проиграв дело, а старушка спаслась от беды.

*Есть переходы трудные, есть переходы легкие,
А эти дни меж ними — лишь караван-сарай.

После этого судья повернулся к женщине и спросил:

— От чьей свечи зажгла ты этот светильник? Кто научил тебя этому убедительному доводу?

— Это я сама дошла до всего собственным умом, — ответила та.

— Ты солгала, — возразил судья. — Этот довод — порождение не женского ума, ибо павлин мысли не снесет такого яйца в гнездо женского мозга, из вороньего гнезда не вылетает пава, из свинцовой руды не выплавляют золота, в помоях не водятся жемчужные раковины, обыкновенная серна не дает мускуса. Скажи правду: кто посоветовал тебе этот убедительный довод?

— Пятилетний мальчик, — ответила старая женщина.

Судья поразился, приказал привести ребенка и стал расспрашивать и экзаменовать его. Убедившись в его проницательности и уме, судья обласкал его, похвалил и одарил. После того во всех трудных делах он советовался с мальчиком и получал от этого пользу.

*** * ***

— А какова история слепого старца? — спросил падишах. — Я хочу послушать ее.

Рассказ о слепом старце, купце и ворах

— Жизнь падишаха да будет счастливой, — начал шахзаде, — да хранит творец победоносного владыку нашего времени. В известных книгах и знаменитых историях рассказывают, что в минувшие века у древних народов, в *стране Антакия, жил-был очень богатый купец, который вел обширную торговлю. Он в совершенстве знал свое дело, прекрасно различал сорта товаров. Постоянно пересекал он пустыни, оставляя позади стоянки и переходы.

В один прекрасный день в его родной город прибыли чужеземцы и сообщили, что в таком-то городе на берегу океана очень ценят сандаловое дерево и покупают его на вес золота. Мечта о прибыли овладела купцом, и он решил:

— Соберу-ка я весь свой капитал, куплю сандалового дерева, повезу в этот город и продам за хорошую цену. Я наживу солидное состояние и обрету достаток, которого хватит на всю жизнь. И я не буду нуждаться в торговле или других занятиях, буду проводить время в покое и удовольствии, наслаждаясь и отдыхая.

С этими мыслями он собрал все свои наличные деньги, купил сто *харваров сандалового дерева и отправился в тот город. В пути он часто читал стихи:

> Если ты невредимым вернешься, — поклялся я перед судьбой,—
> Ни на миг, ни на день, никогда, ни за что не расстанусь с тобой!

Когда купец приблизился к цели своего путешествия, то увидел город, прекраснейший из всех городов. Жители его славились проницательностью и сообразительностью, ловкостью и хитростью. Купцу оставалось до города два перехода, когда глашатаи стали кричать на улицах:

— Какой-то купец везет сто харваров сандалового дерева.

Один из городских жуликов и проныр, который хорошо разбирался в торговых делах, подумал: «У меня есть немного сандала.

Сюда вот-вот прибудет этот купец, и мой сандал падет в цене. Пойду-ка я и вытяну у него сандал хитростью».

Он вышел из города, одевшись, как богатый торговец, и взяв с собой немного сандала. Приблизившись к приезжему купцу, он не промолвил ни слова, велел разбить палатку, разложить очаг и разжечь вместо дров сандал. При этом он произносил:

Искал я выгод в мире, а потом
Я потерял и то, с чем свой покинул дом.

Купец, почуяв запах сандала, встал и начал осматриваться. Вдруг он заметил палатку и увидел, что сандал жгут в очаге вместо дров. Купец поразился и изумился, потом подумал:

— Какая прибыль может быть от сандала там, где его жгут как дрова? Какая тут корысть? Увы! Я разорился. Целых шесть месяцев сносил я тяготы и страхи пути, а результат моего путешествия — убыток.

*Там, на родине, оставив дым обыкновенных дров,
Ищут стран они, где амброй пахнет даже дым костров.

Потом он подошел к жителю того города и уселся рядом с ним, печальный и скорбный. Горожанин спросил пришельца:

— Откуда путь держишь? Что за товар в твоих вьюках?

— Я привез сандал, — отвечал купец.

— А что ты еще привез? — спросил горожанин.

— У меня один сандал.

— *Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха! — сказал горожанин. — В нашем краю харвар сандала стоит *динар. У нас его большей частью жгут вместо дров. Почему ты не привез товара, который принес бы тебе прибыль и душевный покой?

Пришелец, огорчившись и опечалившись от этих слов, погрузился в море раздумий и стал упрекать себя. Он уже готов был удовлетвориться тем, чтобы рассчитаться за наем ослов. А горожанин, убедившись, что тот попался на удочку и согласился на небольшую плату, предложил:

— О благородный муж! Я избавлю тебя от этой беды и сокращу твои убытки, ибо ты кажешься праведным человеком, на твоем челе видны черты благочестия и правдивости, на лбу твоем блистают лучи благородства и человечности. Продаешь ли мне эти сто харваров сандала в присутствии этих свидетелей за меру любого, чего бы ты ни захотел: серебра, золота, жемчугов?

— Продаю, — ответил приезжий купец.

Горожанин призвал в свидетели присутствующих и заполучил сандал. Он погрузил товар и двинулся в город. А купец, полагая, что этот муж облагодетельствовал его и оказал ему милость, с радостью согласился на сделку. Войдя в город, купец поселился в доме одной старушки, заплатив ей динар за стол.

Вечером купец спросил хозяйку:

— По какой цене идет у вас сандал?

— На вес золота и серебра — услышал он в ответ.

Тут купец догадался, что мошенник надул его, и стал размышлять.

— Почему вдруг ты призадумался? — спросила старуха.

Купец рассказал ей обо всем.

— Жители этого города, — поведала ему старуха, — искусные ловкачи и мошенники, плуты и жулики. Как выйдешь завтра в город, так гляди, ни с кем не заговаривай, не призывай на помощь и не подавай иска на свое имущество. Ты — чужеземец, прошел долгий и дальний путь, совершая переходы и остановки, так смотри же, не дай своему имуществу пропасть и сгинуть.

— Спасибо, — отвечал купец. — Я ни на шаг не отступлю от указанного тобой пути.

На заре, когда *Симург утра взлетел на горизонте с востока, а ворон ночи скрылся в уголках запада, купец вышел в город и стал бродить по базарным рядам и лавкам, по улицам и перекресткам. И вот у одной лавки он увидел двух мужчин, игравших в нарды. Они скакали на коне азарта по ристалищу соперничества. Купец наблюдал за ними некоторое время, пока один из игроков не спросил его:

— *Ходжа, в нарды играешь?

— Да.

— Так садись, — предложил игрок, — сыграем партию. Если ты выиграешь, я отдам все, чего ты попросишь, а если проиграешь, исполнишь все, что я тебе велю.

— Идет, — согласился купец, сел и стал играть. А тот был мастер игры в нарды, так что мог дать три хода вперед небесному игроку, а *клоуном небес в игре в кости он жонглировал, как костяшкой.

Даже небесному игроку даешь ты три хода вперед,
Проигрышам в игре с тобой я давно потерял уже счет.

Купец проиграл тут же. Выигравший потребовал:

— Я прошу тебя выпить разом всю воду в реке, которая протекает перед нами.

Купец был так поражен, что не мог ничего ответить. На крики сбежались люди (а надо сказать, что у купца один глаз был карий, а другой — голубой). Вдруг к нему подскочил одноглазый игрок и стал кричать:

— Ты украл у меня один глаз! Верни мне его или же уплати выкуп.

Тут подошел третий, бросил перед ним кусок мрамора и потребовал:

— Или сошьешь мне из этого камня рубашку и шаровары, или же уплатишь за это.

Спор и пререкания все усиливались и возрастали. Услышала об этом старушка, хозяйка купца. Она выскочила на улицу, подбежала к спорящим и попросила:

— Выдайте мне этого человека на поруки, а утром я верну его вам. Сегодня уже поздно, судья не станет решать спора, и ваша тяжба окажется бесполезной.

Жулики уступили купца старушке, и она взяла его на поруки. Купец вернулся домой, словно цапля, вялый и огорченный. Он проливал горючие слезы, подобно фонтану, кусал палец изумления зубами скорби и, пораженный превратностями судьбы, удрученный коварством света, с удивлением повторял:

*Как ночи у них похожи на дни,
Так сами с лисицами схожи они.

Старуха начала его упрекать:

— Я ведь предупреждала тебя, украсив беседу наставлением и увещеванием, и говорила тебе, чтобы ты в нашем городе ни с кем не совершал купли-продажи и не вступал в сделку. Ты пренебрег моими советами, полными искренности, и презрел наставления, исполненные доброжелательства, и вот подверг себя таким бедствиям и напастям.

Раз ты не исполнил добрый совет,
Страдай от тобою вызванных бед!

— Ты права, — отвечал купец. — Ты проявила человечность, сострадание, благородство и доброжелательство, но прости меня, ведь говорят:

*Доброжелатель для тебя не пожалел совета,
Но нелегко совету внять, — удел счастливых это.

— Лучше бы мне никогда не лелеять этой мечты и не ронять своей чести! Однако что же теперь делать?

— Успокойся и прислушайся ко мне слухом разума! — ответила старуха. — Против каждой болезни есть снадобье, у каждого затруднения есть конец. Бери жемчуг в море, золото — из земли, мудрость — у говорящего. Я научу тебя хитрости и придумаю средство для избавления от этой беды и достижения твоей цели.

Купец с благодарностью и признательностью выслушал благожелательные речи старушки, похвалил и восславил ее и добавил:

— Когда я избавлюсь от этих бедствий и напастей, то отблагодарю тебя за добрые советы и наставления по мере возможности и сил, способностей и умения, буду идти по стезе благодарности и вознаграждения за эти похвальные поступки и достойные дела и подкреплю эти обычаи благосклонности знаками дружбы.

*Добро останется добром во все века, как и сейчас,
А зло — презреннейший товар изо всего, что ты припас.

*** * ***

Делай добро, оно пригодится тебе,
Весь этот мир — память о добрых мужах.

— Знай же, — начала старушка, — что у этой шайки есть главарь, старец слепой и увечный, но очень искусный и ученый, сообразительный и мудрый, скорый на выдумку. Вся шайка каждую ночь собирается у него. Они рассказывают ему о событиях дня, советуются с ним, прося у него наставления и указания, и всецело подчиняются его приказам. Было бы неплохо тебе одеться жителем нашего города, отправиться в его дом и сесть в уголке, *превратившись весь в зрение, как нарцисс, весь в слух, как водяная мята. Будь внимателен и прислушивайся к тому, что будут говорить твои истцы и что он ответит им. Запомни все и закрепи это в памяти, а завтра используешь в надлежащем месте.

Купец надел одежду жителей того города и, когда на лицо невесты вселенной набросили серебристую чадру и накинули черное покрывало, он направился в дом главаря обманщиков, сел переодетый в дальнем углу и стал наблюдать и прислушиваться к их речам.

Сначала на ноги поднялся мошенник, купивший у него сандал, и сказал:

— Да продлится жизнь атамана, да будет она счастливой и благословенной, да будет мир соответствовать его желаниям, да будет добыча в его силках. В этот город прибыл купец и привез сто харваров сандала. Я купил у него весь сандал с условием заплатить мерой любого, чего он захочет.

— Ты совершил оплошность, — перебил его главарь. — Никогда не следует попадать в сети к тому, кого сам хочешь поймать. Много умных и сообразительных мужей таким образом попадало в трудное положение и теряло свое состояние. Тебе следует знать, что никто, пока он не превзойдет всех умных мужей в мире умом, сообразительностью, проницательностью и хитростью, не прибудет в нашу страну для торговли.

Именно поэтому сложены такие стихи:

*Сокол без крыльев летать не может.

— Если завтра ты потребуешь от него сандал, он скажет: «Я прошу меру блох, чтобы половина их была самцами, а половина — самками. И все они должны быть оседланы, взнузданы». Что ты тогда ответишь? Как выйдешь из положения?

— О атаман! — отвечал мошенник. — Вряд ли он знает такие тонкости.

— А если знает, что ты будешь делать?

— Верну ему сандал.

— Хорошо еще, если он возьмет сандал и не попросит чего-либо в придачу.

Потом встал игрок в нарды и стал рассказывать:

— С тем же самым человеком я сыграл партию в нарды с условием отдать ему что он пожелает, коли выиграет, а коли проиграет, — потребовать от него исполнения любого моего желания. Я выиграл и сказал ему: «Выпей сразу всю воду этой реки».

— Ты совершил оплошность, — сказал ему старик. — А если он, до того как выпить, попросит запрудить все речки, впадающие в ту реку, что ты будешь делать?

— О атаман! — отвечал мошенник. — Он никогда не додумается до этого.

— Но он должен ответить именно так, — перебил его старик.

Встал третий человек и начал:

— Я потребовал от него сшить мне рубашку и шаровары из куска мрамора.

— А если он, — возразил старик, — положит перед тобой камень и попросит сделать из него нитку, чтобы сшить рубашку и шаровары, как ты поступишь?

— О атаман! — воскликнул мошенник, — разве он догадается сделать это?

— Я сказал его ответ, — промолвил старик.

Встал еще один мошенник и произнес:

— Этот человек фигурой и обликом похож на меня, поэтому я сказал: «Ты украл у меня один глаз. Вырви его и отдай мне!»

— Твои дела совсем плохи, — ответил главарь, — а что, если он скажет: «Я вырву свой глаз, а ты — свой, потом их взвесим на весах, и если они окажутся одинаковыми, — забирай. А если нет, то значит глаз не твой»? В таком случае, — продолжал главарь, — он останется с одним глазом, у тебя же не будет ни одного.

— У него нет такого развитого ума и совершенного рассудка, — сказал мошенник. — Он не додумается до этого.

— Обязанность советчика — только дать совет, — ответил старик. — Я сказал тебе то, что он должен ответить.

Когда были заданы все вопросы и выслушаны ответы, шайка мошенников стала расходиться. Купец вернулся домой радостный и веселый. Он стал благодарить и расхваливать старушку и говорить:

Ты благо сотворила, меня предупредив:
Лишенный сил и денег, я б не остался жив.

— О добрая матушка! — говорил он. — О благословенная советчица! Ты проявила благородство, великодушие и сострадание, дала мне ясные советы и привела убедительные доводы! Всю жизнь я буду рабом твоим, буду повиноваться твоим велениям и выполнять твои приказы.

Если не сможет моя хвала тебя отблагодарить за милости,
Значит, сильнейшему не дано благодеянья творить за милости.
Веру мою, покорность мою — все завещаю тебе отныне я,
Знай, что хочу себя самого навеки тебе подарить за милости.

Купец провел ночь спокойно, без тревог и волнений. Когда черные знамена ночи достигли на западе *Кайрувана, а золотой шатер солнца показался на востоке, мошенники явились в жилище старушки, потребовали ответчика и отправились к судье.

Все они изложили суть своих притязаний. Сначала поднялся тот, кто купил сандал, и стал хвалить и превозносить судью:

— Да поддержит Аллах верховного судью и да убережет его от обмана. Я купил у этого человека сто харваров сандала за меру

любого, чего он пожелает. Пусть возьмет плату и отдаст сандал.

Судья обратился к купцу:

— Меру чего ты желаешь?

— Я прошу меру блох, — ответил купец. — Пусть одна половина их будет самцами, другая — самками. Все они должны быть оседланы, взнузданы, снаряжены, сбруя должна быть усыпана золотом и каменьями, жемчугами и рубинами.

Судья повернулся к мошеннику, словно говоря: «Я же тебя предупреждал» —

Противника плохо ты знаешь, а это всегда не к добру.
Вот видишь: за шахматы сев с ним, свою проиграл ты игру.

— Я отказываюсь от сандала, — заявил мошенник.

— Сандал принадлежит тебе, — ответил купец, — мне же уплати согласно законной сделке то, что обязался, и откажись от иска перед судьей.

Судья стал примирять стороны и, наконец, с большим трудом уговорил на мировую с обязательством, что мошенник уплатит тысячу динаров купцу, а тот откажется от иска и возьмет назад свой сандал.

Все прочие дела кончились таким же образом. Каждый предъявлял свой иск и выслушивал ответ купца. Наконец, после долгих пререканий порешили на том, что они уплатят купцу три тысячи динаров, чтобы выпутаться из этой беды. Купец получил деньги, оставил у себя сандал и продал его по самой высокой цене. Он преподнес ценные подарки старушке и судье и возвратился с несметными богатствами на желанную родину, в милые края.

*** * ***

— Вот эти трое людей — заключил шахзаде, — были умнее меня.

Падишах, видя блистательное красноречие царевича, восславил бога и произнес:

О господь! И в нынешнем, и в прошлом был всегда ты милостив ко мне.
Но ведь благодарные моленья милости высокой не нужны.
Кто с тобой осмелится поспорить или извинения просить?
Извиненье будет лишь признаньем, что нельзя простить моей вины.

*** * ***

*Если каждый волос мой сделается языком,
А язык в сто тысяч душ превратится вдруг потом,
Души, господа хваля сотню тысяч лет подряд,
Все ж его за все добро вряд ли отблагодарят!

Потом падишах повернулся к присутствующим и спросил:

— Кого следует благодарить за эти достойные подарки, великие дары и жемчужины божественного счастья? Кому сказать «спасибо»?

Один из придворных ответил:

— Благодарить надо мать, которая в течение девяти месяцев оберегала от бед и несчастий бытие царевича в укромном месте, в неприступной крепости, в сокровищнице милосердия, которая взрастила его после рождения и сделала мужчиной и человеком.

— Надо благодарить шаха, — сказал другой, — ибо мать — это земля, отец же — пахарь и земледелец. Земледелие — это милость, а семя отца — зерна. Если зерна доброкачественны, то такими же будут деревья и растения, цветы и плоды.

— Надо благодарить шахзаде, — сказал еще третий, — который показал рвение во время учебы, напряг умственные способности и память, перенес тяготы размышлений и раздумий, претерпел трудности запоминания и повторения, так что от самых низких ступеней поднялся до самых высоких, изучил науки, литературу, искусства и усовершенствовал себя, благодаря способностям и одаренности.

— Надо благодарить Синдбада, — сказал еще кто-то, — который приложил усердие в деле обучения, нарядив и украсив шахзаде сокровищами мудрости и одеждами знаний, довел его до высших ступеней и высоких степеней, сделав его достойным трона и венца, счастья и благополучия.

— Надо благодарить достойных везиров, — сказал еще один придворный, — которые являются цветами и бутонами в саду знаний и учености, которые украшены совершенными способностями и прекрасным умом, за то, что они извлекли царевича из гибельной пропасти.

А Синдбад сказал:

— Надо благодарить бога, создавшего и наделившего шахзаде здоровыми членами и чувствами, благородным характером, возвышенной натурой, проницательным разумом и всеми доблестями, способностью воспринимать мудрость, органами памяти, воображения, представления, размышления, а также создавшего вокруг него благоприятные обстоятельства, поставившего его в выгодные условия, в особое положение.

Слава собравшему на земле весь человеческий род,
Подобно тому как в Коране собраны все науки.

— О сын, — сказал шах, — какой путь ближе к истине и справедливости? Какой дальше от дороги греха и ошибки?

— Если шах разрешит, — ответил шахзаде, — я расскажу историю по этому поводу.

— Рассказывай, — приказал шах.

Рассказ о дочери Кашмирского шаха, пери и четырех братьях

— Да будет долговечна жизнь падишаха, благородной тени творца! Да будет его счастье неизменным, да не прекратится благополучие, — начал царевич. Рассказывают, что в минувшие века, в далекие времена жил в Кашмире падишах, прославившийся справедливостью и правосудием, известный благородством и великодушием, добрым именем и великим почетом, могущественный, окруженный покорными подданными. Была у него дочь, целомудренная и добродетельная, прекрасная и благородная, из хорошего рода и славного племени, чистой репутации и ослепительной красоты. На земле никто не мог найти равной ей по внешности, характеру, привычкам и душевным качествам, и у всех на устах было:

*Ее сияние было венцом на челе красоты,
Казались полной луною лица прекрасной черты.

Отец любил ее безмерно, даже солнечным лучам не дозволял коснуться ее. Он всегда повторял:

И ты одинока, и я одинок, и горечь кипит в груди,
Или к тебе я приду гонцом, иль ты ко мне приходи.
Пусть солнце не смеет вместе с тобой над этой землею плыть:
Одна ты должна идти, не хочу, чтоб тень плелась позади.

В один прекрасный день она гуляла со служанками в саду и наслаждалась природой. Тут проходил какой-то *ифрит из бесовского племени, обладавший мощью и силой, снаряженный оружием и доспехами. Взгляд его упал на девушку, он увидел ее, и она завладела его сердцем. Ифрит похитил девушку на виду у слуг и родственников и отвез ее в свое жилище.

Весть об этом дошла до падишаха. Он потерял покой и сон и приказал возвестить по всей стране: «Тот, кто облегчит положение шаха и привезет его дочь невредимой, получит ее в жены и еще полцарства в придачу».

А в той стране жили четыре брата, прославившиеся в четырех искусствах. Один из них был искусный проводник, прошедший разные страны и проторивший многие дороги и пути по краям, о которых говорят:

*Меняло цвет его лицо пред близким смертным часом,
Как будто красками играл хамелеон.

*** * ***

Прошел он моря и пустыни и смерти не встретил нигде.
Ведь был он в пустыне змеею и делался рыбой в воде.

Второй брат был отважен и бесстрашен. Он вырывал клыки из пасти свирепого льва и позвонки из спины змеи и всегда говорил:

Я пройду и меж зубами кобры и в конце концов останусь цел,—
Между челюстями льва недаром я всегда проскальзывать умел.

Третий был храбрый и доблестный воин, отлично владевший оружием, так что барс для него был подобен хромой лисе, а лютый лев — самке шакала. В бою и битве он всегда повторял:

*Забыл я о свойствах крови, что льется ручьем, журча.
Забыл обо всем: о свойствах коня, копья и меча.

Четвертый брат был искусный и одаренный лекарь, знавший все болезни и их причины, недуги и их признаки. Его рука исцеляла, как вдыхание Исы, его приход был благостен, как *рука Мусы.

Его рука была *рукой Мусы, лечила, как *дыхание Исы,
Его рука — лекарство для больных, для сильных — соучастница в борьбе.

Собрались четыре брата вместе и стали советоваться.

— Если удастся решить эту задачу, — говорили они, — то только нам.

Тот, кто был проводником, пустился в путь впереди других. Шли они, шли и дошли до жилища ифрита. Он обитал на вершине горы, у входа в пещеру. Когда они подошли к пещере, то отважный и бесстрашный брат вошел внутрь и, взяв девушку за руку, вывел ее из пещеры.

Ифрита в это время не было. Вернувшись домой и обнаружив исчезновение девушки, он догадался о том, что произошло в его отсутствие. Не медля, собрал он *дивов и *пери, которые подчинялись ему, и послал вдогонку за беглецами. Но когда рать догнала братьев, тот, кто был умелым и храбрым воином, взялся за оружие и сразился с дивами и пери. Он одолел, большая часть их была убита и ранена, остальные же обратились в бегство. И братья вернулись домой вместе с дочерью падишаха.

Тут брат, который был лекарем, взялся вылечить девушку — а она была заколдована — и своим лечением вернул ее в прежнее состояние. Тогда все они вместе направились к падишаху, оказали ему должное уважение и подобающий почет. Затем они рассказали ему о том, что совершил каждый из них, и добавили:

— Великодушной натуре, милосердному характеру, благородному происхождению и знатному роду падишаха подобает исполнить данное обещание, быть верным своему слову. Ведь великие мужи сказали: «Когда великодушный обещает, то выполняет».

*Благородный неуклонно обещанья выполняет.
Если гром гремит, то туча капли на землю роняет.

*** * ***

*Для того, кто выполнил обет,
Никаких преград на свете нет!

Падишах обласкал всех четырех братьев и назначил каждого на подходящую должность. Проводника он сделал *сахиб-беридом, бесстрашного — палачом, лекаря — везиром, а храброму солдату отдал дочь, назначив его *сипахсаларом. При этом он обратился к ним:

— Каждый из вас заслужил награды и совершил деяние, которого не мог совершить другой. Если бы не было проводника, то никто не нашел бы жилища ифрита, никто не узнал бы, где он обитает и живет. Если бы не было храброго воина, то никто не устоял бы против рати дивов и пери. Если бы не было бесстрашного, то никто не вывел бы девушку из пещеры дива. А если бы не было лекаря, то она не выздоровела бы и труды других были бы напрасны.

*** * ***

— Я был точно в таком же состоянии, — продолжал шахзаде. — Если бы не было семени отца, то милосердная земля бездействовала бы. Если бы не было учителя и наставника, то никто не обучил бы меня мудрости и знаниям. Если бы не было моего стремления к овладению науками, то обучение и наставления учителя не возымели бы действия. Если бы всевышний бог не сотворил меня своим могуществом, если бы не укрепил он моей телесной природы внешними и внутренними силами, то я не существовал бы. Следовательно, благодарить и славословить надо пречистого *Йездана, который создал своим всемогуществом человека, подарил нам знания и мудрость, дал нам хорошие нравы, доблести и восприимчивость.

*О, ты, кто пестует души нам и украшает лица,
О ты, дарующий свет тому, кто жалким глупцом родится,
Неверье и вера всегда идут путем твоего прозренья,
И сотоварищей у тебя не было в день творенья.
Тут все везиры и надимы стали восхвалять шахзаде.
Браво! Браво! Глаз дурной пусть тебе не повредит.

*** * ***

*Во власти Аллаха, обоих миров господина, Разъединенное в мире собрать воедино.

Затем шах приказал опозорить и осрамить перед всеми людьми рабыню, которая оклеветала и опорочила царевича, обвинила его в преступлении и святотатстве. Он повелел поступить с ней так, как подсказывает долг разума и как требует возмездие.

Когда привели рабыню, шах велел ей остановиться у входа в тронный зал и обратился к ней с такой речью:

— О блудливая развратница! О позор среди жен и срам среди супруг! Ты не устыдилась людей и не устрашилась бога, так коварно поступив с моим сыном, обрекая меня на позор в этом мире и возмездие в том?!

*Могучих дождей потоки не смоют за двести лет
Тобою, презренная, поднятой пыли великих бед.

Рабыня ответила смиренно и покорно:

— Я признаюсь в своей вине и сознаюсь в преступлении. И коль скоро я совершила проступок и прегрешение, достойные наказания и возмездия, порицания и упреков, то я заслуживаю осуждения и кары. И какое бы наказание я ни понесла, оно не будет чрезмерным. Но раз царевич вознамерился погубить меня, я вынуждена была оказывать ему противодействие в силу религиозности и веры, благородства и добродетельности, чтобы спасти себя из гибельной пропасти.

*Если, имея копье, в нужде не найдешь коня,
Копье оседлаешь ты, коварство судьбы кляня!

— Да не скроется от блистающего царского разума, частицей которого являются солнечные лучи, — продолжала рабыня, — что для каждой божьей твари дорога ее жизнь и она любит ее больше, чем жизнь кого-либо другого. Ведь говорят:

Сердец живых существ по злобе не обидь,
Жизнь — драгоценный дар, сердца стремятся жить.

— Когда кто-либо покушается на живое существо, то по законам самозащиты ему следует устранить нападение и по мере возможности сокрушить врага рукою гнева, ибо ни один решительный муж с чистыми намерениями не согласится на утрату души и гибель тела, будет сражаться с врагом не на жизнь, а на смерть и скажет:

*Быть может, на этом пути мне не следует жизни жалеть,
Но сердцу застыть и не биться бессилен я был повелеть.

— И вот теперь я пребываю в унижении, — говорила она, — и готова сердцем к наказанию. И что бы шах ни приказал, никто не сможет сопротивляться, и какое бы повеление ни отдал, оно может быть воспринято только с покорностью и смирением.

Да будет исполнен твой приказ,—
Важнее он велений судьбы.

Шах тогда спросил везиров и *надимов:

— Какого наказания заслуживает эта коварная злодейка?

Один из них ответил:

— Надо выколоть ей глаза, ибо именно глаза ее являются бедствием для людей. Пока она не увидит чего-либо глазами, до тех

пор не возжаждет этого, а пока сердце не захочет, язык не осмелится произнести греховное слово.

Проводниками были глаза на роковом пути,
Они в ответе, что мне пришлось дорогой страстей идти.

— Надо вырвать клинок ее языка из ножен рта, — предложил другой, — чтобы она не порочила людей, чтобы не произносила ни ложных слов, ни клеветы, ни наветов, ни поклепа.

Увидел господь, что язык наш — презренный порок наших тел,
В *зиндане рта языку он сокрыться тогда велел.
Зиндана не разрушай ты, не трогай господних дел,
Пусть даже границу пристойного нарушить язык посмел!

Третий предложил:

— Отрубим ей ноги, чтобы она не могла спешить туда, куда влечет ее страсть, чтобы она не ввергла себя в гибельную пропасть.

А еще кто-то посоветовал:

— Исторгнем ее сердце, чтобы она не питала вожделений, ибо сердце — место фантазий и средоточие порочных желаний.

Так как я рукою сердца был пленен уже давно,
То теперь моей рукою будет сердце пленено.

Рабыня ответила на это так:

— Мое положение похоже на историю о лисе, сапожнике и жителях города.

— Что это за история? — спросил падишах. — Расскажи.

Рассказ о лисе, сапожнике и жителях города

— Рассказывают, — начала невольница, — что в давние времена одна лиса повадилась в дом сапожника: она похищала куски кожи и пожирала их. Сапожник был очень расстроен убытком, не знал, что бы такое придумать, как бы расправиться с лисой, и не находил себе места.

Привычка давняя твоей натурой станет.

Когда сапожнику стало невмоготу, то он сел как-то ночью в засаду у пролома городской стены, где пролезала лиса. Когда лиса прошла, он заделал пробоину и вернулся к себе домой. Здесь он застал лису, которая по своему обыкновению возилась с кусками кожи. Сапожник схватил дубину и бросился на нее. Видя, что сапожник разъярился и рассвирепел, лиса подумала: «Ведь верно сказано, что, «когда за верблюдом приходит смерть, он идет к колодцу». Каждый, кто избрал уделом воровство, не спасется от палок палача и тягот темницы. Жадность и алчность ввергли меня в эту гибельную пучину, в эту пропасть мук и страданий. Разумный муж, попав в затруднительное положение или оказавшись в беде, старается насколько возможно удалиться от гибельного водоворота к спасительному берегу. Теперь же надо бежать и скрыться, ибо «бегство от того, кого не можешь одолеть, предписано пророками». Ведь сказали же великие мужи: «Бежать вовремя — это одержать победу»».

С этими мыслями лиса выскочила из дому и побежала к пролому. Прибежала она туда и видит, что дыра заделана. Она подумала: «Настала беда, настигла судьба!»

Лучше рабу в несчастье хвалить владыку мрака и света,
Ибо есть в мире немало бед, гораздо худших, чем эта.

«События таковы, как ты видишь, а долины спасения— впереди, — продолжала рассуждать лиса. — Если я растеряюсь и

испугаюсь, то совершу несправедливость по отношению к себе, причиню боль своей шкуре. Надо схитрить и обмануть, провести и одурачить. Быть может, хитрость спасет меня из этой гибельной пропасти. Ведь говорят же: «Своевременное бегство — это уже победа»».

С этими мыслями лиса притворилась мертвой и легла у самого пролома. Прибежав к лисе, сапожник нашел ее бездыханной. Он нанес ей несколько ударов по спине и бокам и подумал: «Слава Аллаху, эта подлая хитрюга отошла из мира жизни в царство мертвых. Теперь кончились бедствия и вред, чинимые ею, приносимые ею несчастья и тяготы».

И сапожник вернулся домой, довольный и веселый, и уснул на ложе победы и успеха. А лиса тем временем думала: «Городские ворота сейчас закрыты, пролом заделан. Если я подниму шум, то сбегутся собаки, худо придется мне, ведь нет у меня врагов злее. Потерплю-ка, пока пройдет Обманчивый рассвет и настанет *настоящее утро, когда пробуждающий на заре закричит: *«Спешите на молитву». Тогда откроют городские ворота, и я возьму себя в руки и придумаю что-нибудь, чтобы спастись от этой беды».

Когда знамена царя небесных горизонтов показались на востоке, а стяги темноты исчезли на западе, утренние петухи, словно муэззины, принялись будить людей, и жители стали выходить из домов. Они увидели у пролома дохлую лису, и один из них сказал:

— Я слышал, что собаки не лают на того, у кого есть с собой лисий язык.

С этими словами он вынул нож и отрезал у лисы язык по самый корень. Лиса терпеливо снесла это, хладнокровно пережила эту беду.

Затем к ней подошел другой горожанин.

— Хвост лисы — это хорошая щетка, — сказал он, — и отрезал ей хвост до самых позвонков.

Третий горожанин изрек:

— Если повесить лисье ухо над люлькой ребенка, то он не будет плакать и вырастет добронравным.

И он отрезал ухо лисы до основания. Лиса и это стерпела.

Четвертый горожанин промолвил:

— Зубы лисы, если носить их с собой, предохраняют от зубной боли.

С этими словами он схватил камень и выбил у лисы все зубы. Лиса сносила и терпела эти удары и побои, бедствия и тяготы, муки и страдания.

Тут подошел еще какой-то человек и заявил:

— Сердце лисы, если поджарить и съесть его, успокаивает сердечные боли.

Он вытащил нож и собирался уже распороть ей живот. Тут лиса подумала: «Теперь пора бежать и спасать свою шкуру. Я терпела, пока речь шла о языке, хвосте, ушах, зубах. Теперь же нож дошел до кости, речь идет уже о спасении жизни. Нет смысла мешкать и откладывать, да и терпение мое лопнуло».

Она вскочила и выбежала из городских ворот, как бы говоря:

И перед угрозой смерти я свою открыла тайну.

*** * ***

— У меня точно такое же положение, — продолжала рабыня. — Я могу снести все наказания, если только не вырвут мне сердца. Да решит владыка по своему усмотрению!

Если прощаешь, скажи, ибо настала пора.

Шах спросил сына:

— Как наказать эту злодейку за ее подлое преступление?

— Женщин не убивают, тем более что убийство не одобряется *шариатом, — ответил царевич. — Мне кажется, что надо бы обрезать ей косы, вычернить лицо, посадить на черного осла и провезти по всему городу, а глашатаям велеть кричать: «Того, кто предаст своего благодетеля, постигнет такая кара».

И ее наказали таким образом.

За добро воздается добром,
А за зло только злом воздают.

Всевышний Аллах сказал: *«Кара за зло — то же самое зло».

Шах обратил лицо к Синдбаду и сказал:

— Тебя ли благодарить мне или сына?

— Благодарить надо всевышнего бога, — ответил Синдбад, — ибо все дела вершатся по его велению, согласно речению: *«Аллах делает то, чего желает», *«и велит то, чего хочет». Все события происходят по его приказу, все поступки совершаются по его желанию. Ни одна тварь не может преступить божественного предначертания и небесного предписания.

Этот мир с его волнением истинно похож на выгон.
Ночь и утро наступают, если пастырь повелит.
И огонь спастись не может от судьбы неумолимой,
Лев с густою гривой тоже не спасется от обид.

— И наверное падишах слышал, — продолжал Синдбад, — рассказ о шахе Кашмира и сыне его везира.

— Расскажи, как это было, — приказал шах.

Рассказ о шахе Кашмира и сыне его везира

— Да будет долговечен государь, — начал Синдбад, — да будут сопутствовать непобедимому владыке немеркнущая слава и полное счастье. Летописцы и авторы сказаний рассказывают, что жил в Кашмире падишах, благородный, мудрый и ученый. У него был везир, уважаемый и почитаемый, могущественный и просвещенный.

По воле бога и предначертанию небес у везира родился сын. Когда он появился на свет, то падишах в силу своей неисчерпаемой милости и беспредельной благосклонности приказал астрологам составить гороскоп сына везира, по астрономическим таблицам и движению звезд установить, как и сколько времени будет протекать его жизнь, определить начало, середину и конец его жизненного пути.

Повинуясь шахскому приказу, звездочеты взялись за дело и стали обсуждать восхождение и местоположение звезд, а также свойства характера ребенка. Астролябией они определили апогей гороскопа, по градусам и секундам — его радиусы и эллипс, установили положение неподвижных звезд и планет, записали сочетания звезд, их утроения и учетверения. На основании всего этого они установили: сын везира проживет долгую жизнь, будет способен решать важные дела, но в возрасте пятнадцати лет точно в такой-то день, в таком-то часу он возьмет из дому нечто без разрешения отца.

Падишах удивился такому редкому предсказанию и стал ждать, когда же произойдет этот странный случай, когда случится это редкое происшествие.

Ребенок стал отроком, и везир взял учителя, чтобы обучить сына искусству везира и *надима, знаниям и мудрости, религиозным догматам и управлению государством, разуму и политике.

Мальчик был одаренный, он легко воспринимал и запоминал разные положения наук, так что за короткое время овладел всеми знаниями. В тот день, который был назван звездочетами, отец сказал сыну:

— Я поведу тебя к падишаху, чтобы ты мог показать искусство служения и умение в разрешении трудных вопросов и неразрешимых задач посредством ясных доказательств и убедительных доводов.

Сын повиновался отцу и подумал:

— Если я отправлюсь к падишаху, то мне следует взять с собой подарок для него, чтобы он одобрил и похвалил мои способности и знания.

Он вынес из дворца платок и велел садовнику наполнить его базиликой. Везир видел все это, но промолчал. Когда сын и отец отправились к падишаху, то он положил пред шахом базилику. Падишаху понравились его сообразительность и ум, он воспринял это как хорошее предзнаменование и был поражен и удивлен смышленостью и способностями отрока. А сын везира ответил на приветливость благодарственной молитвой и торжественным славословием:

*Люди, не видевшие тебя, слепотою друг с другом схожи,
Судьба — лишь слово, ты — это смысл, ты мудрым всего дороже;
Пусть щедрость — око, ведь ты зрачок, а глаз без зрачка не видит;
Люди — руки, и силой их лишь ты управляешь, боже!

Падишах поразился его умению говорить и ясности слога и произнес в ответ:

*Я многих ученых мужей встречал, и кажется мне, что ныне
Их время и самые жизни их возвращены судьбой.
Заветы мудрейших помнили мы, но знанье не помогало,
Порядок в наш мир опоздал прийти, пришел он вместе с тобой.

Шах обласкал отрока и отпустил домой, подарив ему роскошный халат и драгоценности. А затем спросил везира:

— Сбылось ли предсказание гороскопа?

— Да будут всегда сопутствовать шаху совершенное счастье, полное величие и великий почет! Мудрецы сказали правду, ибо воля небес связана со временем и зависит от обстоятельств.

И везир рассказал падишаху о том, что произошло у него дома. Падишах был поражен и произнес:

— Ведь мудрецы прекрасно сказали: «Тварь не может избегнуть судьбы и рока». И где бы ни светило солнце, ему, как тень, сопутствуют бедствия и несчастья. А предназначенная судьба следует за человеком: «Нет спасения от судьбы».

*Высох господний *калам: начертал повеленье Аллах,
Несправедливого нет в предначертанных людям делах.

— Я рассказал эту историю затем, — сказал Синдбад, — чтобы блистающему разуму шаха было известно, что дела в этом мире зависят от судьбы. «Когда решает судьба, то хитрость бесполезна», а обстоятельства — от времени. Когда настает смерть, кончается срок пребывания в этом мире, и наступает предначертанное, когда приходит судьба, то человек перестает видеть и различать. Поскольку судьба предопределена от века, то способности не помогут, ум не даст результатов, мудрый же останется в неведении.

Если велением судеб час наступает злой,
То лук у самого сердца делается стрелой.

— И если даже человек различает доблесть и низость, добро и зло, то он становится слепым и незнающим, невеждой и неосведомленным, когда настигает его предназначенная ему судьба, как это было, например, с удодом.

— Как это случилось? — спросил шах. — Расскажи!

Рассказ об удоде и праведном муже

— Рассказывают, — начал Синдбад, — что жил в окрестностях Кабула *удод, смышленый и сообразительный, с ясным умом, умевший разрешать трудные вопросы. Он был опытен и повидал многое, научился всему и познал жизнь. Удод этот дружил с одним праведным мужем и проводил досуг и свободное время в беседах и общении с ним.

Однажды этот праведник пошел гулять в поле и увидел удода. Он сидел на ограде, омыв перья и крылья прозрачной водой, хлопал крыльями и забавлялся. А неподалеку от удода дети расставляли силок.

— О братец, — сказал удоду его друг, — здесь не место для прогулок и отдыха. Видишь, расставляют силок, а ты не ведаешь, беспечный.

— Напрасный труд, зря стараются, — проговорил в ответ удод, — тщетно тратят время.

Праведный муж оставил удода со словами: «Долг советчика — только совет».

Ты вспомнишь меня, страдая с другой,
Но мертвого не воскресить тоской!

По воле небес случилось так, что дети, потеряв надежду поймать удода, собрали силки и ушли.

Удод радостно слетел с ограды на землю и смело направился к тому месту, где до этого были силки детей. Он хотел подобрать зернышки, выпавшие из силка, чтобы утолить мучивший его голод.

Но судьба небес и воля бога захотели, чтобы один мальчик забыл убрать свой силок. И вот шея удода при попытке клюнуть зерно попала в сеть. Он попробовал взлететь, но увидел, что скован. Удод бился и вырывался, но все было бесполезно, и он, наконец, сдался и примирился со своей участью.

Тот праведный муж, сделав свои дела, возвращался той же дорогой, чтобы проститься со своим другом. Он посмотрел на ограду,

но не увидел там удода. Стал он смотреть вправо, влево, назад, вперед и, наконец, остановил свой взор на том месте, где были расставлены силки. Тут увидел он удода в западне, поспешил к нему и разорвал путы. Удод был без сознания; через некоторое время он пришел в себя и праведный муж стал упрекать его:

— Ты пренебрег советом друга, не обратил внимания на мое предупреждение.

* Доброжелатель для тебя не пожалел совета,
Но нелегко советам внять, удел счастливых это.

Удод признал свою вину и ошибку.

— Когда настигла судьба, — сказал он, — то зрение слепнет. Разве ты не знаешь, что невозможно противостоять судьбе небес и что бесполезно остерегаться рока?

Рассказ об осе и муравье

Примером тому служит оса, которая увидела в степи муравья, с большим трудом тащившего зернышко по направлению к муравейнику. Оса спросила:

— Братец, что за труд ты себе избрал? Что за муки ты навлек на себя? Пойдем-ка, посмотришь, что пью и ем я. Остатки после меня достаются падишахам.

Оса полетела, а муравей пополз следом. Когда они подошли к лавке мясника, оса села на мясо. Но мясник ударил осу ножом, рассек ее пополам и бросил на землю. Тут подоспел муравей, схватил лапку осы и поволок, приговаривая: «Каково пастбище, такова и смерть».

*** * ***

— Когда настигает судьба, — закончил Синдбад, — то рубашка становится тесной, а знания и способности — бесполезными, и даже мудрая птица попадает в силок.

Шах похвалил Синдбада и добавил:

— Я всегда знал о твоей мудрости и рассудительности, верил в твою доблесть и благородство. А теперь доверие к тебе возросло еще более, ибо ты украсил моего сына одеяниями мудрости и украшениями знаний, довел его до ступеней совершенства и воскресил мое доброе имя, которое было памятью о нашем славном роде. Всевышний Аллах да не даст мне забыть благодарность к тебе, да поможет воздать тебе по заслугам.

Затем падишах спросил сына:

— Как ты овладел за такое короткое время этими великолепными знаниями?

— Основа всех знаний, — ответил шахзаде, — это разум, а природа разума дарована небом. К тому, кто наделен желанием и одарен стремлением, благосклонны бог и воля небес, и такой человек легко разрешает трудные задачи и неразрешимые вопросы. А возможности, претворенные в действительность, вызывают определенные результаты. Когда кончается положенный срок и

истекают назначенные дни, трудная задача становится легкой, разрешимой и приходит в пределы возможности. А знания все происходят от слов, высеченных на стене дворца *Фаридуна.

— Что там высечено? Перескажи, — попросил шах.

Изречения, высеченные на стене дворца Фаридуна

Первое: «Тот, кто прислушивается к клеветнику и ябеднику, кто верит ему, окажется в трудном положении, которое не сможет исправить и устранить десница разума».

Второе: «Тот, у воспитателя которого был ясный и светлый ум, тот, кто был вскормлен грудью матери разума и мысли, никогда не будет пренебрегать коварством врага. Ведь враг все равно что змея, которая никогда не станет другом человека».

Третье: «Не сторонись друга из-за небольшой шутки и не обижайся, ибо это — признак глупости». Из-за каждой обиды нельзя отрекаться от друга.

Четвертое: «Если твой друг станет врагом тебе, то люби его, чтобы вновь зацвело древо дружбы, любви и доверия, завядшее из-за того, что его не поливали водой дружбы и не ухаживали за ним».

Пятое: «Совет держи с мудрецами, чтобы избегнуть глупости и чтобы твои поступки не сошли с правого пути».

Шестое: «Берегись и остерегайся домашнего врага, ибо каждая стрела, выпущенная тетивой его коварства и луком его недоброжелательства, принесет гибель».

Седьмое: «Если у тебя есть разум, не доверяй неопытному человеку, ибо мудрецы сказали: «Опытный *див лучше неопытного человека»».

Восьмое: «Не говори необдуманных слов, чтобы не попасть по неведению в трудное положение. Всегда думай о результате поступков».

— Вот те изречения, — заключил шахзаде — которые высечены на фасаде дворца Фаридуна.

Тогда шах спросил:

— О сила знания власти, о плод древа счастья, о цветок дерева благоденствия! Кто самый достойный из людей?

— Тот, — отвечал шахзаде — кто умеет отличать достоинства знатных и простолюдинов, знает качества своих подданных, распознает их добродетели и пороки.

— А какое качество, — спросил шах, — более других достойно похвалы?

Шахзаде ответил:

— Лучше всего избегать торопливости при подписании приговоров относительно важных дел, не спешить с необдуманным решением, надевать башмаки милости и плащ благосклонности к людям, являть законченную справедливость и полную доброту, следовать завету всевышнего бога: *«Во-истину Аллах велит быть справедливым, добрым к ближним и запрещает беспутство, грех и несправедливость».

А какое свойство достойно порицания? — спросил падишах.

— Поспешность в делах, — ответил шахзаде, — алчность и корыстолюбие. Ведь по этому поводу сказано:

Не будь скупым, когда владеешь многим,
Дари, пока полна твоя рука,
Погубит щедрость явные пороки,
А скупость их взрастит исподтишка.

— Кому труднее всех умереть? — спросил падишах.

— Тому, — ответил шахзаде, — чьи поступки неприглядны.

Увидев, что царевич разрешает сложные задачи и распутывает трудные вопросы, падишах подумал: «Хотя жизнь и может продлиться, но, в конце концов, ей приходит конец: как бы долго жизнь ни продолжалась, она все же прервется».

В этом мире друзья расставались до нас,
Разве лекарь от смерти кого-нибудь спас?

*** * ***

*Те, что раньше явились, исчезли с земли,
И обратно на землю они не пришли.

«Слава и хвала богу, — думал падишах, — который украсил моего сына жемчугами мудрости, одел в наряды разума и знаний, доведя его до ступеней совершенства. Теперь для меня настало время уединения и покоя, отказа от этого мира, подошла пора приготовиться к отходу в загробный мир, собрать путевой припас и выбрать место в том мире. Ведь мудрецы изрекли: «Мир — это нива для загробной жизни»».

Окончание книги

*Если падишах Курдис и мудрец Синдбад пришли бы в этот мир, то сочли бы живой водой для себя прах перед престолом владыки вселенной благословенного Кылыч Тамгач-хана, признали бы чертог его царского величества *Каабой своих желаний и *кыблой своих стремлений. Они подражали и следовали бы его похвальным поступкам и признали бы, что никто из прошлых царей не может благородством, благосклонностью и справедливостью сравниться с повелителем вселенной *Алп-Кутлугом Джамал ад-Дунья ва-д-Дином, наместником халифа — повелителя правоверных (да почтит Аллах его сподвижников), — не может сравниться с тем, кто за единый миг очистил страну от врагов, благодаря своему счастью и благословенной судьбе, благодаря помощи и поддержке бога, искоренил в стране гнет и тиранию деспотов и насильников. Вне всякого сомнения, страна благодаря его справедливости стала вышним раем, дуновение его справедливых качеств и ветерок его благородных черт, словно *дыхание Мессии, привели в движение и воскресили умерших и усопших, а уста всех людей нашего времени говорят ему:*

Темнота других правителей погрузила мир во мрак,
Ты ж закона справедливости вновь зажег нам светлый луч,
Ты пути законов праведных снова людям даровал,
И, на время мглой закрытое, солнце вышло из-за туч.
Людям силу справедливости на земле ты возвратил,
Силы вечно воскрешает тот, кто славен и могуч.

И если бы в наше время ушедшие государи захотели вернуться из небытия в круг бытия, если бы они захотели обрести вторую жизнь и дар речи, одеться в наряды существования, то были бы вынуждены воспринять его похвальные качества и благородные черты характера. При этом они говорили бы:

Иные великими притворились, а ты по природе своей велик,
Притворство совсем не то, что природа, и это каждый легко поймет.
Лишь ты один остался великим, слава других обратилась в прах,
Зато дворец твоего величья уперся вершиной в хрустальный свод.

Неудивительно, что в счастливые дни царствования этого падишаха, благословенного, ученого, справедливого, покровительствующего религии, когда солнце справедливости подобно лику небесного светила и лучи благосклонности падают на весь мир в течение долгого времени, — падишаха, который предоставил место всему миру и всем людям под сенью своего покровительства и помощи, под крыльями своей милости, насильник не может обидеть слабую мошку или ничтожного комара:

Если есть покровители, будет спасен От насилия даже комар,
Захотят благосклонные и отвратят От снегов солнца летнего жар.

*В его правление сокол не обидит воробья, яд в жале осы не будет приносить вреда, янтарь, *пожелтевший от скорби, становится красным, борьба и противоположности исчезают из природы *четырех стихий, и в скором времени скорпион перестанет жалить, а дикобраз колоть людей, гюрза вместо яда будет выделять лекарственный напиток, рыба сбросит чешую, рак — панцирь.*

Нынче в стране падишаха правда сияет для всех,
Милостей солнцем рассеян бед и насилия мрак,
Яд скорпионы не копят, дикобраз не колюч,
Сбросила рыба кольчугу, панцирь свой выбросил рак.

*Хотя мои заслуги слабы и ничтожны, хотя эта книга написана в торопливости, она будет прочитана и выслушана в высоком дворце — да возвеличит его Аллах, — она будет внимательно изучена и завоюет покровительство и благосклонность падишаха. Книга эта будет содействовать возвышению *великой династии и описанию добродетелей величественного государя, она воздвигнет здание, которого не состарят ни быстротечные дни, ни долгие годы, основы которого не сдвинут с места ни буйные ветры, ни несчастия, навлекаемые звездами, ни бури и ливни, посылаемые небом. И она будет жить и существовать, во веки веков будут ее переписывать со страниц рукописей и передавать из уст в уста.*

Хоть звезды не гасли во веки веков, —
Придется когда-нибудь им закатиться.

*** * ***

Если жизнь моя не будет торопиться кончить путь
И звезда моя на землю не падет, чтобы уснуть,
Солнцеликую для мира сотворю я; перед ней
Небосвод склониться должен: ведь луны она светлей.

*Если этот высокородный и благородный падишах, предки которого были счастливыми государями и царями до самого *Фаридуна, бросит тень своего взгляда на песчинку, то она будет озарять солнце, и это не диво. А я, нижайший раб этой блистающей державы — да будут ее основы высоки, а опоры крепки, — долгие годы был одержим стремлением восславить его величество, чтобы благодаря этой услуге приблизиться к нему.*

**Если десять лет рабу минуло,*
Раб всегда желанием томим
Сделаться хоть служкой у порога,
*Раз не выйдет из него *надим.*

Коль его ты купишь, не узнавши,
Ты сочтешь беднягу дорогим,
Ну, а если весь урон — лобзанье
Царственной руки рабом твоим?

*Когда исполнится это желание, когда невеста этой мечты покажет лицо из-под завесы, то я заслужу высокую честь, которая будет сопутствовать мне до Судного дня. Всевышний бог да будет всегда украшать пышные одеяния падишаха убранством справедливости, да возвысит и вознесет он царские палатки величия и великолепия, являющиеся отражением солнца, до апогея *Кейвана. Да сделает Аллах так, чтобы души его врагов даже в сновидениях паслись на пастбище его меча и пили из родника его копья — стражей страны и народа, покровителей религии державы. Воистину он прощает.*

Кончилась книга.

ПРИМЕЧАНИЯ[7]

Абу-Нувас (ум. в 831 г.) — известный арабский поэт-гедонист.

Аджам — первоначально арабы называли так все неарабские страны; впоследствии это название закрепилось за Ираном и иранцами.

Азра — см. *Вамик и Азра.*

Алп-Кутлуг Тунга-Билга Абу-л-Музаффар Кылыч-Т амгач-хакан сын Кылыч Карахана — правитель из династии Караханидов (X–XII вв.), которому Мухаммад аз-Захири ас-Самар-канди посвятил «Синдбад-наме».

Аллах делает то, что желает — Коран, XXVII, 14.

Амид Абу-л-Фаварис Фанарузи — первый переводчик «Синдбад-наме» с пехлевийского на персидский язык.

Амр Ас — один из военачальников раннего ислама, завоеватель Египта.

Амул — город в Индии.

Анахита — перс. Нахид (см.) — планета Венера.

Анвара (ум. в 1191 г.) — персидский поэт, панегирист и лирик.

Анна — мифическая птица арабского фольклора, обитающая на горе Каф у края земли. По преданию, Анка очень редко покидает свое обиталище, и видеть ее удается лишь немногим. Анка известна и в персидской мифологии.

апогей Зухаля — высшая точка орбиты Зухаля (планеты Сатурн), который вращается в высшей, седьмой сфере (см. *семисводный зеленый лик).*

Арафат — гора близ Мекки (см.). По преданию, на нее поднимался для молитвы пророк Мухаммад. От божественной благодати, осенившей его там, лицо Мухаммада стало излучать яркий свет.

аргуван — так называемое «иудино дерево», дерево с яркими алыми цветами; на Востоке — обычный образ для обозначения ярко-красного цвета.

Ахриман — в зороастризме, древней религии Ирана, — воплощение сил зла и мрака.

Аяс — герой арабских сказаний, мудрец. *аят*— стих Корана (см. также *сура).*

Барбад — знаменитый музыкант, певец и поэт при дворе сасанидского шаха Хосрова Парвиза (592–628); в персидской литературе имя Барбада стало синонимом певца-виртуоза.

барбат — струнный музыкальный инструмент.

Бахрам — персидское название планеты Марс; восточные астрологи считали, что Бахрам предвещает людям несчастье.

бедность почти равна неверию — хадис (см.).

Бедняк терпеть не будет злой нужды… — стихи Мутанабби (см.).

бейт — двустишие, основная единица стихотворной речи в арабской и персидской поэзии; в поэмах рифмуются оба полустишия каждого бейта, в небольших стихотворениях — только второе полустишие, но зато эта рифма проходит через все произведение.

Бессонница за бессонницей… подобные мне не спят… — стихи Мутанабби (см.).

Бисутун, гора — народное название горы Бехистун, на которой была высечена знаменитая клинописная надпись царя Дария I.

битва пятьдесят шестого года — вероятно, имеется в виду одно из незначительных сражений с сельджуками; в хрониках и исторических трудах оно не упоминается, но автору книги, видимо, представляется весьма значительным.

Благодеяньями он унизал… — стихи Мутанабби (см.).

Благородный неуклонно обещанья выполняет… — стихи Харири (XI–XII вв.).

Блаженны подавляющие свой гнев и прощающие людей — Коран, III, 134.

Бократ—арабско-персидская форма имени Гиппократа, знаменитого греческого врача (ок. 460–377 гг. до н. э.); у мусульман считался мудрецом.

Бурак — легендарное верховое животное, на котором, по преданию, поднимался на небо пророк Мухаммад.

Бухтури— арабский поэт (IX в.).

Быть может, на этом пути… — стихи Анвари (см.).

В 339 году — триста тридцать девятый год по хиджре (см.), соответствующий 950—51 г. христианского летосчисления.

В этом мире друзья расставались до нас — стихи Мутанабби (см.).

Вади-л-хабиб (букв, «долина влюбленных») — одно из полулегендарных мест, упоминающееся в преданиях о Лейли и Меджнуне (см.).

Вамик и Азра — легендарные влюбленные, любовь которых закончилась трагически — символ несчастной любви. Любовь Вамика и Азры послужила темой поэмы известного персидского поэта XI в. Унсори (ум. в 1050 г.)

великая династия — автор имеет в виду династию Караханидов (XI–XII вв.), которые правили в Средней Азии в его время.

верблюдица Салиха — считается мусульманской традицией священным животным. Салих, по преданию, — один из пророков, предшествовавших Мухаммаду. По Корану (XXVI, 142–159), Аллах послал Салиха проповедовать фемудянам слово божье. Однако те не послушали его и потребовали знамения, подтверждающего его пророческую миссию. Тогда по повелению Аллаха верблюдица Салиха стала через день выпивать всю воду из источника, заставляя жителей страдать от жажды. Несмотря на запрещение Салиха, фемудяне убили верблюдицу, но потом были жестоко наказаны Аллахом.

В знанье — величие и краса — стихи неизвестного поэта.

В слове «бесчестие» буква «нун» из слова «похоть» украдена — в оригинале слова «бесчестье» *(хиван)* и «похоть» *(хива)* звучат почти одинаково, различаясь лишь буквой «н» — «нун».

владыка Арафата — то есть Аллах, которому на горе Арафат (см.) возносил мольбы пророк Мухаммад.

Владыка знанью и невежд научит — стихи Мутанабби (см.).

властелин планет — то есть Солнце (см. *семь планет).*

Вниманье судьба проявляла не раз… — стихи персидского поэта Абу-Кабила ал-Хузайли (IX в.).

Вновь улыбнулась нам счастливая судьбина… — стихи Ан-вари (см.).

в обеих странах — по-видимому, имеются в виду Иран и Туран (см.).

Во власти Аллаха, обоих миров господина — стихи Абу Нуваса (см.).

Возможно, что вы ненавидите вещь, которая является для вас добром… — Коран, И, 216.

Воистину, Аллах добрей — стихи арабского поэта Ибн-ар-Руми (IX в.).

Воистину, Аллах велит быть справедливым… — Коран, XVI, 90.

Воистину, Аллах велит творить справедливость и добро— Коран, XC, 16.

Воистину, Аллах властен над своей волей — Коран, XII, 21.

Воистину, Аллах не обидит даже ни на частичку… — Коран, IV, 39.

Воистину, их хитрость велика — Коран, XII, 28.

Воистину, когда в делах тебе встречается преграда — стихи арабского поэта Мухаммада ибн Башира (VII в.).

Воистину, удаче способствует неудача, а неудаче — удача — Коран, XCIV, 5–6.

волк в истории Юсуфа — по вошедшей в Коран несколько измененной библейской легенде об Иосифе Прекрасном (Юсуфе), злые братья, бросившие Иосифа в колодец, сказали отцу, будто бы юношу сожрал волк; таким образом, волк оказался оклеветанным, «без вины виноватым».

волк-сирхан — прозвище волка, который якобы съел Юсуфа (см. *волк в истории Юсуфа).*

волшебная чаша — имеется в виду чаша Джамшида (см.), в которой, по преданию, можно было увидеть весь мир.

волшебство фараона — намек на кораническую легенду о восставшем против Аллаха фараоне. Когда бог послал к нему Моисея (Мусу), фараон стал устрашать этого пророка магией и колдовством (см. также *колдовские веревки фараона).*

Враг, что мудр и много знает… — стихи из поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Враги твои — горсть муравьев, — они змеи теперь/ — стихи Масуди Рази (VIII в.).

Все реки красоты земной впадают в твой ручей — стихи Анвари (см.).

все тело, как у свечи, превращается в язык — с языком сравнивается фитилек свечи, проходящий сквозь все ее «тело».

Вы все — пастыри, и вы все отвечаете за свою паству — хадис (см.).

Высокого чертога купол восславило благое небо — стихи Анвари (см.).

Высох господний калам: начертал повеленье Аллах… — стихи неизвестного поэта.

газель — лирическое стихотворение-песня, широко распространенная в восточной поэзии форма.

галие— смесь мускуса и амбры, ароматических веществ.

Глаз засоряет песчинка одна — стихи арабского поэта Абу-л-Фатха Бусти (X–XI вв.).

глина для мытья — на Востоке и теперь для мытья нередко применяется особая ароматическая мылкая глина.

Глупцы и умные вершат одно и то же… — стихи неизвестного автора.

голова которой была посыпана прахом с мельницы превратностей рока, а щеки омыты шафрановой водой фокусника-судьбы — то есть волосы которой побелели, как мучная пыль, от времени, а щеки поблекли, пожелтели, как шафран, от превратностей судьбы.

гроза Худа — Худ — легендарный город; по кораническому преданию, Аллах поразил его опустошительной грозой за грехи.

гуль — злой дух пустыни, оборотень, живущий в степях и заброшенных развалинах.

Гуштасп — мифический царь древнего Ирана, один из героев поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Давить настало время виноград — стихи неизвестного поэта.

Даже в малом справедливость нарушаться не должна — стихи Мутанабби (см.).

Дай кувшин вина и чашу, о любимая моя… — из «Рубайата» Омара Хайама.

дари — то же, что *фарси* (см.).

Даруют мудрость тому, кто ее желает… — Коран, II, 269.

Да, такова судьба, закон ее жесток — стихи неизвестного автора.

дастар — большой платок, которым подпоясываются как кушаком, или чалма.

Дауд — библейский Давид, причисленный в Коране к пророкам. По преданию, он был очень мудр и благочестив, за это бог дал ему прекрасный голос, который зачаровывал даже птиц и животных, горы и скалы и делал железо в его руках мягким, как воск (Коран, XXXIV, 10; XXXVIII, 16–17).

два лика, как у тюльпана — вероятно, имеются в виду внешняя и внутренняя стороны лепестков тюльпана, различающиеся цветом.

двенадцать переходов — имеется в виду путь, совершаемый Солнцем через двенадцать созвездий зодиака.

Двое самых великодушных из его жилища, быть может, помогут нам — Коран, XII, 21.

дворец, выстланный стеклянными плитами… — Коран, XXVII, 44.

дворец камфарный — образное изображение солнца — сияющего, «белого» светила.

двузубая Нахид — планета Венера (Нахид) иногда видна на небе в виде маленького серпа, напоминающего месяц. Концы этого серпика здесь сравниваются с двумя зубами.

Деньги ничтожны, если любовь я вижу в твоих очах — стихи Мутанабби (см.).

десять языков, как у лилии — в персидской литературе тычинки лилии часто сравнивают с языками. Отсюда другой образ: «молчалив, как лилия», которая всегда безмолвствует, несмотря на то что у нее множество «языков».

Джарир (VIII в.) — поэт-панегирист династии Омейядов.

Джафар — имеется в виду шиитский имам Джафар. Возможно, что автор пародирует шиитский возглас, вкладывая его в уста обманщицы-лисы.

Джейхун— арабское название р. Аму-Дарья.

Джамшид— легендарный царь древнего Ирана. Он обладал чудесной чашей, на поверхности которой можно было читать будущее, и перстнем, дававшим ему власть над царством духов.

джинн — в арабском и персидском фольклоре и литературе злой, иногда добрый дух.

див — в персидском фольклоре — злой дух, рогатое чудовище, обросшее шерстью, с когтями на руках, коленях и пятках.

диван—1) собрание везиров и советников шаха, совет; 2) ведомство, канцелярия; 3) сборник стихов.

динар — старинная золотая монета. *дирхем* — старинная серебряная монета.

Для путников пустыни ночь длинна… — стихи Мутанабби (см.).

Для того, кто выполнил обет — стихи неизвестного автора.

Доброжелатель для тебя не пожалел совета — стихи неизвестного автора.

Добро останется добром… — стихи неизвестного поэта. *дозволенный для еды* — по шариату мясо некоторых животных есть запрещено.

Долго я кружил по свету, но в конце концов… — стихи Имру ал-Кайса (см.).

дом Зухры — Зухра — планета Венера; астрологи считали, что каждая планета достигает наибольшей силы (влияния на судьбу людей), находясь в своем «доме», то есть проходя через определенное созвездие зодиака; для Венеры дневной «дом» — в созвездии Весов, ночной — в созвездии Тельца.

Достойные птицы живут во дворцах… — стихи Мутанабби (см.).

душа и сердце Льва — имеется в виду созвездие Льва; автор хочет сказать, что мощь и величие шаха устрашат даже небесные светила.

дыхание Исы — см. *дыхание Мессии.*

дыхание Мессии — мессией на Востоке часто называют Ису — Иисуса Христа, которого мусульмане считают одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду. По преданию, дыхание Исы было животворным — оно воскрешало мертвых и исцеляло больных.

египетский Юсуф — см. *Юсуф своего времени.*

его кольцо продену в ухо — кольца с именем господина продевали в уши рабов. Здесь в значении «препояшусь на служение ему».

его посох — имеется в виду посох Мусы — пророка Моисея. По кораническому преданию, когда Аллах через Мусу возвестил свою волю фараону (см.), то в виде знамения превратил посох Мусы в змею; в мусульманской традиции посох Мусы — символ чудесного и таинственного, ниспосылаемого богом.

Ее сияние было венцом на челе красоты — стихи Анвари (см.).

Если вас радует то, что сказал наш завистник — стихи Мутанабби (см.).

Если в дольнем этом мире вечно жить не суждено — из «Рубайата» Омара Хайама.

Если изъян был скрыт в тростнике… — стихи Мутанабби (см.).

Если десять лет рабу минуло — стихи Анвари (см.).

Если, имея копье, в нужде не найдешь коня — стихи араб ского поэта Кумайта ибн-Зайда ал-Асади (VII—'VIII вв.).

Если каждый волос мой сделается языком — стихи из поэмы «Хадикат ал-хакикат» персидского поэта Сена* (1048–1141).

Если принял решение ты… — стихи арабского поэта Баш шара ибн Бурда (VIII в.).

Если ты шипы посеешь, виноград не соберешь — пословица.

Есть переходы трудные, есть переходы легкие… — стихи Бухтури (см.).

Есть сын — не забудет никто отца благородное имя… — возможно, это фрагмент из поэмы Унсури (XI в.) «Вамик и Азра».

Желтизна его — как солнце, что всегда горит вдали — стихи Харири (XI–XII вв.).

Забыл я о свойствах крови… — стихи Мутанабби (см.).

Завбаа — имя злого духа.

Закария—библейский персонаж, отец Иоанна Крестителя, упоминающийся в Коране. Закария признан у мусульман святым.

Замзам— источник в Мекке (см.), который считается священным.

За полу одежды друга я схвачусь — стихи, приписываемые Сенаи (XII в.).

За ушами скрывалась Зухра — автор хочет сказать, что красотой он походил на Зухру (Венеру).

Заххак — легендарный правитель древнего Ирана, тиран и злодей, персонаж поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

зекат — подать с движимого имущества.

зимнее солнце из лука Стрельца начнет метать снежные хлопья — имеется в виду созвездие Стрельца; Солнце проходило через него в ноябре и декабре, то есть в начале зимы.

зиндан — подземная тюрьма, темница.

зной дней рассыпал шафран на ее тюльпанах-щеках и камфару — на лужайке ее гиацинтов — то есть свежие, румяные щеки ее пожелтели, как шафран, а темные, как гиацинты (имеются в виду

темно-лиловые гиацинты), волосы ее побелели, как камфара (кристаллическая камфара — белого цвета).

Зулейха — по преданию, жена египетского вельможи, которому продали Иосифа Прекрасного (см. *Юсуф своего времени);* Зулейха влюбилась в Юсуфа, но он отверг ее домогательства, и тогда она оклеветала его, обвинив в покушении на ее честь.

Зухаль — арабское название планеты Сатурн; по утверждениям восточных астрологов, Зухаль приносит несчастье.

Зухаль благородства — в значении «образец благородства».

Зухра — арабское название планеты Венера. По преданию, Зухра была когда-то смертной женщиной, такой прекрасной, что в нее влюбились ангелы Харут и Марут (см.). Обманом узнав от них чудесное заклинание, Зухра вознеслась на небо и превратилась в планету; она навсегда осталась на небе и в качестве небесного музыканта сопровождает хор светил.

Иблис — по Корану, дух зла, сатана, виновный в изгнании Адама и Евы из рая.

ива — в оригинале игра слов, основанная на одинаковом звучании слов «ива» и «невыполняющий обещания»; ива считается бесплодным деревом, которое цветет, но не приносит семян, т. е. не выполняет обещанного во время цветения.

…и велит то, чего хочет — Коран, V, 1.

игра в чоуган — очень распространенная в Иране игра, род поло. Игроки на лошадях выезжают на поле, где установлены небольшие ворота, и одна команда старается забить туда мяч, действуя особыми клюшками *{чоуган,* см.), другая же защищает ворота.

Из всех, кто ушел, не оставив следа — из «Рубаната» Омара Хайама.

Изед—древнее иранское название бога; оно сохранилось в Иране и после принятия ислама.

Из раны, не зажившей изнутри — стихи Мутанабби (см.).

Илек — город в Семиречье.

И мысли о копье не удалось мелькнуть — стихи Мутанабби (см.).

И нападает, и убегает, от нас уходит, на нас идет — стихи Имру ал-Кайса (см.).

И они отвернулись, оставив одних — стихи А1утанабби (см.).

Инджил — Евангелие; в первые века ислама оно пользовалось у мусульман большим уважением.

Имру ал-Кайс— арабский доисламский поэт (VI в.), автор многих лирических стихотворений.

Ирем — прекрасные сады с чудными дворцами, которые, по преданию, построил Хиддал, царь племени великанов, вознамерившийся создать рай на земле; и дворцы и сады были разрушены Аллахом.

Иса— Иисус Христос, которого мусульмане считают одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду.

Искандар— Александр Македонский; с его именем на Востоке связано множество легенд; он — герой многих литературных произведений, где изображается главным образом как мудрец и философ («Искандар-наме» Низами, «Книга мудрости Искандара» Джами и др.).

искоренивший жалом комара род Немрода— см. *Немрод.*

истинный рассвет — см. *обманчивый рассвет.*

ифрит — в арабском и персидском фольклоре и литературе— духи, преимущественно злые; ифриты упоминаются в Коране, в предании о Сулеймане (см.) и царице Савской.

Иездан— то же, что Изед (см.).

Кааба — храм в Мекке (см.), мусульманская святыня, место паломничества верующих. Паломники, прибывшие в Мекку, установленное число раз обходят вокруг Каабы, совершая обряды, и лишь потом входят внутрь, чтобы поцеловать Черный камень (см.).

Кааба свидания — место встречи, к которому стремятся влюбленные и вокруг которого они в нетерпении бродят, как паломники вокруг Каабы (см.).

Кавсар — по преданию, ручей, протекающий в раю; ложе его усыпано жемчугом, а вода в нем белая, как молоко, она холоднее снега, слаще сахара и ароматнее мускуса.

Каждый получит долю из чаши мужей великих! — стихи арабского поэта Амира Дубайса (VI–VII вв.).

Кайруван — город в Ливии; здесь — «край земли», линия горизонта.

Как жаль того, чем я пренебрег перед богом — Коран, XXXIX, 57.

как нарциссы — традиционный образ в персидской литературе; белые лепестки цветка сравниваются с белком глаза.

Как ночи у них похожи на дни — стихи арабского поэта Тарафы ибн ал-Абда (VI в.).

как паломники вокруг Мекки — паломники, прибывшие в священный город мусульман Мекку (см.), прежде чем вступить в него, обходят его кругом, совершая установленные обряды и молитвы.

Как слезы, бегущие с нежных девичьих ланит — стихи арабского поэта Бухтури (см.).

Как часто за дары благие мы бога не благодарим… — стихи арабского поэта Саалиби (X–XI вв.).

калам — тростниковое перо, которым прежде писали в Иране.

…камфару сыплют облака — то есть идет снег: кристаллическая камфара — белого цвета.

кандагарские кумирни — Кандагар — город в современном Афганистане, на путях в Индию; в нем было много буддийских храмов, поражавших воображение мусульман, которые привыкли к более скромному виду мечетей.

Каннудж (или *Канаудж)* — столица одного из индийских государств в X–XI вв.; в настоящее время небольшой городок.

Кара за зло — то же самое зло — Коран, XXXVIII, 92.

Карун — библейский Корей, предание о котором вошло в Коран (XXVIII, 76; XXIX, 38; XL, 25). Карун был обладателем несметных богатств, ключи от них были настолько тяжелы, что их не могли поднять несколько человек. За неверие и вражду к пророку Мусе (Моисею) Карун вместе со всеми своими богатствами был поглощен землей.

Каф— в мусульманской космографии так называются горы, которые кольцом обрамляют землю и держат небесный свод.

К благу устремив пытливый взгляд — стихи Мутанабби (см.).

Кейван — персидское название планеты Сатурн. См. *Зу-халь.*

Керман — город и провинция в Юго-Восточном Иране; город— узел караванных путей к Герату, Кандагару и далее в Индию.

Клоун небес — образное выражение, здесь — в значении «судьба», «удача».

Когда Аллах захочет причинить зло какому-либо народу, оно неизбежно — Коран, XIII, 11.

Когда бы не Джарир, не Фараздак… — стихи персидского поэта Ибрахима ибн Усмана ал-Гази (XI в).

Когда из лазурного сада лазурных небес… — стихи Рашид ад-Дина Ватвата, персидского поэта и филолога (XII в.).

Когда мы злато в пламени расплавим… — стихи Харири (XI–XII вв.).

Когда не помогут ни имущество, ни дети… — Коран, XXII, 88–89.

Когда ты голод удовлетворил… — стихи неизвестного арабского поэта.

Когда ты этому не веришь — стихи персидского поэта Имади (XII в.).

Когда увидел я людей под сенью шахскою благой — стихи Мутанабби (см.).

Козни глупцов для них же самих… — стихи Мутанабби (см.).

колдовские веревки фараона — по кораническому преданию, заимствованному в основе из Библии, фараон (см.), к которому бог послал Моисея, превратил веревки в змей, чтобы устрашить этого пророка, но Моисей поднял свой посох, ставший вдруг драконом, и тот пожрал змей.

Коль у тебя для извинения причины ясной нет… — стихи арабского поэта Махмуда ал-Валака (VII в.).

Коль эти два дара душа обретет — стихи Мутанабби (см.).

Кто тебя всем сердцем полюбил — стихи персидского поэта Имади (XII в.).

Кто я, чтобы надеяться на радостное свиданье?.. — стихи Анвари (см.).

кумир Кандагара — имеются в виду прекрасные изваяния богов, украшавшие буддийские храмы г. Кандагара.

Кусайр и Азра — известная в бедуинских сказаниях пара влюбленных, символ трагической любви.

кыбла — сторона, куда мусульмане обращаются во время молитвы; кыбла показывает направление, в котором находится Мекка (см.); часто употребляется в переносном значении — «цель стремлений».

Лейли—(арабск. Лейла) — героиня арабских сказаний, возлюбленная Меджнуна (см.).

Лейли увидела, как я ее люблю… — второй бейт этого отрывка принадлежит Абу-Нувасу (см.).

Летел сквозь пустыню быстрее, чем ветер… — стихи персидского поэта Манучехри (X в.).

Лукман — легендарный мудрец, с именем которого связано множество преданий; Лукман упоминается в Коране (XXI, 80; XXXVI, 10).

Луна в созвездии Рака — луна проходит созвездие Рака во время полнолуния.

Луна высокая и солнце… — стихи арабского поэта Ибн ар-Руми (IX в.).

Луна разумом — в значении «светоч разума».

Люди, не видевшие тебя, слепотою друг с другом схожи… — стихи Мутанабби (см.).

Люди разные бывают по характеру и свойствам — стихи Мутанабби (см.).

Марва— гора близ Мекки (см.), место совершения мусульманских религиозных обрядов (см. также *Сафа).*

Марьям — Мария, мать Иисуса Христа (Исы), которого мусульмане считают одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду. Марьям считается образцом святой, непорочной женщины.

машшате— женщина, украшающая и наряжающая невесту перед свадьбой.

Меджнун и Лейли— известная на Востоке легендарная пара влюбленных; о трагической любви Меджнуна и Лейли сложено множество преданий, создан ряд литературных произведений (поэмы Низами, Навои и др.).

Мекка — город в Аравии, где родился Мухаммад, основатель мусульманской религии; Мекка считается мусульманской святыней, паломничество в Мекку — святым делом.

Меняло цвет его лицо пред близким смертным часом… — стихи Мутанабби (см.).

Меня судьба несчастьями сразила — стихи Мутанабби (см.).

Мерваниды — одна из ветвей династии Омейядов, названная так по имени халифа Мервана.

Мессия в колыбели по совершенству — имеется в виду младенец Иисус; Иисус Христос (Иса) считается мусульманами одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду.

Мина — небольшая долина к востоку от Мекки (см.). *минбар* — род кафедры в мечети, с которой выступают проповедники.

Мир этот создан для скорби был… — стихи арабского поэта Ибн Бассама (XII в.).

михраб — ниша в стене мечети, показывающая направление на Мекку, т. е. сторону, в которую мусульманам надлежит обращаться во время молитвы.

Многие желания кончаются смертью — пословица.

Могучих дождей потоки не смоют за двести лет — стихи персидского поэта Имади (XII в.).

Мое измученное сердце страсть безнадежная сожгла — стихи Мутанабби (см.).

молитвы сверх пяти предписанных — по религиозным установлениям, мусульмане должны совершать молитву пять раз в сутки; молитвы, которые произносятся «во внеурочное время», показывают особое благочестие, смирение перед богом.

Муавия — халиф (661–680), основатель Омейядской династии.

Мужчина не всего достигнет, что в голову ему взбредет — стихи Мутанабби (см.).

муки племени Самуда — самудяне — одно из полулегендарных племен, упомянутых в Коране, которых за грехи постигло ужасное наказание.

Муса — см. *Муса бен Имран.*

Муса бен Имран — библейский пророк Моисей, неоднократно упоминаемый в Коране и почитаемый мусульманами.

Мускус, родинку увидев, стал несчастным — автор хочет сказать, что родинка красавицы так черна, что ей завидует даже мускус, славящийся черным цветом.

Мутанабби (915–965) — известный арабский поэт, панегирист и лирик.

Мухаммад Избранник, — «избранник» (Мустафа) — постоянный эпитет пророка Мухаммада.

муфтий — духовное лицо у мусульман, обладающее правом выносить решение, приобретающее силу закона.

Муштари—арабское название планеты Юпитер; по представлениям средневековых астрологов, Муштари — самая счастливая планета.

Муштари и Луна — имеется в виду соединение на небе двух ярких светил — Юпитера и Луны.

Муштари счастья — Муштари (планета Юпитер) — одна из ярких и к тому же «счастливых» планет (см. *Муштари).*

муэззин — духовное лицо, возглашающее призыв к молитве.

Мы ниспослали наших посланников с откровениями — Коран, VIII, 25.

Мы спокойно жили, но потом увидали чудеса любви… — стихи неизвестного поэта.

Мы уважили потомков Адама и поселили их на суше и на море… — Коран, XVII, 70.

…на берегу реки… — Коран, IX, 109.

на ветвях шафрана распускаются цветы аргувана — т. е. на бледных, желтых, как шафран (см.), шеях врагов шаха появляются капли алой, как аргуван (см.), крови.

надим — приближенный шаха, допускавшийся к нему в неприемные дни; надимы занимали шаха беседой и принимали участие в его развлечениях.

на корне аргувана вырастают ветви шафрана — т. е. от страха перед смертоносным мечом шаха румяные, как аргуван (см.), лица его врагов бледнеют, становятся желтыми, как шафран.

На него возлагали надежду, гнева его боялись — стихи Мутанабби (см.).

нарцисс с чашей золота в руке — имеется в виду желтая чашечка, венчик в середине цветка нарцисса.

Насилье — в сущности людей… — стихи Мутанабби (см.).

Насир ад-Дин Абу Мухаммад Нух ибн Мансур Саманид (943–954) — правитель, по приказу которого был, якобы, осуществлен первый перевод «Синдбад-наме» с пехлевийского на персидский язык.

Нас рок одарит ли прекрасной Лейлой — стихи арабского поэта Халаба ибн Ахмада Кайрувани (X в.).

настоящее утро — см. *обманчивый рассвет.*

Нахид—персидское название планеты Венера. См. также *Зухра.*

Не было б надежды на свиданье — стихи неизвестного поэта.

Не вспомнить мне того, что прежде пережито… — стихи Абу Нуваса (см.)

Не гони просителя, передавай благодеяния своего бога — Коран, XCVI, 10–11.

…немая, глупая, слепая… — Коран, II, 17»

Немрод — легендарный тиран, который, по преданию, приказал бросить в горящую печь пророка Авраама. За это он был жестоко наказан: по воле Аллаха ему в ухо влетел комар, проникший затем в мозг; Немрод погиб в страшных мучениях.

Не отвечай взглядом на взгляд… — хадис (см.).

Не первый ты из тех кто горд, силен и смел…*, — стихи Мутанабби (см.).

…не раскрыли ль мы… — Коран, XCIV, 1.

Не спрашивайте о том, что причинит вам горе, когда узнаете — Коран, V, 101.

Нет ни зернышка в темных уголках земли… — Коран, VI, 59.

Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха! — распространенное на Востоке арабское восклицание, которое употребляют для выражения страха, удивления и пр.

Неужель, скажи мне, предпочесть… — стихи Мутанабби (см.).

нисар — буквально «осыпание» — распространенный обряд: когда невесту вводят в дом, гости осыпают ее золотом, лепестками цветов, драгоценными каменьями.

ноуруз — старинный иранский праздник, восходящий к до-мусульманским временам. Ноуруз приходится на день весеннего равноденствия (21 марта) и считается праздником весны, весеннего сева; в современном Иране с этого дня начинается новый год.

Ночь эта — словно любовник… — стихи Мутанабби (см.).

Нуман — царь государства Хира, вассал Сасанидов (см.). За попытку восстать против власти Хосрова Ануширвана (см. *Нуширван)* тот приказал казнить Нумана, бросив его под ноги слону.

Нух— библейский Ной, легенда о котором вошла в Коран.

Нуширван (531–579) — Хосров Ануширван, царь из династии Сасанидов (см.), прозванный Справедливым. Его имя стало в персидской литературе синонимом мудрого и справедливого владыки.

Облако не так, как царь наш, щедро… — стихи Мутанабби (см.).

обитаемая четверть вселенной — имеются в виду земли, известные средневековым восточным географам. Сюда входили Азия, — Передняя, Средняя, отчасти Юго-Восточная, — Африка, Средиземноморье.

О боже, не сон ли я вижу, иль впрямь наяву — стихи Анвари (см.).

обманчивый рассвет — имеется в виду светлая полоска, появляющаяся на небе незадолго до рассвета и опять сменяющаяся затем темнотой. Лишь потом наступает «настоящий», «истинный» рассвет.

О вы, которые уверовали… — Коран, XXXIX, 6.

О вы, верующие, ёсли к вам явится грешник… — Коран, XLIX, 6.

О господи, мой сын происходит от меня — Коран, XI, 45.

О господи, подари мне наследника — Коран, XIX, 5.

О душа! На этом свете всё живу я без тебя — стихи Анвари (см.).

ожерелье Плеяд — созвездие Плеяд, имеющее вид цепочки ярких звездочек.

окропляет пролитой кровью рубашку, как тюльпану — в персидской литературе лепестки тюльпана постоянно уподобляются рубашке, одежде цветка; яркие пятнышки, которыми отличаются лепестки некоторых сортов тюльпана, сравнивают с каплями крови.

Омар ибн ал-Хаттаб — второй халиф (634–644) из четырех халифов правого пути (см.), один из организаторов халифата.

Она спросила: «Почему тебя всегда гнетет забота?..» — стихи арабского поэта Сахиба ибн Аббада (X в.).

Она приносит каждый раз плоды по велению господа — Коран, XIV, 25.

Он изваял вас, и ему понравились ваши формы… — Коран, XIV, 3.

Он пьет глотками, не может легко глотать, и к нему приходит смерть… — Коран, XIV, 17.

…они предпочли его себе, хотя и были бедны — Коран, IX, 9.

О них и память ты забудь… — стихи неизвестного автора.

О Нух! Поистине он не происходит от тебя — Коран, XI, 46.

О пташка! Стал чистым воздух кругом… — стихи арабского поэта Тарафы ибн ал-Абда (VI в.).

Ослабеет и погаснет пламя яркого костра… — стихи Мутанабби (см.).

Отправился в сад я взглянуть на весну… — стихи персидского поэта Имади (XII в.).

О ты, кто пестует души нам и украшает лица — стихи из поэмы Сенаи (XII в) «Хадикат ал-хакикат»,

О царь, пусть цветет твое царство… — стихи Анвари (см.).

парси — см. *фарси.*

первое небо — см. *семисводный зеленый лик.*

пери — в арабской и персидской мифологии духи, иногда добрые, но чаще злые; они могут принимать образ людей необычайной красоты. В литературе пери — синоним неземной красоты.

пехлевийский язык — язык доисламского Ирана (так называемый среднеперсидский яз.); для мусульманских авторов — речь древняя, таинственная, малопонятная.

…поблизости от пожара… — Коран, III, 103.

Поверьте, поспешность излишняя — дар Ахримана… — стихи неизвестного автора.

Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику… — Коран, IV, 60.

Подбери жемчужины эти… — стихи Мутанабби (см.). *под властью его перстня* — перстень на Востоке — символ власти; перстень обычно являлся и печатью, которую правители прикладывали к указам.

подобной созвездию Близнецов — имеется в виду довольно заметное созвездие, состоящее из двух ярких звезд.

пожелтевший от скорби — на Востоке (может быть, из-за смуглой кожи местных жителей) считают, что от горя, волнения или страха лицо человека не бледнеет, а желтеет.

пока гранаты не превратятся в айву — т. е. когда свежий цвет лица, розового, как гранат, поблекнет, станет желтым, как айва.

Покажут дни тебе, насколько был ты глуп… — стихи арабского поэта Тарафы ибн ал-Абда (VI в.).

Поманит и обманет суета — стихи неизвестного поэта.

Порой друг с другом рядом не уживутся люди — стихи неизвестного автора.

Последний он в цепи времен — стихи Анвари (см.). *потоп Нуха* — имеется в виду «всемирный потоп», описанный в Библии; Нух — библейский Ной.

Потребность невежды без сердца в ученье… — стихи Мутанабби (см.).

превратившись весь в зрение, как нарцисс, весь в слух, как водяная мята — нарцисс часто сравнивают с глазом: более темная чашечка цветка уподобляется радужной оболочке, а лепестки — белку глаза; водяная (береговая) мята, по народному поверью, обостряет слух; здесь — как символ слуха.

превративший жало комара в меч — имеется в виду бог: по кораническому преданию бог покарал тирана Немрода, послав комара, который влетел в ухо Немрода и убил его (см. *Немрод),*

приберегла на дорогу в Судный день такой драгоценный ***и*** *редкостный припас* — по мусульманским представлениям, в день воскресения души всех людей предстанут на последний суд, и за грехи будет назначено наказание, а за добрые дела — воздаяние.

Приди, покой моей души, тебе я душу подарю — стихи Ан-вари (см.).

Приплывай ко мне пораньше, по тебе ведь я скучаю — стихи Мутанабби (см.).

Приходит утро, листья золотит — стихи неизвестного автора.

Пришпорь его сегодня ты, он мир мгновенно обежит… — стихи Анвари (см.).

Прозрачно стекло, прозрачно вино — стихи арабского поэта Сахиба ибн-Аббада (X в.).

Псалмы Дауда — молитвенные песнопения, которые, по преданию, царь Давид (Дауд), прекрасный певец, слагал богу; псалмы Давида вошли в Библию, а так как Библия была признана мусульманами одной из священных книг, то и псалмы Дауда стали религиозным символом.

Пускай Аллах тебе поможет впредь… — стихи арабского поэта Бухтури (см.).

Пускай к Аллаху, раб, летит твоя хвала… — стихи неизвестного автора.

Пускай десятки тысяч раз по всей земле летит хвала — стихи неизвестного автора.

Пусть бог презрит необходимость… — стихи арабского поэта Убайдаллаха ибн Абдаллаха ибн Тахира (XI в.).

Пусть кровь врагов на поле жаркой битвы — стихи Анвари (см.).

Рабиа — арабская поэтесса (VII в.), одна из первых уверовавшая в пророческую миссию Мухаммада; впоследствии в мусульманской традиции Рабиа стала образцом благочестивой, святой женщины.

Раскололась бы скала, если б испытала муки — стихи Мутанабби (см.)

Рахш— легендарный конь богатыря Рустама, героя поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Ризван — по преданию, страж рая.

роза, поставив на голову таз с золотом — имеется в виду один из дикорастущих сортов розы, цветы которого широко раскрываются, так что видна желтая сердцевина цветка; эта сердцевина и сравнивается с тазом золота.

Рок в бездну трудностей порой нас бросит — стихи арабского поэта Кайса ибн ал-Хатима (VI–VII вв.).

руд — струнный музыкальный инструмент, подобие лютни.

Рудаки — знаменитый таджикско-персидский поэт X в., значительная часть жизни которого прошла при дворе Саманидов (см.)

рука Мусы — библейское предание о Моисее (Библия, Исход, IV, 6–7), вошедшее в Коран (VII, 101 и сл.; XXVI, 32), претерпело там значительные изменения. По Библии, бог, являя Моисею свое могущество, велит ему положить руку за пазуху. Когда Моисей вынимает руку, она оказывается побелевшей от проказы. Затем бог приказывает Моисею положить руку за пазуху еще раз и исцеляет его. По Корану, Моисей (Муса) устрашил фараона (см.), положив руку за пазуху (а кожа у Моисея будто бы была темная, смуглая) и вдруг вытащив ее белой, что было сочтено чудом. В мусульманской традиции выражение «рука Мусы», «белая рука» — символ чудесной власти, могущества.

Рукн ад-Дин — см. *Рукн ад-Дунья ва-д-Дин Кылыч-Т амгач-хакан ибн Масуд ибн ал-Хусейн.*

Рукн ад-Дунья ва-д-Дин Кылыч-Тамгач-хакан ибн Масуд ибн ал-Хусейн (1163–1178) — правитель династии Караханидов, которому Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди посвятил свою книгу.

рута—травянистое полукустарниковое растение, распространенное в Средней Азии и в Иране. Из листьев и стеблей руты добываются эфирные масла. Семена руты имеют сильный специфический запах и употребляются на Востоке как благовоние.

Если их в большом количестве подсыпать в пищу, то от резкого запаха, как от запаха лука, глаза начинают слезиться.

Саманиды (875–999) — династия, правившая в Средней Азии и Хорасане.

Сасаниды (226–651) — персидская династия, правившая в Иране (до арабского завоевания).

Сафа — гора вблизи Мекки (см.); в доисламские времена Сафа и Марва (см.) были местом совершения языческих обрядов; Мухаммад в Коране (II, 153) объявил их священными, и с тех пор эти места считаются мусульманскими святынями.

сахиб-берид — в средневековом Иране начальник царской почты, ведавший рассылкой гонцов и курьеров, а также возглавлявший тайную полицию того времени при шахском дворе.

сборщик свидания получит подать для своего дивана — т. е. посланец, которому поручено договориться о свидании, достигнет цели своего приходД; диван здесь в значении «ведомство, канцелярия».

Свои жемчуга рассыпает тюльпан, подобен светильнику он — стихи неизвестного автора.

связавший паутиной руки насильников-арабов — имеется в виду кораническое предание, по которому Аллах связал руки врагов Мухаммада паутиной, ставшей прочнее канатов.

священная война — по шариату, война с неверными.

Священная мечеть — большая мечеть в Мекке (см.).

Сделай привалом для всадника… — стихи Мутанабби (см.).

сделал соседом центра — т. е. поместил в центре. По мусульманской космогонии в центре вселенной помещалась суша, земля, окруженная океаном.

С добычей я вернулся из сражения — стихи Мутанабби (см.).

сделавший ком земли средством победы Дауда — имеется в виду известное предание о победе Давида (Дауд, см.) над Голиафом.

семисводный зеленый лик — имеется в виду небо. По космогоническим представлениям того времени небеса делились на девять сфер; из них семь, наиболее часто упоминаемые, были сферами планет (третье небо, например, принадлежало Венере-Зухре, четвертое — Солнцу, седьмое — Сатурну-Зухалю), за седьмой сферой шла восьмая — сфера неподвижных звезд, а еще выше, на девятом небе,

недоступном глазу смертных, помещалось обиталище бога и его ангелов; *зеленый лик* — в классической литературе голубой и зеленый цвет обозначались одним словом.

семь отцов вышних — имеются в виду семь планет (см.); в средние века считалось, что планеты оказывают большое влияние на судьбы мира и людей.

семь планет — астрологи и астрономы того времени считали, что существует семь планет, светил, которые совершают определенный путь по небу: Венера, Луна, Марс, Меркурий, Сатурн, Юпитер и Солнце, которое также включали в число планет, но считали «главной планетой», «властелином планет».

семь, что двенадцать в тесный круг замкнули испокон времен — имеются в виду семь планет (см.) мусульманской космогонии, совершающие свой видимый путь через двенадцать созвездий зодиака.

Симург — сказочная птица иранского фольклора, по преданию, обитающая на г. Эльбурз; для средневековых авторов, хорошо знакомых с арабскими преданиями, Симург часто то же, что Анка (см.) арабского фольклора.

сипахсалар — полководец, военачальник, командующий армией.

Скажи, в чем радость жизни человека — стихи арабского поэта Умаййи ибн Абу-с-Салта (VII в.).

Скитался я по свету, пока с течением дней — стихи Имру ал-Кайса (см.).

Сколько страдальцев убито, как я сегодня убит — стихи Мутанабби (см.).

смерил свое верхнее и нижнее платье — образное выражение, означающее «взвесил свои возможности».

Смерть неминуемо приходит… — стихи Мутанабби (см.).

Смирись, от страсти умереть… — стихи Мутанабби (см.).

С *мощной грудью, худая, поджарая и молодая* — стихи Мутанабби (см.).

смолистый покров — имеется в виду ночная тьма, ночь, темная, как смола.

Сокол без крыльев летать не может… — строка из стихотворения арабского поэта Ауса ибн Хаджара (VI в.).

солнце в созвездии Близнецов — созвездие Близнецов — одно из зодиакальных созвездий, по которым проходит видимый путь Солнца.

В древности нахождение Солнца в том или ином созвездии зодиака заменяло обозначение месяцев. В созвездии Близнецов Солнце бывало в мае-июне, то есть в начале лета, когда небесное светило сияет особенно ярко и день достигает наибольшей длины.

солнце, словно золотой динар, из созвездия Девы перешло в созвездие Весов — созвездия Девы и Весов — зодиакальные созвездия, по которым совершает свой видимый путь Солнце. В древности нахождение солнца в том или ином созвездии зодиака заменяло обозначение месяцев. В созвездии Девы Солнце находилось в августе-сентябре, в созвездии Весов — в сентябре-октябре. Автор хочет сказать, что стоял сентябрь, теплый и солнечный.

Солнце, эту девушку увидев, устыдясь, на небо не вернется— стихи Мутанабби (см.).

«Спешите на молитву!» — часть азана, возгласа, которым муэззин (см.) призывает мусульман в мечеть на молитву. Первая молитва из пяти предписываемых религией совершается на заре, и крик муэззина будит спящих.

спина согнется Рака — имеется в виду созвездие Рака. Автор хочет подчеркнуть мощь восхваляемого им правителя, перед которым трепещут даже небесные светила.

С *судьбою не борись, ведь это безнадежно* — стихи Анвари (см.).

С таким расчетом рок вершит у нас дела — стихи Мутаиабби (см.).

страна Антакия — арабско-персидское название Антиохии. *страуса мозгов* — мозг страуса — пример чрезвычайно редкого яства, ценной, редко встречающейся вещи.

Сулейман — библейский царь Соломон, широко известный в персидской литературе и фольклоре; Сулейман — символ мудрости, ему приписывается власть над стихиями и духами, которую дает ему талисман — магическое кольцо.

сура — глава Корана, священной книги мусульман, записанной со слов пророка Мухаммада и считающейся «откровением божьим»; Коран состоит из 114 сур, которые в свою очередь делятся на стихи, аяты (см.).

сурьма — сине-черная краска для бровей и ресниц, распространенная на Востоке; сурьме приписывались также свойства

целебной мази. *Натереть глаза сурьмой бодрствования* — принять все меры, чтобы не заснуть.

Съевший жаркое, да пожнет бедствия — пословица. *таджнис* — термин арабско-персидской поэтики, обозначающий использование в стихе омонимов или омографов.

тавазун — термин арабско-персидской поэтики, обозначающий внесение в прозу элементов ритмической организации.

Таиф — город в Аравии недалеко от Мекки (см.).

Там диковинные птицы на одной ноге застыли — стихи неизвестного поэта.

Там, на родине оставив дым обыкновенных дров… — стихи Мутанабби (см.)

тамимит — принадлежащий к арабскому племени бану та-мим.

таммуз — восьмой месяц сирийского солнечного года, соответствующий июлю.

танур — особая печь с круглым устьем для выпечки лепешек.

тарикат — учение о духовном совершенствовании в суфизме (мистическое направление в исламе). Здесь — как свод правил благочестия.

ташакуль — термин арабско-персидской поэтики, обозначающий уподобление одного предмета другому.

Твое довольство — довольство мое — стихи Мутанабби (см.).

Те, что раньше явились, исчезли с земли — из «Рубайата» Омара Хайама.

Тебя я тщетно восхвалить пытаюсь — стихи персидского поэта Имади (XII в.).

тень Хумая — Хумай (см.) — легендарная птица, тень которой, по преданию, приносит счастье: если эта тень упадет на человека, тот станет царем.

Тир — персидское название планеты Меркурий.

Тир рассудком — в значении «светило разума».

Только разум нас возвысил… — стихи Мутанабби (см.).

Тора — первые пять книг Библии; в мусульманстве, впитавшем элементы различных религий, Библия признавалась священной книгой.

Тот, кого ведет бог, идет верным путем — Коран, XVII, 97. *тот, кто ни в ком не нуждается* — одно из многих иносказательных

обозначений Аллаха.

…тот, кто украсил небо звездами, сжег возмутившихся демонов падающими метеорами — Коран, XXXVII, 6—10.

Тот, кто хотел погубить тебя, заслуживает только темницы или же вечных мук — Коран, XII, 25.

три имени великого бога — по одному из распространенных тогда суеверий, у всего живого и неживого существуют, кроме обычных названий, тайные имена; знание такого имени якобы дает магическую власть над предметом или человеком; тайные имена бога считались самым могущественным талисманом.

тройной развод — по мусульманскому праву, мужу, чтобы отказаться от жены, достаточно сказать: «Ты разведена». Будучи произнесена трижды, эта формула приобретает силу непререкаемого закона. Вернуть женщину, разведенную «тройным разводом», можно только после сложной и долгой процедуры. Поэтому выражение «тройной развод», или «клятва тройного развода», получило на Востоке значение нерушимой клятвы.

Туран—старое персидское название Средней Азии, первоначально населенной иранскими племенами, которые враждовали с древним Ираном. Впоследствии на территории Средней Азии появились тюркские племена, и слово Туран стало осмысливаться как «страна тюрок». Караханиды, при которых жил аз-Захири, автор «Синдбад-наме», были тюркской династией, и для них Туран, Туранское государство означали родину.

Тураненое государство — см. *Туран.*

Туча поднялась слоноподобная… — стихи персидского поэта Фаррухи (XI в.).

Ты дорого, мой друг, заплатишь за ошибку… — стихи Мутанабби (см.).

Ты знаешь, познал я только тебя… — стихи Анвари (см.).

Ты мирно спишь, но знай уже теперь… — стихи доисламского арабского поэта Ади ибн Зайда (VI в.).

Ты напал на знатока — поговорка.

Ты нашел того, кто нужен тебе — поговорка.

Ты правой рукой утоляешь нужду — стихи неизвестного автора.

Ты, справедливейший из всех, одну меня забыл — стихи Мутанабби (см.).

Ты, что вечно рабски служишь иль семи иль четырем — из «Рубайата» Омара Хайама. *Семи* — имеются в виду семь планет (см.), *четырем* — четыре основных свойства человеческой природы (см.).

тюрок — тюркские невольники славились в Иране красотой; в литературном языке тюрок служит синонимом «красавца».

Тысячу раз промолчал, а раз сказал ложь — пословица.

Увы, кумир души моей, ты душу у меня украла… — стихи известного арабского поэта ал-Вава (X в.).

удод — по преданию, эта птица всегда сопутствовала Сулейману (см.) и слушала его мудрые советы и поучения; так удод стал самой мудрой птицей на земле. В мусульманской традиции, удод — символ мудрости.

Укоряющий влюбленных, удержи свои упреки… — стихи Мутанабби (см.).

Украшено время тобой, о высокий… — стихи Мутанабби (см.).

укус Скорпиона — Скорпион — одно из зодиакальных созвездий, по которым совершается видимое движение Солнца и планет. В древности нахождение Солнца в том или ином созвездии зодиака заменяло обозначение месяцев. Созвездие Скорпиона Солнце проходило в октябре-ноябре. Здесь *укус Скорпиона* — образное выражение, означающее приближение зимы, наступление холодов.

Унесен в пустыню ветром… — стихи Мутанабби (см.). *урдибихишт* — второй месяц иранского солнечного года (22 апреля — 22 мая).

Фараздак (VII–VIII вв.) — придворный поэт династии Омейядов.

фараон — по кораническому преданию царь амалекитов, древних жителей Египта, приказавший поклоняться себе, как богу. Он велел выстроить себе дворец, достигавший до неба, чтобы и в этом сравняться с Аллахом, но бог покарал его за гордыню, утопив в море. Предания часто связывают фараона с Мусой (пророком Моисеем), которого Аллах будто бы посылал к фараону.

фарвардин — первый месяц иранского солнечного года (22 марта — 21 апреля), приходящийся на начало весны.

Фаридун — легендарный царь древнего Ирана, один из героев поэмы Фирдоуси «Шах-наме»; в литературе Фаридун — символ справедливого и мудрого царя.

фарраш (букв, «расстилающий ковер») — слуга, посыльный.

фарсанг — мера длины, равная приблизительно 6–7 *км. фарси* (или парси) — язык средневекового Ирана, на котором написана вся классическая персидская и таджикская литература; фарси, претерпевший лишь незначительные изменения, является государственным языком современного Ирана, поэтому сейчас это слово означает просто «персидский язык».

Фатима — дочь пророка Мухаммада, жена Али, четвертого халифа правого пути (см.); Фатима считается мусульманской святой.

Хабил и Кабил — библейские Авель и Каин; по мусульманскому преданию, вражда Каина и Авеля началась из-за женщины. в которую влюбились оба брата.

хаджи — паломник, совершивший «хадж» — паломничество в Мекку (см.).

хаджиб — при дворе средневековых правителей лицо, ведавшее доступом к шаху или султану.

Хадиджа — жена пророка Мухаммада, одна из первых мусульманок, впоследствии была провозглашена святой.

хадис—рассказ о словах или поступках пророка Мухаммада, записанный со слов очевидцев; свод хадисов составляет мусульманское предание — сунну.

хакан — титул средневекового правителя. Это слово тюркского происхождения и первоначально его относили только к представителям тюркских династий, но затем оно получило более широкое распространение.

хакан Чина — правитель Китая (см. *Чин).*

халифы правого пути — четыре халифа: Абу-Бекр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656) и Али (656–661), непосредственные преемники Мухаммада, как духовного и светского главы мусульманской общины; мусульманская (суннитская) традиция считает их строго соблюдавшими заветы Мухаммада, праведниками.

Хамадан — город в центральном Иране.

харвар (букв, «вьюк осла») — распространенная прежде в Иране мера веса, равная приблизительно 300 *кг.*

Харун ар-Рашид — халиф из династии Аббасидов (786–809), герой многочисленных преданий, часть которых вошла в известный сборник сказок «1001 ночь».

Харут и Марут — по мусульманскому преданию, два ангела, влюбившиеся в смертную женщину Зухру (см.). Поддавшись ее чарам, они открыли ей чудесный талисман — тайное имя бога, за что Аллах низверг их с небес в страшную пропасть и обрек на вечные муки.

Хассан — доисламскии арабский поэт (VII в.).

Хассаниды — доисламская арабская династия, правившая в Йемене.

Хатим — ограда вокруг большой Мекканской мечети, считающаяся одним из священных предметов.

хатт— легкий пушок, покрывающий нежную кожу молодой женщины.

хатун — «госпожа», почтительное обращение к замужней женщине.

хвала тому, кого хвалит гром — Коран, XIII, 13. *хиджра* (букв «бегство») — мусульманское летосчисление, которое ведется с 18 июля 622 г. н. э., дня, когда пророк Мухаммад бежал из Мекки в Медину, где получил признание как «посланник божий».

Хиндустан — Индия.

ходжа — здесь — почтительное обращение к состоятельному человеку.

хосров — титул царей древней иранской династии Сасанидов (см.); здесь — в значении «государь».

Хотан — древний город в Синьцзяне.

Хотел он, чтоб я остался, а не они — стихи Мутанабби (см.).

Хумай— сказочная птица; по преданию, человека, на которого упадет тень Хумая, ожидало счастье и царский трон.

хутба — проповедь, которую читают в мечетях по пятницам (пятница у мусульман — «святой день», так как началом мусульманского летосчисления, хиджры, считается пятница, 18 июля 622 г.). В хутбе обязательно упоминается имя царствующего правителя; это упоминание равносильно признанию его власти.

хутба, чеканка и минбары — в мусульманских странах в средние века признаком суверенной власти были чеканка монеты именем правителя и упоминание его имени в хутбе (см.); хутба читалась с минбара (см.). Таким образом, выражение «хутба, чекан и минбары» означает всю полноту власти.

Цари, что в мире славу обрели — стихи неизвестного автора.

царь странников — имеется в виду Солнце, властелин «небесных странников» — планет.

Целые страницы книги сердца… — стихи Аббаса ибн ал-Ахнафа, арабского поэта при дворе Харун ар-Рашида (VIII–IX вв.).

чанг — струнный музыкальный инструмент, похожий на арфу.

частички камфары — снег; кристаллическая камфара — белого цвета.

Черный камень — камень буро-черного цвета, видимо, метеоритного происхождения, вделанный в стену храма Кааба (см.) в Мекке. Местные жители с давних времен считали этот камень священным. С возникновением мусульманства Черный камень наряду с другими языческими святынями вошел в число предметов мусульманского культа. Многочисленные паломники, посещающие Мекку, обязательно идут в Каабу, чтобы поцеловать Черный камень.

четыре неземные матери — имеются в виду четыре стихии — огонь, вода, земля, воздух, — из которых, по представлениям того времени, был сотворен весь мир.

четыре основы человеческой природы — в средневековой медицине считалось, что человеческий организм состоит из четырех жидкостей-элементов — черной, желтой, белой и красной желчи.

четыре первостихии — огонь, вода, земля и воздух; по представлениям того времени, из четырех стихий-элементов был сотворен весь мир.

четыре стихии лжи — образное выражение, обозначающее «насквозь лживы». См. *четыре первостихии.*

Чин и Мачин — в средневековой литературе название Китая с Индокитаем.

чоуган— изогнутая палка, клюшка для игры в чоуган (поло), широко распространенной в средневековом Иране; в персидской литературе с чоуганом часто сравнивают завитки кудрей красавиц.

Что это? Сон или явь?.. — стихи Мутанабби (см.). *шамбалид*— небольшое растение с бледными, желто-зелеными цветами; в персидской поэзии с шамбалидом часто сравнивают лицо несчастного влюбленного.

шариат — совокупность мусульманских религиозно-правовых норм.

шатер царя планет опустили с четырех подпорок — образное выражение, обозначающее, что настала ночь. Солнце, по представлениям средневековых астрологов, вращается в четвертой сфере.

шафран — небольшое растение; высушенные рыльца цветов шафрана употребляются как растительная краска, дающая желтый цвет.

шафрановое лицо — лицо цвета шафрана, то есть побледневшее, пожелтевшее.

шахзаде — царевич, сын шаха.

шесть сторон — имеются в виду север, юг, восток, запад, небо и земля.

шустерская каба — каба — верхняя мужская одежда. Город Шустер славился производством красивых тканей для верхнего платья.

Эта ночь, как агаты под слоем смолы — стихи из поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

Эта пери сияла свежее зари… — стихи Анвари (см.).

Юнус — библейский Иона; по кораническому преданию, Юнус был проглочен огромной рыбой, но и в чреве ее не переставал возносить хвалу богу, благодаря чему был спасен.

Юсуф и Зулейха — герои известного предания об Иосифе Прекрасном, вошедшего в Библию и Коран; Зулейха в мусульманской традиции — жена Путифара, оклеветавшая Юсуфа.

Юсуф своего времени по красоте — имеется в виду Иосиф Прекрасный, вошедшее в Коран предание о котором широко известно на Востоке; Юсуф считается образцом совершенной красоты.

Я вижу, нужен риск мне на моем пути… — стихи Анвари (см.).

Я многих ученых мужей встречал… — стихи Мутанабби (см.).

Я наброшу недоуздок на верблюда своего — стихи Харири (XI–XII вв.),

Я новые песни любимой спою… — стихи неизвестного поэта.

Я создал людей и джинов только для того, чтобы они повиновались мне — Коран, XXI, 56.

Я счастлив, что познал любовь… — стихи Харири (XI–XII вв.).

Я удивлен своим терпеньем… — стихи Абу-Тамама (ум. в 850 г.).

Якуб — библейский Иаков, отец Иосифа Прекрасного, предание о котором вошло в Коран.

Яхья — библейский Иоанн Креститель, которого мусульмане считают одним из своих святых.

Приложение
ОБРАЗЕЦ ТАДЖИКСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ XII ВЕКА[8]

Данных о том, какова была культурная жизнь Мавераннахра после падения династии Саманидов и установления караханидского господства, чрезвычайно мало. Мы знаем, что Караханиды разделили свои владения на уделы, что между отдельными ханами отношения были враждебны, знаем, что роль бывшей земельной аристократии, дихканов, сильно упала, но нарисовать картину общественных отношений этого времени пока невозможно.

Не помогают нам и памятники литературы. Поскольку система управления в известной степени сохранилась и на ответственных постах по-прежнему стояли преимущественно таджики, то понятно, что сохранились в какой-то степени и старые литературные традиции. До нас дошло примерно полтора десятка имен поэтов того времени. Но от произведении этих поэтов в лучшем случае остались только отдельные строки, по которым судить о характере литературы той поры невозможно. По всей вероятности, единственный полностью сохранившийся диван — это объемистый сборник стихов самаркандца Сузани, прекрасная рукопись которого хранится в Сталинабадской публичной библиотеке. Но творчество этого поэта также пока не изучено, да и изучать его очень трудно, так как в стихах Сузани встречаются многочисленные имена лиц, о которых мы большей частью ничего не знаем.

Положение поэтов в это время было, видимо, очень тяжелым, они не пользовались особым уважением. Так, тот же Сузани, хотя и глубоко безнравственный, но несомненно талантливый поэт, унижается до такого выклянчивания подачки, о каком во времена правления Саманидов слышать не приходилось.

О ты, для которого богатства мира кажутся ничтожными, благоволи [пожаловать]
Мне нечто, в чем было бы нечто, хотя бы и малое.
И не сомневайся относительно ничтожности этого нечто,
Ведь сегодня и малое кажется мне многим [9].

То есть поэт просит дать ему кошелек, в котором было бы хоть немножко денег, и не смущаться скромностью подарка. А как к нему относились при дворе, видно из следующего отрывка:

Что необходимо для соблюдения обычаев надимства,
Как не утруждать и душу, и сердце?
С языка должны слетать гладко проза и стихи,

Помыслы должны рождать девственные [остроумные] мысли. В конце же концов все то надимство сводится К получению пощечин и выкрикиванию ругательств[10].

Кроме стихов, нам известно и несколько прозаических произведений, в том числе сборник притч Мухаммада Захири под названием «Синдбад-наме». Однако ввиду редкости рукописей этого интересного произведения оно до сих пор не могло занять подобающего места в истории таджикской литературы.

В настоящее время мы получили возможность осветить несколько темных уголков литературной жизни этого периода. Из предисловия Захири мы узнаем, что древнейшая известная ему версия «Синдбад-наме» была написана на языке пехлеви. В 950–951 гг. некий ходжа Амид Абу-л-Фаварис Фанарузи перевел пехлевийский текст на язык дари по приказу Саманида Нуха ибн Мансура [11]. Но перевод его был совершенно лишен какой бы то ни было художественности, и потому книга успеха не имела.

В караханидском Мавераннахре Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн ал-Хасан аз-Захири ал-Катиб ас-Самарканди взялся за забытую книгу, обработал ее в стиле, соответствовавшем вкусам его среды, и поднес правителю, полное имя которого он дает как Рукн ад-Дин Алп Кутлуг Тунга Билга бу-л-Музаффар Масуд Кылыч Тамгач-

хакан ибн Кылыч Карахан. Об этом Караханиде имеются некоторые сведения. Он вступил на престол в 1163 г., в 1165 г. укрепил и отстроил стены Бухары, вел борьбу с карлуками, умер примерно около 1178 г. Ему посвятил некоторые из своих касыд уже упоминавшийся Сузани. Так, в его диване читаем:

> *При счастливых предзнаменованиях благоприятной звезды победил врагов*
> *Кылыч Тамгач-хан Масуд, опора веры и мира.*

Захири начал свою писательскую деятельность с книги «Аград ас-сиаса фи арад ар-риаса» — «Цели (или задачи) управления в свойствах (или акциденциях) господства». Под этим замысловатым названием скрывается собрание изречений многих (мифических и реальных) шахов от Джемшида до Санджара. Автор к изречениям добавляет различные пояснения и дает довольно много любопытных исторических сведений. Рукопись этого произведения была впервые использована В. В. Бартольдом, опубликовавшим из нее отрывок в приложении к русскому изданию своего «Туркестана». Кроме этой книги, Захири пишет вторую и на этот раз, видимо, добивается большого успеха, так как Ауфи называет его Сахиб-диван-и инша — начальником государственной канцелярии. Вторая книга датировки не имеет.

Какое отношение «Синдбад-наме» имеет к книге Фанарузи, взятой Захири за основу, мы не знаем, но во всяком случае можем уверенно сказать, что Захири сделал с оригиналом все, чтобы придать ему ту крайнюю «элегантность», которая ценилась в художественной прозе. Язык книги Захири еще не достигает головоломной виртуозности «Анвари Сухайли», но тем не менее может считаться верхом совершенства для того времени. Почти всякое слово он дает в паре с его синонимом, а так как собственно таджикских слов хватить не могло, то Захири пользуется арабским словарем, привлекая редкие и малоупотребительные слова. Он вводит, по требованию стиля эпохи, стихотворные цитаты как таджикские, так и арабские. Захири включает цитаты из сочинений таджикских поэтов: много из Анвари и сравнительно малоизвестного Имади. Из произведений арабских

поэтов наиболее широко использованы им диван ал-Мутанабби (915–965) и стихи Ибрахима ал-Газзи. Как очень характерную для этого времени черту нужно отметить значительное число четверостиший (среди которых есть приписываемые Омару Хаййаму, но есть и анонимные), по простоте и задушевности мало чем отличающихся от народной лирики.

По-видимому, сам Захири был лишен поэтического таланта. На это указывает хотя бы то обстоятельство, что даже в посвящении, где автор достигает наибольшего красноречия, он, переходя к стихам, дает отрывок из касыды Анвари. Стиль книги очень близок стилю «Макамов» его современника казн Хамид ад-Дина Балхи (ум. в 1163 г.).

В основу книги легло широко известное сказание, обычно носящее название «Синдбад и коварство женщин». Тема его не раз разрабатывалась в литературах Ближнего и Среднего Востока. В «Синдбад-наме» она немного осложнена. Синдбад здесь — мудрец, воспитатель царевича, ставшего жертвой клеветы рабыни его отца. Составив гороскоп царевича, Синдбад узнал, что в те дни, когда над царевичем стрясется беда, последний должен молчать в течение недели, в противном случае ему грозит гибель. Так как царевич сам защищаться не может, то в защиту его выступают семь везиров, которые стараются оттянуть время и не дать казнить наследника, чтобы через неделю тот смог сам оправдаться. Как полагается в таком произведении, и клеветница-рабыня, и везиры, и сам царевич все свои утверждения доказывают путем приведения притч, которых здесь мы находим тридцать четыре. Именно эти притчи и составляют ядро книги. В целом все произведение, несмотря на известную занимательность сюжета, все же представляет собой типичное «зерцало». Его основное назначение — показать правителю, как осмотрительно нужно решать дела, когда речь идет о человеческой жизни, и как важно иметь вокруг себя мудрых советников. Всюду, где это только возможно, автор вводит в свой рассказ поучения «об управлении страной». Так, характеризуя отца главного героя, шаха Курдиса, как мудрого и справедливого, он говорит о нем следующее: «Он заботился о подданных и не притеснял крестьян, ибо если делать это, то будет так, как если бы вырывать землю из-под стен [дома] с

тем, чтобы обмазать [этой землей] крышу. [При этом] в самом скором времени дом сравняется с землей».

Особенность данного варианта предания заключается в том, что родившийся у шаха наследник оказывается невосприимчивым к наукам. Бесплодные усилия научить царевича науке об «управлении страной» заставляют шаха прибегнуть к помощи Синдбада, который берется разрешить эту трудную задачу и в конце концов добивается успеха. Этот мотив дает автору возможность ввести большое количество рассуждений о воспитании, его целях и методах. Для нас же сохранился очень интересный материал по истории культуры народов Средней Азии.

Введенные в ткань повествования притчи написаны вычурным языком, но, несмотря на это, они весьма живы и интересны. Широко использован старый прием баснописцев брать в качестве действующих лиц различных животных и, используя их характерные черты, применять их как маски для человеческих характеров. Примером может служить первая, эзопова притча, которая приводится в пересказе, а не в полном переводе.

Лиса нашла на дороге рыбу. Она обрадовалась этой неожиданной удаче, но по свойственной ей осторожности призадумалась: «Тут поблизости нет реки, нет и лавки, где можно было бы достать рыбу, верно, тут какая-нибудь хитрость».

Лиса пошла дальше и встретила обезьяну. Поклонившись обезьяне, она сказала: «Меня послали к тебе звери. Наш царь лев слишком свиреп и кровожаден. Мы решили низложить его и взамен посадить на трон тебя; если ты согласна, пожалуй за мной». Предложение это обезьяне польстило, и она пошла за лисой. Когда они подходили к месту, где валялась рыба, лиса сложила лапы и начала молиться: «Пошли нам знамение и сотвори какое-нибудь чудо в знак того, что наш выбор правилен». Пришли к рыбе, и лиса тотчас же завопила: «Молитва наша услышана, вот оно чудо, о котором мы просили! Эту рыбу бог послал тебе!» Обрадованная обезьяна протянула руку, схватила рыбу и, конечно, тотчас же попала в капкан. С перепугу она выронила рыбу, лиса подобрала ее и стала есть. Обезьяна спросила: «Что это ты ешь и что такое меня держит?» Лиса ответила: «Цари не могут обойтись без оков и тюрьмы, а раятам неизбежно нужен кусок и глоток».

Нельзя не признать, что эта притча для того времени очень остра и смела. Любопытна ирония в ответе лисы на наивное изумление обезьяны: таджикская фраза построена так, что может иметь два смысла: «шахам нужно иметь в своем распоряжении тюрьмы и оковы» и «шахам самим полезно испытать, что это такое».

Иной характер носит следующий рассказ:

Шли по дороге волк, лиса и верблюд. Из припасов на дорогу была у них одна лепешка. Дошли они до арыка, сели и стали спорить, как ее поделить. Порешили на том, что делить ее не будут, а целиком отдадут тому, кто из них старше. Волк сказал: «Меня мать родила за семь дней до начала сотворения мира». Лиса воскликнула: «Как же, как же, я при этом была, держала светоч и помогала твоей матери!» А верблюд протянул свою длинную шею, схватил лепешку, слопал ее и сказал: «Всякий, кто меня увидит, убедится, что я [тоже] не вчера родился от матери и намного вас обоих старше».

В самой последней, тридцать четвертой, притче разрабатывается хорошо известная тема, но подается она со специфическим среднеазиатским бытовым оттенком.

Оса видит, как муравей, выбиваясь из сил, тащит зерно. Она говорит ему: «Зачем ты так мучаешься, посмотри, как я кормлюсь без всяких забот и хлопот». Они вместе отправились к лавке мясника, оса уселась на баранью тушу и впилась в нее. Мясник увидел это, стукнул ножом и перерезал осу пополам. Муравей схватил упавшую на пол половинку за ногу, потащил и пробормотал: «Каково место пропитания, таково и место гибели».

Некоторые рассказы не совсем обычны для литературы этого жанра и скорее являются своего рода сказками, в которых частично используются бытовые моменты. Таков, например, большой рассказ самого шахзаде.

В Антиохии жил богатый купец. Как-то раз он узнал, что в одном дальнем городе сандал ценят наравне с золотом. Он собрал все свои средства, закупил на них сандал и повез его в тот город. Когда он подъезжал туда, там стало известно, что он везет очень много сандала. А там проживал один купец, у которого было небольшое количество сандала. Он испугался: «Проезжий пустит в продажу такое большое количество, собьет на него цену, и я понесу убытки. Надо этому помешать». Ку пец выехал навстречу приезжему и, увидев, что тот

расположился на ночлег, разбил свою палатку по соседству с ним и начал готовить себе ужин, разложив костер из сандала.

Приезжий смутился, увидев это. Он пошел к местному торговцу и начал расспрашивать его о том, в какой у них цене сандал. Торговец воскликнул: «У нас-то! Да динар за хорвар!» Тогда приезжий рассказал, что весь его товар — только сандал и что, если цена действительно такова, он разорился. Местный купец предложил выручить его и купить у него весь его груз за одну мерку чего бы тот ни пожелал, будь то серебро, золото или жемчуг. Приезжий заключил такую сделку в присутствии законных свидетелей.

На другой день он доехал до города и остановился там в доме одной старухи, где и узнал, что сандал в этом городе действительно продают на вес золота и что его обманули. От огорчения он на следующий день не стал заниматься делами, а пошел бродить по городу. Видит, возле лавки двое играют в нарды. Они предложили ему принять участие на таком условии: если он выиграет, может требовать у проигравшего все, что пожелает, а если проиграет, должен будет сделать все, что ему прикажут. Надеясь избежать таким образом разорения, купец принял это условие и проиграл. Выигравший требует, чтобы он залпом выпил всю реку, на берегу которой они сидят, или заплатил неустойку. Поднялся спор, сбежался народ. А купец был очень краснолицый и с голубыми глазами. Тут подбегает к нему человек с одним голубым глазом и кричит: «Ты украл мой глаз, подавай его назад или плати за убыток». Тотчас третий бросил ему к ногам кусок мрамора и говорит: «Или сшей мне из него исподнее белье, или плати отступное». Шум поднялся невообразимый. На шум прибежала его квартирная хозяйка, поручилась за него и предложила отсрочить выполнение сделки на следующий день, так как все равно уже поздно идти к судье.

Купец пришел на свою квартиру в полном отчаянии, но старуха говорит ему, что падать духом еще рано. Город этот полон жуликов и мошенников, все они составляют одну шайку, а главой у них слепой старик, у которого они по вечерам собираются на совещание. «Ты оденься в такое платье, какое носят в этом городе все, пойди в этот дом, сядь в темном углу и слушай, о чем они будут говорить. Может быть, ты услышишь что-нибудь, что поможет тебе выпутаться из беды».

Купец так и сделал. Вечером собрались все его противники и начали докладывать о своих проделках. Первым доложил купивший у него сандал. Слепец выслушал и сказал: «Эх, маху ты дал, ведь когда ты придешь к нему и потребуешь купленный товар, он может сказать: «Хорошо, только дай мне взамен мерку блох, наполовину из самцов, наполовину из самок, и чтобы все они были взнузданы и оседланы»». — «Он не догадается это потребовать». — «А если догадается?» — «Тогда я откажусь от сандала». — «Хорошо, если он примет отказ, он может потребовать и неустойку».

Выступил игрок в нарды. Ему старик сказал: «Это ты тоже неудачно придумал. Ведь он потребует, чтобы ты сначала остановил все реки, которые в эту реку впадают».

Человеку с куском мрамора старик сказал, что купец может дать ему кусок железа и приказать наделать из него ниток, чтобы сшить это белье. Но хуже всего, по мнению старика, было положение голубоглазого кривого. «Он тебе скажет: «Давай, вырвем у себя по глазу и взвесим их, если вес будет одинаков, значит, глаз твой, и ты можешь его взять, если нет, тогда спорить не о чем». Он станет, правда, кривым, да ты-то будешь слепым».

Наутро жулики собрались у старухи, и, конечно, все разыгралось так, как сказал слепой старик. Купец получил обратно сандал, который продал за большие деньги, да к тому же получил еще и четыре тысячи динаров от обманувшихся мошенников.

Этот рассказ при всей своей сказочности интересен тем, что в нем говорится о существовании разбойничьих шаек, делавших своими жертвами проезжих купцов. Если вспомнить, что еще ал-Джахиз (ум. в 868 или 869 г.) в своей «Книге скупцов» подробно описывает различные, употреблявшиеся в его время способы обжуливания доверчивых людей, и если учесть, что караханидское завоевание и связанные с ним междоусобные войны довели обнищание населения до невероятных размеров, то станет понятно, что рассказ об увеличении преступности для читателей Захира был актуальным.

Едва ли можно сомневаться в том, что сохраненный одним из фархангов бейт таджикского классика Рудаки

Накинулись на меня жулики [этого] города,
Я не знал, какие коварства они придумали,

был когда-то включен именно в этот рассказ. Очевидно, это относится к тому моменту, когда старуха, приведя купца домой, начинает упрекать его за доверчивость, а он оправдывается перед ней. Это предположение, высказанное уже П. Хорном, сейчас при наличии текста «Синдбад-наме» может быть подтверждено еще и другими сопоставлениями. Среди скудных отрывков, сохранившихся от столь богатой когда-то поэзии Рудаки, имеются три таких бейта:

Тот рис и сахар он целиком забрал,
А в узелок той женщины завязал земли.
Та женщина выбежала из лавки, словно ветер,
Узелок дала ему в руки.
Муж развязал тот узелок, увидел землю,
Прикрикнул на жену и сказал: «О негодяйка!»

Этот простой и живой рассказ, вероятно, многих читателей заставлял пожалеть о невозможности узнать, в чем же тут было дело. «Синдбад-наме» позволяет это установить. Ответ находим в девятой притче, имеющей такое содержание.

Был на свете один праведный дехканин. У него была жена легкомысленного нрава. Как-то раз он дал ей куразу (т. е. обрезок от золотого динара) и послал ее на базар купить рису. Когда она подошла к ларьку бакалейщика, тот, посмотрев на нее, понял, что тут можно поживиться, и, отвесив ей рису и завязав его в уголок ее чадры, предложил женщине зайти во внутреннее помещение лавки, обещая дать ей там еще и сахару. Женщина сказала, что на сахар у нее нет денег. На это бакалейщик ответил, что денег ему и не надо, с него хватит поцелуя. Она согласилась. В комнатке при лавке он завязал ей в чадру немного сахару. Узелок они оставили при выходе в лавку, а сами стали целоваться. Хитрый шогирд (ученик или приказчик) заметил это, вытащил из узелка рис и сахар и, чтобы не было заметно, завязал туда земли.

Женщина, ничего не подозревая, пришла домой и передала узелок мужу. Тот, к своему величайшему изумлению, увидел там только

уличную пыль Однако жена не смутилась, тотчас же схватила решето и начала просеивать эту пыль. Недоумевающему мужу она объяснила, что на базаре ее сбил с ног мчавшийся мимо бешеный верблюд и она уронила золото. Но она не растерялась, а, поднявшись, взяла с того места немного земли в надежде на то, что с землей ей удастся взять и упавшее золото. Муж был растроган такой заботливостью, дал ей еще денег, а землю приказал выбросить.

Думаю, что не может быть сомнения в том, что приведенный выше отрывок Рудаки относится именно к этой притче. А так как теперь у нас есть уже два отрывка одного и того же метра (ремель), относящихся к «Синдбад-наме», то и всякий следующий бейт месневи этого метра можно будет поставить в связь именно с этой поэмой. Таким путем мы находим еще два бейта, которые выдают свое происхождение:

Он сказал: «Когда-то был один шахзаде,
Знатного рода, знающий, благородный он был.
Вошел он как-то раз в баню голый,
А был он жирный, и большой, и мясистый».

Размер этого отрывка заставляет предполагать, что и он восходит к «Синдбад-наме». И в самом деле, рассказ четырнадцатый, излагаемый четвертым везиром, начинается так.

В Каннаудже был один банщик. Некий красивый молодой шахзаде имел привычку ходить к нему в баню. Отец посватал принцу невесту из знатного рода. Однажды шахзаде пришел в баню, и банщик начал его массировать. Тут у них начался разговор о том, что «тело у него (т. е. у шахзаде) было невероятно мясистое». Здесь Захири арабское слово «лахим» употребляет в том же значении, в каком Рудаки приводит таджикское слово «хубгушт». Таким образом, усумниться в том, что приведенные стихи Рудаки восходят именно к этому рассказу, едва ли можно.

Выше мы уже упоминали, что Захири особенно охотно украшает свою книгу стихами в форме четверостиший. Многие из них резко отличаются своей простотой от вычурных цитат из дивана Анвари,

которые также, видимо, нравились Захири, Для образца приведем некоторые из этих четверостиший:

Ушел я, так как не увидел от тебя участливости
И в общении с тобой много перенес унижений.
Если плох я был, ты избавилась от моей докуки,
Если же хорош был, то, может быть, вспомянешь ты меня.

Или

Ушел я, и да не будет у меня без тебя ни одного сладостного мига.
От круговращения времени довольно мне и этой раны.
Если смерть не поднимется и не нападет на меня,
В конце концов я когда-нибудь приду к тебе на поклон.

Более вычурно такое рубаи:

Жили мы некоторое время в единении, словно Плеяды,
В безопасности от бед и опасений ущерба.
Должно быть, недостаточно оценили мы это единение,
Что бог разбросал нас, как звезды Большой Медведицы.

Отличие разбираемого варианта сказания о Синдбаде от многочисленных сходных собраний притч, как, например, «Бахтиар-наме», «Кырк везир», в том, что здесь широко развернута концовка. Когда шахзаде начинает говорить, он все объясняет и тоже иллюстрирует свои мысли притчами. Так, на вопрос, кто же повинен в беде, он рассказывает такую притчу.

«Некто хотел устроить в своем доме большое угощенье. Он послал свою служанку на базар за молоком. Она купила полный кувшин молока и несла его домой на голове открытым. А в это время над городом пролетал аист, держа в клюве ядовитую змею. Несколько капель яду брызнуло из пасти змеи и попало в молоко. На этом молоке, ничего не подозревая, сварили рис и подали гостям, но не успели они

съесть и по пригоршне его, как тут же упали мертвыми». Рассказав это, шахзаде задает присутствующим вопрос: «Кто же, по вашему, виновен в смерти этих людей?» Один из ученых сказал: «Служанка, не прикрывшая молоко». Другой сказал: «Нет, виноват аист». Третий возразил: «Почему же аист? Виновата змея». — «Да нет, — воскликнул четвертый, — виноват хозяин, не попробовавший пищу, прежде чем подать ее гостям». Но шахзаде считает, что винить здесь никого нельзя, причина смерти гостей — стечение всех перечисленных обстоятельств, а оно вызвано судьбой. С судьбой же спорить не приходится.

Шах в восторге от такого проявления мудрости со стороны сына и приказывает облачить Синдбада в почетный халат. Он задает Синдбаду вопрос: «А почему же ты так долго не мог добиться при его обучении никаких результатов?» Синдбад отвечает, что это происходило потому, что не наступил еще благоприятный момент. Тогда отец спрашивает сына, что это значит, и тот поясняет: «Юность — это один из видов безумия, но это безумие прошло, и я понял, что только знание может сделать человека заслуживающим уважения». В доказательство этого он рассказывает еще три притчи, из которых последняя, о городе мошенников, была нами изложена выше.

Приступают к расправе над оклеветавшей юношу рабыней Шах спрашивает своих советников, какой каре ее надлежит подвергнуть. Один везир предлагает ослепить ее, другой — отрезать язык, третий — отрубить ноги, четвертый — вырвать преступное сердце. Шахзаде, однако, находит, что все это слишком жестоко и предлагает обрить ей наголо голову, вычернить лицо, посадить на черного ишака и возить по всем улицам города, объясняя, что такова кара за предательство.

Шах признает такое решение правильным и приказывает выполнить его. Он спрашивает сына, как тот смог приобрести столько знаний за столь короткое время. Шахзаде отвечает, что начало всему — разум и что когда разум развился, то усвоение знаний уже не представляет труда. Следуют восемь изречений, которые будто бы начертаны на стенах дворца Фаридуна. Они вполне в стиле старой литературы андарзов, но форму автор придал им новую. Приведем, как образец, первое изречение:

«Всякий, кто слушает сплетника и доносчика и поступает сообразно его [доносам], испытывает беды, для исправления и

исцеления которых целебная рука разума окажется слишком короткой». Это изречение, несомненно, имелось и в среднеперсидском оригинале, но там оно было выражено сжато и лапидарно и не отличалось такой претенциозной «красивостью».

Шах задает Синдбаду ряд вопросов. «Кто, — спрашивает он, — достоин власти?» — «Тот, — отвечает везир, — кто умеет распознавать людей». — «А каким свойством шаху лучше всего обладать?» — «Он не должен торопиться при отдавании приказов и быть справедливым». — «А что для него всего хуже?»— «Поспешность в исполнении решений и скупость». — «А кому труднее всего умереть?» — «Тому, кто в течение жизни творил зло». Дальше следует бейт Мутанабби:

Любящие друзья разлучались, умирая, и до нас,
И болезнь смерти не мог исцелить ни один врач.

За ним следует четверостишие, обычно приписываемое Омару Хайаму[12]:

Не слушай речи тех, кто норовит приспособиться к времени,
Бери отстоявшееся [вино] у прибывших из Тараза:
Один за другим ушли приходившие сюда,
И никто не даст вести о том, что кто-то из них вернулся.

Шах, выслушав все это, решает передать свой престол сыну, а сам уходит в пустыню спасать душу.

В заключение автор говорит, что если бы все они еще были живы, то преклонились бы перед мудростью и могуществом Кылыч Туган-хана, в дни правления которого все служит только на пользу человеку и даже дикобраз разучился пускать стрелы. Нужно заметить, что в Средней Азии было распространено поверье, что дикобраз для самозащиты может пускать в нападающего на него человека свои иглы, как стрелы.

Таким образом, данная версия «Синдбад-Наме» соединяет в себе несколько жанров. Она является руководством для шахов как в деле

управления страной, так и в деле воспитания своих наследников.

Эта книга отныне должна занять подобающее ей место в истории персидской и таджикской литературы как своеобразный образчик орнаментальной прозы.

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

---

notes

Примечания

1

Калила и Димна, пер. с арабск. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина под ред. И. Ю. Крачковского, изд. 2, М., 1957.

2

Повесть о Варлааме-пустыннике и Иосафе, царевиче индийском. пер. с арабского акад. В. Р Робена под ред. и с введением акад. И. Ю. Крачковского, М-Л., 1947.

3

«Фихрист» — известный биобиблиографический словарь-справочник X в.

4

Греческие авторы указывают, что переводы «Хватай-намак» и «Малого Синдбада» сделал некий «Musos o persis» — «Муса перс». Подробнее об этом см.: В. Р. Розен, *К вопросу об арабских переводах «Худай-намэ»* (сб. «Восточные заметки», СПб., 1895).

5

См. сб. «Аль-Музаффария», СПб., 1897 (статья о книге Синдбада-Сиддхапати).

6

Здесь и далее звездочка перед словом означает, что пояснения к нему помещены в конце книги (в алфавитном порядке).

7

Примечания составлены Н. Б. Кондыревой,

8

Статья была опубликована в «Кратких сообщениях Института востоковедения АН СССР», вып. IX, М. 1953. Печатается с незначительными сокращениями. — *Ред.*

9

Ауфи, *Лубаб ал-албаб,* II, 193.

10

Ауфи, *Лубаб ал-албаб,* II, 195.

11

В такой форме встречается это имя в рукописях и в изданном тексте. Но нужно заметить, что Саманид Нух II ибн Мансур правил с 976 по 997 г., что делает заказ о переводе «Синдбад-наме» на язык дари в 950–951 гг. маловероятным. Надо думать, что в рукописях имеется описка: это имя дают вместо Нух I ибн Наср, который правил с 943 по 954 г., что хронологически вполне подходит. Замечу также, что у Эте имя первого переводчика дано в форме Канавузи; это, очевидно, объясняется отсутствием диакритических точек в единственно доступной ему рукописи»

12

По изданию Никола (Париж, 1867) — четверостишие № 343, причем в этом издании вместо «замона» напечатано бессмысленное здесь «занон» и дан совершенно фантастический перевод. О городе красавиц Таразе Никола, видимо, ничего не слышал и перевел: «Возьми вина от тех, у которых безупречный туалет».